

А.А. БОГОРДАЕВА

ТРАДИЦИОННЫЙ
КОСТЮМ
ОБСКИХ УТРОВ

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
УЧРЕЖДЕНИЕ ХАНТЫ-МАНСЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ
«ЦЕНТР НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ И РЕМЕСЕЛ»

А.А. БОГОРДАЕВА | **ТРАДИЦИОННЫЙ
КОСТЮМ
ОБСКИХ УГРОВ**

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *Е.Г. Федорова*

*© пожеланиями
добра и благожелательности!
Будьте счастливы!*

Ж

07.03.2019г.

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2006

УДК 39
ББК 63.5(2)
Б74

Рецензенты

доктор исторических наук *А.Н. Багашев*
кандидат исторических наук *В.А. Зах*
кандидат исторических наук *В.И. Семенова*

Утверждено к печати Ученым советом
Института проблем освоения Севера СО РАН

Работа издана в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», исследовательского гранта губернатора Тюменской области, 2004 г., гранта губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2005 г.

Богордаева А.А.

Б74 Традиционный костюм обских угров / А.А. Богордаева; Ин-т проблем освоения Севера СО РАН. — Новосибирск: Наука, 2006. — 239 с.
ISBN 5-02-032365-9.

Книга посвящена проблеме формирования традиционного костюма обских угров. Впервые обобщены данные по технологии изготовления, покрою одежды, составу и функциональным признакам костюмного комплекса всех групп хантов и манси в XVIII–XX вв. На основе анализа широкого круга этнографических источников рассмотрены специфика, локальные особенности, общие элементы костюма, этапы его формирования.

Для специалистов в области этнографии, археологии, истории, музееведения и искусствоведения.

УДК 39
ББК 63.5(2)

ТП 2005–II–№ 37

ISBN 5-02-032365-9

© А.А. Богордаева, 2006
© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2006
© Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Костюм как часть материальной культуры отражает особенности адаптации человека к окружающей среде. Обладая высокой степенью устойчивости в рамках традиционной культуры, он занимает особое место в ряду источников по культурогенезу. В то же время, изменяясь под влиянием природно-климатических условий, экономических, социальных и других процессов, костюм отражает динамику их развития.

В традиционном обществе одежда выполняет не только защитные функции, оберегая тело от реальных и вызванных иррациональными представлениями опасностей, но и существует как одно из воплощений человека. Костюм непосредственно связан с владельцем и имеет индивидуальные характеристики, основывающиеся на принятых в обществе нормах. Он остается в числе главных факторов визуального восприятия человека, соотношения с культурой, социальным статусом, профессиональной деятельностью и т. п. Проявляющаяся при этом знаковость костюма дает возможность рассматривать его как одну из форм общения между людьми.

Изучение традиционного костюма в историческом, социальном и знаковом аспектах позволяет определить специфику формирования человеческой культуры в целом и в ее локальных вариантах. В этом отношении традиционный костюм обских угров представляет уникальный комплекс, сочетающий архаичные элементы с современными материалами, а также предметы одежды различного происхождения. Налицо его многокомпонентная основа, в целом характерная для культуры хантов и манси и базирующаяся на ряде факторов (географическом, этнокультурном, культурно-генетическом и др.). Ее особенность в том, что у разных групп этих народов были созданы отличные по своей хозяйственно-культурной направленности комплексы.

На основе лингвистического деления, а также особенностей культуры и быта у хантов принято выделять три основные этнографические группы: южную, восточную и северную, у манси — четыре: юж-

ную, восточную, западную и северную [Соколова, 1975а, с. 192–197; Федорова, 2000г, с. 4].

Южная группа хантов занимала в XVIII — начале XX в. территорию в нижнем течении Иртыша до его впадения в Обь с его притоками Кондой и Демьянкой. В XVIII в. среди кондинских хантов имел место процесс «вогулизации» за счет переселения манси из соседних южных и западных волостей [Соколова, 1983, с. 55]. К началу XX в. эта группа хантов была частично ассимилирована татарами и русскими; отдельные группы иртышских и демьянских хантов в XIX в. мигрировали в бассейн средней Оби [Мартынова, 1998, с. 23, 203]. Восточная группа хантов локализуется в пределах обских притоков — рек Вах, Васюган, Тромъеган, Аган, Юган, Большой и Малый Салым. У восточных хантов обнаруживается ряд параллелей с культурой кетов, южных селькупов и эвенков [Соколова, 1975а, с. 200; Лукина, 1985, с. 282; Мартынова, 1998, с. 204]. Северная группа хантов проживает в бассейнах рек нижнего течения Оби (на Малой Сосьве, в низовьях Северной Сосьвы, на Казыме, Лямине, Куновате, Сыне, Войкаре, Соби, Полуе и Надыме). Традиционный хозяйственно-культурный комплекс у северных хантов обнаруживает элементы ненецкого, коми-зырянского и мансийского происхождения [Соколова, 1983, с. 44; Мартынова, 1998, с. 137].

Южная группа манси занимала территории в бассейне рек Тавада, Тура (с притоками Ницей и Тагилом), средняя Кама (с Иньвой и Чусовой). К XVII в. здесь произошла тюркизация мансийского населения, в XIX в. — русификация, а часть населения мигрировала на Конду [Долгих, 1960, с. 34; Соколова, 1983, с. 97–98]. Восточных манси в бассейне р. Конда определяют как переселенцев с западных и южных территорий, смешавшихся с южными хантами [Соколова, 1979, с. 124–125; Мартынова, 1998, с. 28]. Позднее часть этой группы переселилась на Северную Сосьву, где вошла в состав северных манси [Соколова, 1979, с. 124–125; Федорова, 1994, с. 258]. В культуре северных манси, занимавших территорию бассейна Малой Оби, Северной Сосьвы, Ляпина, верхнего течения Лозьвы и Пелыма, прослеживается влияние ненцев, северных хантов и коми-зырян [Федорова, 1994, с. 261]. Территория проживания западных манси локализовалась по реке Пелым, нижнему и среднему течению Лозьвы. С XVII в. отмечается частичное переселение этой группы, в культуре которой обнаруживается много сходных черт с коми-зырянами и русскими, на Северную Сосьву [Соколова, 1979, с. 124–125; Федорова, 1994, с. 258].

Таким образом, процесс складывания локальных групп обских угров был разновременным. В ходе него группы испытали на себе

влияние иноэтничных компонентов, что нашло отражение в формировании особенностей культуры каждой из них. Наибольшие различия между этими группами лежали в сфере хозяйственной деятельности [Федорова, 2000г, с. 326].

В целом у хантов и манси выделялись следующие хозяйственно-культурные типы: оседлые рыболовы больших рек; полуоседлые охотники и рыболовы притоков Оби и Иртыша; полуоседлые охотники-оленоводы верховьев притоков Оби и Иртыша; кочевые и полукочевые оленеводы, а также интегрированный тип, включающий рыболовство, охоту, скотоводство и земледелие или огородничество [Головнев, 1993, с. 151–157; Томилов, 1993, с. 86–87; Федорова, 2000г, с. 153–154]. На этом фоне особенно заметен пласт, связанный с южной культурой скотоводов-кочевников. Он-то и придает в немалой степени обским уграм особую этническую специфику и подчеркивает единство их происхождения. Таким образом, четко прослеживается двухкомпонентность культуры обских угров. С одной стороны, это сохраняющийся до нашего времени у некоторых групп хозяйственно-культурный комплекс местного таежного происхождения, с другой — южного скотоводческого [Чернецов, 1953, с. 60–61; Вереш, 1978, с. 40–42; Соколова, 1980а, с. 93; Федорова, 2000г, с. 325]. При изучении первого комплекса обнаруживаются связи обских угров с соседними сибирскими народами, второго — с народами Поволжья и Средней Азии [Лукина, 1985, с. 282–284; Федорова, 1994, с. 260; и др.]. У отдельных групп обских угров эти комплексы выражены по-разному, что объясняется их обособленностью, влиянием соседних этносов, этноисторическими процессами в целом.

В связи с этим представляется важным и актуальным выявление компонентов общего и локального характера, а также их динамики в определенных хронологических рамках, что дает возможность выделения наиболее архаичных элементов, принадлежащих периоду обскоугорского единства, и поздних напластований, появившихся в результате освоения новых территорий и под влиянием соседних этносов. Накопленный к настоящему времени материал по традиционному костюму обских угров периода XVIII–XX вв. позволяет проследить динамику его изменения на фоне этнокультурных процессов.

Целью исследования является определение специфики традиционного костюма обских угров на основе выявления общих и локальных элементов у разных групп хантов и манси в XVIII–XX вв. В задачи работы входят: исследование технологии изготовления одежды и

украшений; описание и типология одежды и украшений; классификация одежды по функциональным признакам; выявление локальных костюмных комплексов в разные хронологические отрезки; определение динамики в развитии одежды, украшений и в целом костюма обских угров в XVIII–XX вв.

Такой подход обуславливает использование комплекса научных методов, включая сравнительно-исторический, сравнительно-типологический и структурно-функциональный, а также методы полевой этнографии.

Основы сравнительно-исторического анализа одежды народов мира разрабатывались в рамках изучения истории костюма с древнейших времен [Киреева, 1970; Мерцалова, 1993; Вейс, 1998; и др.]. Современное исследование строится на определении тенденций развития костюма в пространственно-временных рамках в соответствии с социально-экономическими и политическими изменениями, происходившими в обществе. Костюм каждой исторической эпохи и каждого народа представляется в совокупности его элементов, описываются виды плечевой и поясной одежды, обуви, головных уборов, украшений, прически и т. д. Исторический костюм определяется как «изменяющаяся одежда», которая более или менее — в особенности с конца средневековья — подчиняется моде», в то время как «народные или национальные костюмы, которые претерпели лишь незначительные изменения... представляют собой достаточно «стабильную» одежду, различающуюся в зависимости от государственных и географических границ и многих других факторов» [Брун, Тильке, 2001, с. 6].

В целом сравнительно-исторический анализ костюма позволил выявить общие тенденции развития одежды в разные исторические эпохи, обозначить несшитую одежду как наиболее древнюю, связать происхождение некоторых видов одежды с определенными народами и историческими периодами. На базе сопоставления археологических и этнографических, письменных и изобразительных источников отечественными исследователями реконструированы костюмы ряда древних обществ [Древняя одежда..., 1986; Богословская, 1995; Доде, 2001; и др.], изучены особенности и этапы формирования костюма отдельных регионов и народов [Лебедева, Маслова, 1967; Сухарева, 1982; Лобачева, 1989; Молотова, 1992; Гаврильева, 1998; и др.]. Разработанная в ходе изучения истории костюма методика его описания включает классификацию по составу костюмного комплекса, типологию по хронологическому, географическому, половозрастному и функциональному признакам.

Костюм определяется как единый стилевой ансамбль, включающий в себя комплекс элементов: нижнюю и верхнюю одежду, головные уборы, обувь, украшения и аксессуары [Маслова, 1984, с. 4; Доде, 1993, с. 6; Сулова, Мухамедова, 2000, с. 7]. Единый стиль и комплексность отличают понятия «костюм» и «одежда». В этнографической науке *традиционная одежда* рассматривается достаточно широко и включает помимо собственно одежды (плечевая, поясная) головные уборы, обувь, украшения, прическу и другие элементы, составляющие различного рода костюмы.

Исходя от этого определения одежды был изучен состав костюмного комплекса обских угров и выявлена его специфика у отдельных групп. На основе анализа употребляемых для одежды материалов нами выделены этапы формирования костюма, прослежены пути развития отдельных его элементов в исторической динамике XVIII–XX вв. у разных групп хантов и манси.

Применение сравнительно-типологического метода для изучения одежды имеет давнюю историю. Географический признак был одним из первых использован в этнографической науке для типологии одежды [Ратцель, 1902; Адлер, 1903, с. 69; и др.]. Естественно-географические условия и уровень социально-экономического развития послужили основой для разработки отечественными исследователями хозяйственно-культурной типологии, в рамках которой наряду с другими особенностями культуры рассматривалась и одежда [Чебоксаров, Чебоксарова, 1985]. Природно-географический и хозяйственный факторы стали основными признаками при разработке экологической типологии одежды, на основе которой Е.Г. Федоровой была проанализирована одежда тундрового населения Сибири [1995, с. 119–165]. Однако, как показали дальнейшие исследования, типология по природно-хозяйственному признаку, хотя и позволяет определить общее и особенное в культуре различных народов в конкретный отрезок времени, все же носит в большей степени формальный характер.

Наиболее разработана типология одежды на основе такого признака, как покрой. При этом большинство исследователей рассматривают несшитую одежду как наиболее архаичную, а усложнение покроя сшитой одежды связывается с ее дальнейшим развитием [Куфтин, 1926, с. 23; Сухарева, 1982, с. 51; Лобачева, 1989, с. 7; и др.]. Определяя покрой в качестве ведущего типологического признака, отечественные этнографы описали плечевую и поясную одежду, головные уборы и обувь русского населения различных регионов России [Лебедева, Маслова, 1967; Крестьянская одежда..., 1971], народов Поволжья [Белицер, 1951; Гаген-Торн, 1960; и др.], Сибири

[Потапов, 1951; Прыткова, 1970а, 1976; Томилов, 1980; Смоляк, 1984; Хомич, 1995; и др.], Кавказа и Средней, Западной, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии [Сычев, 1977; Традиционная одежда..., 1989; Гаджиева, 1981; Иванова, 2002; и др.].

На базе изучения особенностей покроя были типологизированы верхняя плечевая одежда [Прыткова, 1961а], головные уборы [Прыткова, 1961б] и обувь народов Сибири [Василевич, 1963]. Основным признаком верхней плечевой одежды Н.Ф. Прыткова предложила считать наличие или отсутствие вертикального разреза спереди, т. е. деление одежды на глухой и распашной типы [1961а, с. 227]. Всего в плечевой одежде сибирских народов ею было выделено двенадцать типов, каждый из которых назывался в соответствии с территорией бытования (енисейский, восточносибирский, среднесибирский и др.) и был соотнесен с определенным хозяйственно-культурным типом [Там же, с. 237–239]. В результате анализа покроя головки и голенища обуви Г.М. Василевич были выделены два основных типа — башмаковидный и поршневидный, каждый из которых был ею классифицирован по способу раскроя надподошвенной части и соотнесен с определенным географическим ареалом и хозяйственно-культурным типом [1963, с. 42–64].

Сравнительно-типологическое изучение украшений одежды народов Сибири также позволило установить ряд общих признаков. Так, исследование несъемных украшений верхней плечевой одежды позволило классифицировать их по материалу [Федорова, 1988б, с. 99–100]. В ходе описания накосных украшений были определены основные типы причесок: подстригание волос, косоплетение и обмотка пучков волос [Клюева, Михайлова, 1988, с. 123–124].

В целом сравнительно-типологический анализ традиционной одежды позволил выявить ее типы, характерные для природно-климатических зон и хозяйственно-культурных комплексов; определить зависимость покроя одежды от материала, из которого она изготавливается, и хозяйственной деятельности; проследить связи между расположением украшений на одежде и ее покроем. Были разработаны программы по изучению одежды различных народов, в том числе сибирских [Одежда..., 1928; Прыткова, 1970б]. В программу по изучению одежды народов Сибири Н.Ф. Прыткова включила вопросы, связанные с классификацией источников по одежде, методикой паспортизации и описания изготовления одежды и ее украшений и др. [1970б, с. 208–222].

По этой программе нами были собраны полевые материалы по одежде обских угров и способам ее изготовления, а также описаны

предметы из музейных коллекций. За основу были взяты форма элемента костюма, его нахождение в составе комплекса (плечевая и поясная одежда, обувь, головной убор и т. д.). Дальнейшая классификация каждой категории элементов осуществлялась с учетом комплекса признаков: по материалу, покрою, способу ношения и т. д. Базовый состав костюмного комплекса (одежда, обувь, головные уборы) был типологизирован на основе покроя. Это позволило выделить типы элементов, различающиеся в пределах базового признака (например, покроем стана плечевой одежды, головки обуви, тульи головного убора). По наличию вторичных признаков (покроем деталей, способы украшения и т. п.) некоторые из них были дифференцированы на варианты и подварианты. Таким образом, впервые были систематизированы все материалы по традиционной одежде обских угров и составлена ее общая классификация (до этого одежда хантов и манси изучалась по отдельности).

Сравнительно-типологический метод наряду со сравнительно-историческим использовался в работе и для изучения функциональных признаков одежды. На базе такого анализа осуществлялась формальная ее дифференциация. Выделение же собственно сигнификативных функций костюма возможно на основе структурно-функционального метода, который позволяет рассматривать костюм не только как структуру, состоящую из отдельных знаков [Богатырев, 1971, с. 306; Леви-Строс, 2000, с. 364], но и как «явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни» [Арутюнов, 1989, с. 218]. Это взаимодействие проявляется в полифункциональности комплекса одежды, где функции «есть не что иное, как описание точки пересечения его системных связей с различными функциональными сферами культуры» [Кузнецов, 1995, с. 41].

Изучение моравского народного костюма с помощью структурно-функционального анализа позволило П.Г. Богатыреву среди целого ряда функций, присущих конкретному костюму, выделить одну или несколько доминирующих [1971, с. 300]. На их основе формируются системы значений, среди которых И.В. Кузнецов выделил «преимущественно вещественные» (функция сезонной сменяемости, производственная) и «преимущественно знаковые» (функции половой и возрастной стратификации, этнодифференцирующая, ритуальная, мифологическая, престижная, эстетическая, эротическая и др.) [1995, с. 44]. Особое место среди них занимает ритуально-мифологическая функция, раскрывающая семантику одежды и воплощенная в обрядовой или ритуальной одежде (праздничная, свадебная, похоронная и др.) [Маслова, 1984, с. 126; Кузнецов, 1995, с. 47].

С природно-хозяйственным фактором связана адаптивная функция одежды, которая проявляется в производственном костюме [Федорова, 1993, с. 245–246].

Классификация одежды обских угров осуществлялась нами на основе формального подхода и дифференциации на повседневный и празднично-обрядовый комплекс. В ходе такой классификации впервые комплексно рассмотрена одежда, используемая в обрядах.

Источники, на которых построена работа, подразделяются на несколько групп. Первую группу представляют вещевые коллекции Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Словцова, Когалымского городского краеведческого музея, Березовского историко-краеведческого музея и Саранпаульского краеведческого музея. Изученные предметы собирались с конца XIX (22 предмета из коллекций ТГИАМЗ) до конца XX в. (10 предметов из коллекций ТОКМ; 90 — из КГКМ; 10 — из БИКМ; 4 — из СКМ) и позволяют проследить общую динамику изменений в традиционной одежде обских угров. Музейные коллекции характеризуют одежду разных групп обских угров и содержат материалы по утраченному к началу XX в. костюму южных (кондинских, иртышских) и восточных (салымских) хантов, восточных (кондинских) манси (ТГИАМЗ: коллекции А.Е. Мотошина, В. Пигнатти, Л. Шульца); предметы костюма последней четверти XX в. северных и восточных хантов, северных манси (ТОКМ, БИКМ, СКМ), а также тромъеганских и обских хантов конца XX в. (КГКМ).

Также использовались опубликованные каталоги Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета [Каталог..., 1979], Омского государственного объединенного исторического и литературного музея [Народы Севера..., 1986] и Государственного музея природы и человека г. Ханты-Мансийска [Обские угры..., 2002]. В этнографических коллекциях Музея Томского университета представлена одежда, собранная в 1960-х гг. Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзиным у восточных (васюганских, ваховских и александровских) хантов [Каталог..., 1979, с. 230–286]. В каталоге дается краткое описание одежды и ее размеры. Более подробная информация по коллекциям содержится в каталогах Омского музея. Здесь показаны предметы хантыйской и мансийской одежды, собранные на территории Западной Сибири в конце XIX — начале XX в., даны их описания, фотографии и рисунки, условия поступления, место комплектования [Народы Севера..., 1986]. Особую ценность представляют описания элементов костюма южных

(демьянских) и северных (нижнеобских) хантов конца XIX — начала XX в. из коллекций И.Н. Шухова и Т.П. Белоногова. В издании коллекций Ханты-Мансийского музея представлены утраченные к настоящему времени элементы костюма среднеобских хантов конца XIX — начала XX в., а также обрядовая одежда [Обские угры..., 2002].

Следует заметить, что музейные коллекции одежды, как правило, создавались из отдельных предметов и чаще всего не составляют единых костюмных комплексов. В описях практически отсутствуют данные о том, с какими предметами использовался тот или иной элемент одежды, часто нет сведений о названии предмета на национальном языке, его функциональном назначении, а иногда и месте приобретения, что затрудняет определение костюмного комплекса.

Другая группа источников — полевые авторские материалы, полученные путем опроса, наблюдения, зарисовок и фотофиксации. Экспедиционные исследования проводились в Тюменской области на территории проживания северных (ляпинских) манси (Березовский р-н, 1991, 2004 г.), восточных (кондинских) манси (Кондинский р-н, 1993 г.), среднеобских хантов (Ханты-Мансийский р-н, 1995, 2000 г.), восточных (аганских) хантов (Нижневартовский р-н, 1997, 2000 г.), юганских хантов р. Демьянка (Уватский р-н, 1999–2000 гг.). Широкий территориальный охват позволил зафиксировать бытование локальных костюмных комплексов и отдельных элементов традиционного костюма, выявить наиболее устойчивые из них, проследить степень их сохранности.

Письменные источники включают записки путешественников, ссыльных, а также историко-этнографические описания XVIII–XX вв. Г. Новицкого, Л. Сеницкого, В.Ф. Зуева, Ф.М. Белявского, М.А. Кастрена, У.Т. Сирелиуса, В.Н. Чернецова, Н.Ф. Прытковой, З.П. Соколовой, Н.В. Лукиной, Е.Г. Федоровой и др. Они содержат сведения по одежде локальных групп обских угров и дают общую информацию по отдельным предметам костюма.

Как правило, основной принцип изучения одежды обских угров до настоящего времени заключался в характеристике покроя одежды и отдельных ее частей. При этом на второй план отходил такой аспект, как назначение того или иного вида одежды. В то же время рассмотрение традиционной одежды по месту нахождения в составе комплекса приводило к потере целостного восприятия костюмного комплекса, его единства во всех составляющих частях. Практически не рассматривались такие вопросы, как особенности изготовления одежды у отдельных групп; сочетание в составе костюмного ком-

плекса видов плечевой и поясной одежды, обуви, головных уборов и других элементов; динамика локальной вариативности в костюме обских утров; хронологические рамки бытования костюма в целом и его отдельных элементов. Это дает возможность продолжить исследование в рамках комплексного изучения традиционного костюма.

К особой группе источников относятся фольклорные тексты: сказки, мифы, предания, героические сказания и песни, записанные у хантов и манси в конце XIX–XX в. А. Каннисто, Б. Мункачи, С.К. Паткановым, В.Н. Чернецовым, Г.И. Пелих, Н.В. Лукиной, В.М. Кулемзиным и др. [Мифы..., 1990; Земляной Братец, 1997], а также мансийские сказки А.М. Коньковой [1993]. Содержащаяся в них информация по костюму носит косвенный, часто аллегорический характер и в то же время отражает особенности одежды отдельных групп хантов и манси.

Кроме того, в работе были использованы лингвистические данные. Терминология отдельных деталей костюма дается по словарям хантыйского и мансийского языков [Терешкин, 1981; Ромбандеева, Кузакова, 1982; Молданова и др., 1988]. К сожалению, каждый из словарей был составлен на одном диалекте или их группе. Недостающие материалы по языку были в значительной мере компенсированы данными из этнографической литературы. Так, хантыйская терминология одежды дается по монографиям Н.В. Лукиной [1985], Т.А. Молдановой [1999], А.М. Сязи [2000], мансийская — по работе Е.Г. Федоровой [1994].

* * *

В заключение хотелось бы поблагодарить всех информантов, чьи рассказы и одежда стали основой для написания этой работы, кто делился секретами мастерства, передаваемого по наследству от матери к дочери, от бабушки к внучке. В их числе — М.К. Албина, Д.В. Хозумова (пос. Щекурья), В.К. Вьюткина, Е.А. Ерныхова (пос. Саранпаль), Е.В. Тихонова (д. Ясунт), А.Г. Попова (пос. Кондинское), А.А. Шестакова (пос. Шугур), Ф.С. Бондаренко, В.С. Покачева, Т.В. Покачева (пос. Аган), Л.Ю. Айваседа, Л.А. Айваседа, Л.Х. Иуси, А.С. Казамкина, М.Г. Сардакова (пос. Варьеган), Ф.С. Купландеева (пос. Уват), А.С. Семенова, П.Ф. Усанова, Е.Ф. Ярсина, Л.И. Ярсина, Л.Н. Ярсина, М.И. Ярсина (ст. Ярсино), Л.Н. Тайлакова (г. Лангепас), И.К. Китайкин (пос. Селиярово) и др.

Особая благодарность за бесценную методологическую и практическую помощь моим наставникам — кандидату исторических наук Е.Г. Федоровой, доктору исторических наук А.Н. Багашеву, чьи знания и советы помогли в научно-теоретическом обобщении мате-

риала. Глубокая признательность коллегам и сотрудникам Института проблем освоения Севера СО РАН, которые принимали участие в обсуждении разделов данного исследования.

Сердечная благодарность — оказавшим неоценимую моральную и финансовую поддержку в последние годы работы над темой директору Учреждения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Центр народных художественных промыслов и ремесел» О.Д. Бубновене и президенту Регионального некоммерческого фонда поддержки и развития народных художественных промыслов и ремесел Югры К.Е. Заикиной.

Многим я обязана кандидату исторических наук Н.А. Повод, которая в течение долгих лет была спутником, верным другом и помощником на всех стадиях работы над темой, а также предоставила для монографии фотографии из личного архива.

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОДЕЖДЫ И ТЕХНОЛОГИЯ ЕГО ОБРАБОТКИ

Материал для изготовления одежды и украшений определяется характером природно-климатических условий, хозяйственных занятий этноса, товарообменом, культурными связями, а также уровнем существующих технологий. Влияние природно-климатического фактора на материал для одежды проявляется в двух аспектах. С одной стороны, это выражается в необходимости максимальной защиты от воздействия внешней среды, с другой — в возможности получения этого материала в данных условиях. Выбор природного материала ограничивается рамками хозяйственной деятельности и уровнем существующих технологий. Расширению же этих рамок способствуют культурные контакты. Таким образом, в использовании материала для одежды выделяются две традиции: местная и принесенная с других территорий. Последняя отражает историко-культурные и культурно-генетические связи.

Материалами для изготовления одежды у обских угров были шкурки птиц и пушных зверей, рыбы кожи, ровдуга, олени, лосиные и овечьи шкуры, шерсть, крапивное, конопляное и льняное полотно, полусшерстяная ткань домашнего производства, сукно, шелк и хлопчатобумажные ткани. Коровьи и лошадиные шкуры применяли для шитья обуви, а собачий мех — для оторочки одежды.

Перечень этих материалов показывает, что формирование традиционного костюма хантов и манси могло происходить как в рамках присваивающего (охота, рыболовство), так и производящего (скотоводство и земледелие) хозяйства. Учитывая сложный процесс культурогенеза обских угров, необходимо ответить на вопрос: какие материалы являлись основными для изготовления одежды и с каким типом хозяйственной деятельности они связаны? Для этого определим общераспространенные и локальные виды материалов и проследим возможную динамику их использования в рамках исследуемого периода.

В условиях присваивающего хозяйства, ориентированного на охоту и рыболовство в таежной зоне, одним из доступных материа-

лов для изготовления одежды были шкуры диких животных. Мясное и пушное направления охотничьего промысла давали возможность получать и употреблять для одежды шкуры крупных копытных (лося, дикого оленя), шкурки птиц и пушных зверей. Материалом для одежды, приносимым рыболовным промыслом, была рыба кожа. Лосиные и олени шкуры по своим размерам, влаго- и тепло- непроницаемости являлись наиболее предпочтительными для таежных охотников и рыболовов. Однако у обских угров одежда из шкур этих животных не получила широкого распространения, что объясняется рядом причин, в том числе сложностью обработки и техническими качествами шкур [Лукина, 1985, с. 151; Федорова, 2000г, с. 223].

Птичьи шкурки. По влаго- и теплонепроницаемости они не уступали шкурам крупных копытных. Кроме того, они были легче, что очень важно для одежды таежного охотника. К числу негативных характеристик птичьих шкурок относят непрочность и недолговечность [Федорова, 2000г, с. 224]. Одежда из шкурок птиц и сами шкурки фигурируют в фольклоре манси и хантов. В одном из героических сказаний сосвинских манси о богатырях-предках одежду из «глухаринных шкур» предрекает народу Казымской женщины Верхнеобской богатырь [Мифы..., 1990, с. 400].

Описания одежды из птичьих шкурок содержатся в этнографических источниках XVIII в. Г. Новицкий упоминает шкурки птиц (гусей, лебедей и др.), из которых «составляли шубы» [1999, с. 39]. В XIX–XX вв. ареал применения птичьих шкурок локализовался в бассейне средней и нижней Оби с притоками и включал территорию проживания северных и западных манси, северных и восточных хантов (табл. 1). Из этого материала шили плечевую одежду, головные уборы, обувь [Прыткова, 1953, с. 190, 19616, с. 330; Соколова, 1972, с. 42; Лукина, 1985, с. 204; Народы Севера..., 1986, с. 104–105; Федорова, 1994, с. 177–178; Дунин-Горкавич, 1996, с. 78; Шатилов, 2000, с. 249]. В конце XX в. птичьи шкурки использовались для шитья детской и женской одежды у аганских и тромъеганских хантов (КГКМ, № 036/7, 265, 517) (ПМА, 1997 г.).

Обские угры для шитья одежды применяли гусиные, лебединые, утиные, гагарьи и гагачьи шкурки. Обработка птичьих шкурок по сравнению со шкурами крупных животных связана с меньшими трудозатратами, однако шитье одежды из них требовало больше времени и сноровки. В 2000 г. у среднеобских хантов зафиксированы сведения по обработке птичьих шкурок: их снимали, выщипывали крупные перья, обезжиривали, посыпая древесной стружкой,

затем сушили, смазывали рыбьим жиром, мяли руками и сшивали сухожильными нитками. Таким образом, из небольших по размеру птичьих шкурок получался составной мех (ПМА, Ханты-Мансийский р-н, 2000 г.). Аналогичная обработка птичьих шкурок для пошива одежды известна также у кетов [Алексеев, 1962, с. 51]. Одежда из шкурок птиц использовалась многими народами Сибири и Дальнего Востока: барабинцами, ненцами, тувинцами-тоджинцами, эвенками, ульчами, ительменами, чукчами, эскимосами [Вайнштейн, 1961, с. 115; Прыткова, 1961а, с. 232, 1976, с. 15; Василевич, 1969, с. 133; Старкова, 1976, с. 114; Смоляк, 1984, с. 162; Хомич, 1995, с. 128].

Традицию изготовления одежды из птичьих шкурок Н.В. Лукина определяет как общесибирское явление с несколькими очагами [1985, с. 150], Е.А. Алексеев — как характерный признак культуры приречных жителей [1986, с. 216], а А.Г. Селезнев относит ее к южному очагу общесибирской традиции, в котором древние (уральские?) элементы смешались с южносибирскими, характерными для средневековых «лесных» народов», барабинских и сибирских татар, северных алтайцев и селькупов [1994, с. 38].

У обских угров традиция использования птичьих шкурок для изготовления одежды локализовалась в бассейне средней и нижней Оби, что говорит о приречном характере этой традиции и развитии ее в местных природно-климатических условиях (см. табл. 1). Нельзя оставить без внимания и факт комбинирования птичьих шкурок со шкурами других животных.

Шкурки пушных зверей. Как уже отмечалось, нередко птичьи шкурки в одежде комбинировали со звериными (белчьиими, заячьими, собольими и др.) или сшивали отдельные части шкурок пушных зверей, в результате чего получался так называемый составной мех. Кроме того, обским уграм была известна одежда, сшитая целиком из меха пушных зверей. Это лисьи, белчьи или собольи шубы [Гондати, 1888, с. 15; Сирелиус, 1906, с. 3]. Собольи шубы и сахи, бобровые одеяния фигурируют в фольклоре обских угров в качестве нарядной, праздничной и богатой одежды [Мифы..., 1990, с. 167, 335, 346].

Этнографическими источниками такая одежда фиксируется у обских угров с XVIII в. [Новицкий, 1999, с. 39]. Границы распространения этой одежды у обских угров в конце XIX — начале XX в. показывают, что она фиксировалась у всех групп хантов и манси [Прыткова, 1953, с. 153, 163, 190–193, 204; Федорова, 1978, с. 202, 1994, с. 154–155, 194; Лукина, 1985, с. 60, 150; Источники..., 1987, с. 33; Дунин-Горкавич, 1996, с. 78–80; Кастрен, 1999, с. 76] (см. табл. 1).

Таблица 1
Распространение материалов, использовавшихся обскими уграми для пошива одежды в XVIII–XX вв.

Материал	Ханты				Манси			
	южные (до нач. XX в.)	восточ- ные	север- ные	средне- обские	южные (до кон. XIX в.)	восточ- ные (до сер. XX в.)	запад- ные	север- ные
Птичьи шкурки	?	+	+	+	–	?	+	+
Шкурки и части шку- рок пушных зверей	+	+	+	+	?	+	+	+
Собачья шкура	?	?	+	?	–	?	+	+
Рыбья кожа (до нач. XX в.)	?	?	+	+	–	?	?	+
Лосиная шкура	+	+	+	+	+	+	+	+
Оленья шкура	?	+	+	+	?	+	+	+
Ровдуга	+	+	+	+	?	+	+	+
Овчина	+	+	?	+	+	+	+	+
Коровьи и лошадиные шкурки	?	+	?	?	?	+	–	+
Шерсть (пряжа)	+	+	+	+	?	+	+	+
Ткани домашнего про- изводства	+	+	+	+	+	+	+	?
Сукно	+	+	+	+	+	+	+	+
Хлопчатобумажные ткани	+	+	+	+	+	+	+	+
Шелк	+	+	+	+	+	+	+	+

В XX в. одежда из составного меха встречалась редко. Отдельные ее виды сохранялись у восточных хантов, чаще в качестве детской, иногда нарядной, праздничной. К причинам ее исчезновения можно отнести истребление пушного зверя, необходимость сдачи шкурок в уплату ясака и, наконец, их замену шкурами домашних оленей. Кроме того, такая одежда в силу эстетической привлекательности могла идти на продажу. Подтверждение этому находим у других народов Сибири. Так, в XVII–XVIII вв. одежда из меха пушных зверей, которая использовалась многими сибирскими народами, с приходом русских торговых людей стала объектом повышенного коммерческого спроса и постепенно вышла из обихода [Таксами, 1975, с. 40; Прыткова, 1976, с. 80; Старкова, 1976, с. 94].

Обработка шкурок пушных зверей была несложной. Как правило, обские угры снимали шкурки целиком. Сушили их на специальных деревянных распялках, зауженных к одному концу, а белчьи шкурки и без распялок, подвешенными и вывернутыми ворсом внутрь [Прыткова, 1953, с. 128; Федорова, 1986, с. 147]. Шкурки чистили ножом,

смазывали дубильными смесями и обезжиривали, посыпая трухой, стружками, мукой, мяли руками или при помощи дугообразной палки со вставленной в середину металлической пластиной шириной 3–4 см. Выделка мелких шкурок северными хантами в конце XVIII в. описана В.Ф. Зуевым: «...а коих кожа тонкая, те выскребаются ножом, а по смочке икрой или варкою мнутя они не на поскребалке, а руками...» [1999, с. 151]. Авторы статьи «Изделия остяков Тобольской губернии» отмечали: «Эта работа от начала до конца производится остячками, которые, разминая мелкие шкурки исключительно руками, при вытягивании держат их своими зубами, смачивая их, кроме жира, и своей слюной» [Изделия..., 1911, с. 27]. У высушенных шкурок отрезали брюшко, лапки и т. п., из которых потом шили одежду, в основном шубы и капоры.

Появление традиции использования составного меха для пошива одежды у обских угров иногда объяснялось в этнографической литературе бедностью местного населения [Новицкий, 1999, с. 39]. По мере изучения их культуры возникла другая точка зрения. Н.В. Лукина видит причину его применения в том, что одежда, сшитая подобным образом, отличалась большей прочностью и носкостью, отвечала эстетическим вкусам, а сам процесс обрезания лапок, по традиционным представлениям, способствовал удачной охоте [1985, с. 150].

Другую возможную причину существования традиции изготовления одежды из составного меха у обских угров позволяют рассмотреть сведения по одежде алтайских народов. Л.П. Потапов приводит описание шубы и халата с меховой подкладкой из погребений Горного Алтая I тысячелетия до н. э. [1951, с. 5–6]. Шуба была сшита из кусочков окрашенного в «зеленоватый и красноватый тона» собольего меха и кожи, подкладка халата — из беличьего меха. Кусочки собольего меха образовывали чешуйчатый узор, между отдельными чешуйками были нашиты деревянные бляшки с золотым покрытием. Изучение традиционной алтайской одежды позволило Л.П. Потапову прийти к выводу о принадлежности вышеописанных халата и шубы знатным алтайским кочевникам, имеющим связи с ахеминидским Ираном [Там же, с. 51]. При этом высокий социальный статус этой одежды проявлялся не только в покрое, но и в способе изготовления, и в используемом материале. Учитывая общий для обских угров и народов Алтая субстрат, можно предположить, что именно высокая социальная значимость одежды из составного меха была одной из причин ее распространения и изготовления.

Соба́чьи шкуры. Для опушки одежды ханты и манси наряду с мехом песца, выдры, лисицы использовали собачьи шкуры. Шубы и малицы, обшитые по краю подола собачьим мехом, зафиксированы в XVIII в. у северных хантов [Зуев, 1999, с. 144]. В конце XIX в. одежду из собачьих шкур использовали тобольские ханты [Патканов, 1999, с. 51]. В конце XIX — начале XX в. малицы с собачьей опушкой и рукавицы из собачьих шкур носили северные манси и ханты [Финш, Брэм, 1882, с. 469; Гондатти, 1888, с. 13–16; Прыткова, 1953, с. 150; Федорова, 1994, с. 122; Носилов, 1997, с. 48, 207]. Во второй половине XX в. традиция применения собачьего меха для одежды исчезает и ограничивается территорией проживания восточных манси, которые шили из него рукавицы, шапки, обувь. При этом, по воспоминаниям самих манси, раньше они не шили одежду из этого материала, так как собаки использовались для езды. По сведениям тех же информантов, манси, проживающие севернее, шили из него шапки (ПМА, 1993 г.).

Рассматривая традицию использования собачьих шкур для одежды у обских угров, отметим следующее. Во-первых, наибольшее распространение эта традиция получила в XIX — начале XX в. у северных групп (см. табл. 1). У северных хантов в XIX в. практиковалось выращивание «маленьких» собак для использования их меха в отделке одежды [Финш, Брэм, 1882, с. 334]. Для опушки верхней одежды северные манси применяли шкуры «от своих старых и вообще не годных для службы собак» или покупали шкуры «за сравнительно дорогую цену» [Гондатти, 1888, с. 13]. Наблюдаемая у них традиция отделки одежды именно собачьими шкурами отмечается и у самодийцев — ненцев, тазовских селькупов, энцев и нганасан [Прыткова, 1970а, с. 8, 51–53, 83; Хомич, 1995, с. 130]. Во-вторых, у тех групп хантов и манси, чье хозяйство было ориентировано на охоту и рыболовство и для которых было характерно транспортно-промысловое собаководство с содержанием большого количества собак, употребление собачьих шкур для одежды не фиксируется (единичное свидетельство по южным хантам приведено у С.К. Патканова). В то же время у народов Амура, основу хозяйственной деятельности которых составляли охота и рыболовство, сопровождаемые собаководством, собачьи шкуры использовались достаточно широко [Смоляк, 1966, с. 48, 1984, с. 135–136, 140–141; Таксами, 1975, с. 50]. Это свидетельствует в пользу неразвитости у обских угров самой традиции применения собачьих шкур для одежды, а ее распространение у северных хантов и манси можно объяснить заимствованием у ближайших соседей — ненцев.

Рыбья кожа. По-видимому, в XVII–XVIII вв. рыбья кожа в Среднем Приобье была одним из наиболее распространенных материалов. Опираясь на актовые материалы XVII в., С.В. Бахрушин отмечал, что рыбные промыслы в это время приносили обским уграм не только пищу, но и одежду [1955, с. 91]. Одежда (штаны, халаты, рубашки, чулки, «кажаны» и «кавтаны») из «рыбьих кож» (налима, осетра, стерляди) упоминается в записках путешественников XVIII в. — Г. Новицкого, Л. Сеницкого, Т. Кенигсфельда, Курта фон Вреха и др. [Георги, 1799, с. 70–71; Прыткова, 1953, с. 143; Зиннер, 1968, с. 76; Кучинский, 1972, с. 32; Титова, 1975, с. 98; Лукина, 1985, с. 40; Новицкий, 1999, с. 38–39]. Повышенный интерес с их стороны к одежде из рыбьей кожи, по мнению Н.Ф. Прытковой, был вызван необычностью материала, а широкое распространение одежды из нее у отдельных групп хантов она связывает с его доступностью для малоимущих групп населения [1953, с. 124–125].

В XIX — первой половине XX в. одежда из рыбьей кожи фиксируется в единичных экземплярах у северных хантов, которые шили из нее мужские штаны, а также использовали для подкладки одежды из птичьих шкур [Там же, с. 130]. В 60-е гг. XX в. воспоминания об одежде из налимьей кожи были записаны З.П. Соколовой у сынских и куноватских хантов. Кожи выделывали женщины руками и шили из них женские рубашки и мужские штаны [1972, с. 39]. Верхняя одежда из налимьих кож бытовала в начале XX в. у среднеобских хантов (ПМА, Ханты-Мансийский р-н, 2000 г.). В мансийском фольклоре упоминаются рукавицы из осетровой кожи, а у северных манси были зафиксированы сведения о штанах из налимьей кожи [Федорова, 1978, с. 199; Мифы..., 1990, с. 366, 419].

К середине XIX в. одежда из рыбьих кож выходит из массового употребления, территории ее бытования сокращаются. В этнографической литературе этого периода одежда из рыбьей кожи не отмечалась. Правда, в музейных коллекциях сохранились мешки из рыбьей кожи — *паннэ хыр* (ХВ), *паннэ хир* (ХС), *танее-кыр* (ХКз), *сыг сог хурыг* (М), которые еще во второй половине XX в. можно было встретить у восточных, северных хантов, северных манси [Лукина, 1985, с. 70, 255; Народы Севера..., 1986, с. 67–68; Федорова, 1994, с. 236]. Кроме того, ханты в конце XIX — начале XX в. рыбьей кожей обшивали края циновок [Сирелиус, 1907, с. 43].

Обские угры употребляли для шитья одежды как очищенную, так и не очищенную от чешуи рыбью кожу. По описанию Кенигсфельда, ханты носили одежду из рыбьей кожи с чешуей, причем женская одежда окрашивалась в огненно-желтый или красный цвет

соком растений [Титова, 1975, с. 98]. По другим источникам, чешую счищали [Прыткова, 1953, с. 124]. Сведения по технологии обработки рыбьей кожи немногочисленны. Известно, что ее разминали руками, смазывали смесью из язевой и сорожьей печени, натирали золой [Георги, 1799, с. 69; Прыткова, 1953, с. 130].

В конце XIX в. манси выделывали рыбью кожу, которые использовали для изготовления мешочков, следующим образом: очищали от чешуи, затем разминали с мукой и жиром, сушили и окрашивали в красный цвет [Гондатти, 2000б, с. 118]. Нижнеобские ханты, еще в конце XX в. шившие из налимьей кожи сумки *паннэ хир*, после снятия кожу подсушивали в растянутом виде на плоской поверхности, затем разминали руками [Сязи, 2000, с. 45]. Среднеобские ханты перед снятием кожи с налима у основания головы и на хребте делали разрезы. Кожу подсушивали, смазывали рыбьим жиром, разминали руками, а затем сшивали сухожильными нитками (ПМА, Ханты-Мансийский р-н, 2000 г.). В конце XX в. северные ханты шили из налимьей кожи небольшие мешки, которые также окрашивали.

О существовании и использовании специальных орудий для обработки рыбьих кож сведений нет. Однако у северных хантов и у северных и восточных манси описаны специальные ножи для чистки рыбы *няу-сап* (ХС), *хул нильте нильсуп* (МСс, МЛп), *н'ил'цэп* (МКд), изготовленные из оленьей лопатки или плоской лопаткообразной дощечки [Финш, Брэм, 1882, с. 355; Народы Севера..., 1986, с. 66; Федорова, 1994, с. 223]. Используемый хантами на рубеже XIX–XX вв. для обработки шкур скобель подобной формы из оленьего рога описан У.Т. Сирелиусом, который предполагал древнее происхождение этого предмета и повсеместное применение его у хантов [1906, с. 14].

По способу обработки рыбьей кожи и сшитых из нее элементов костюма близки к обским уграм селькупы, у которых бытовали и рукавицы из неочищенной стерляжьей кожи [Пелих, 1972, с. 41]. Широко использовались рыбья кожа в быту, для пошива одежды у народов Амура: ульчей, нивхов, орочей, нанайцев [Смоляк, 1966, с. 47, 1984, с. 140; Таксами, 1975, с. 57].

Приведенные материалы показывают, что одежда из рыбьей кожи являлась характерным элементом культуры рыболовов таежной зоны, расселявшихся в бассейнах крупных сибирских рек. Здесь водились определенные породы рыб (лососевые, осетровые и тресковые (налим)), кожа которых использовалась для шитья. В то же время технологии обработки рыбьей кожи различались, что, видимо, объясняется конвергентным развитием этой традиции.

Рассмотрим территориальные и хронологические рамки бытования одежды из рыбьей кожи у обских угров. Н.Ф. Прыткова отмечала наличие сведений об одежде из рыбьих кож на всей территории проживания обских угров, а также ее сезонный характер у групп, занимающихся оленеводством и имеющих зимнюю одежду из оленьих шкур [1953, с. 124]. Считая одежду из этого материала общехантыйским признаком, Н.В. Лукина предполагает территориально более южное ее происхождение [1985, с. 149]. Учитывая хозяйственный и природно-климатический факторы, сопутствующие этой традиции, ее южное происхождение, вероятно, все-таки следует исключить. Изучение комплекса этнографических источников показывает, что использование рыбьей кожи было в большей степени присуще северным хантам (см. табл. 1). Одежда из рыбьей кожи фиксируется лишь у тех групп манси, которые проживали в непосредственной близости с хантами, т. е. у северных. Это дает возможность рассматривать ее как заимствование у хантов.

На территории проживания хантов такая одежда была распространена у северных групп [Описание..., 1982, с. 172–173; Андреев, 1947, с. 98]. Хронологические рамки бытования одежды из рыбьей кожи ограничиваются XVIII в. и, вероятно, первой половиной XIX в., хотя у отдельных групп такая одежда встречалась еще в начале XX в.

Береста. Для изготовления некоторых деталей костюма употреблялась береста. В конце XIX — начале XX в. из нее делали детали женского пояса, детские наколенники, подкладку для воротника рубахи и маски для медвежьего праздника. Во второй половине XX в. бересту повсеместно продолжали использовать для масок.

Оленьи и лосиные шкуры. Шкуры лосей и диких оленей были мало востребованы обскими уграми из-за их технических качеств. Чаще их применяли для шитья обуви, иногда — рукавиц. Из кожи лося делали ремни.

Сфера использования шкур домашних оленей у обских угров была достаточно широкой. Если еще в XVIII в. у некоторых групп этот материал составлял альтернативу рыбьим кожам, птичьим и звериным шкуркам, то уже в XIX в. он стал основным для шитья зимней промысловой одежды практически у всех групп обских угров [Зорина, 1999, с. 203; Зуев, 1999, с. 144–145; Новицкий, 1999, с. 39]. В XIX–XX вв. ареал бытования одежды из этого материала включает территорию проживания северных и части восточных хантов, северных и части западных манси, т. е. групп, практиковавших оленеводство [Финш, Брэм, 1882, с. 469; Прыткова, 1953, с. 150–225; Лукина,

1985, с. 167–233; Федорова, 1994, с. 213–214; Алквист, 1999, с. 36–37]. В то же время использование отдельных видов промысловой одежды из оленьих шкур отмечалось у южных хантов и восточных манси [Прыткова, 1953, с. 155; Федорова, 1994, с. 125; Патканов, 1999, с. 51] (см. табл. 1).

Оленьи шкуры различались по качеству: шкура новорожденного олененка (пешка), шкура полугодовалого олененка, сменившего шерсть (небллой), шкура молодого оленя (пыжик), шкура взрослого оленя (постель). Кроме того, шкуры небллой также различались в зависимости от возраста оленя и времени их снятия. Небллой, снятый в августе, назывался выросток, в октябре — большешерстный небллой (толстый выросток). Каждая из этих шкур шла на пошив определенной части костюма. Из выростка шили шубы и парки, из большешерстного небллой — шубы, малицы, гуси [Сязи, 2000, с. 19], из пешки — шапки, одежду для маленьких детей. Пыжики использовались для изготовления чулок, из постели делали ровдугу, покрышки чума, этими шкурами укрывались и т. п. Шкуры с ног (камусы) употребляли для изготовления обуви, рукавиц и орнаментов, а шкуру с головы — для капоров, капюшонов. Из шкур со лба и из-под копыт, отличающихся особой прочностью, шилась подошва обуви [Шатилов, 2000, с. 243].

Обработка этого материала хантами и манси, в полной мере описанная в литературе, состояла из нескольких этапов и была связана с использованием определенного набора орудий [Сирелиус, 1906, с. 5–16; Изделия..., 1911, с. 27; Прыткова, 1953, с. 126; Соколова, 1972, с. 39; Федорова, 1994, с. 111; и др.]. Первый этап заключался в просушивании снятой с туши шкуры в горизонтальном (на земле) или вертикальном (на стене) положении [Сирелиус, 1906, с. 5–7; Изделия..., 1911, с. 27]. Чтобы шкура при высыхании не стягивалась и не морщилась, ее при растягивании закрепляли колышками, планками-распорками или натягивали на деревянную раму.

У ваховских хантов шкуры перед обработкой подвергали дымлению на костре, после чего мездру чистили скребками, смачивали водой и натирали гнилушками [Шатилов, 2000, с. 244]. Дымлению подвергались как необработанные шкуры, так и выкроенные и сшитые заготовки. Для этого камусы, заготовки для обуви, шкуры помещали в берестяной короб и ставили над костром или подвешивали над ямой, в которой был разведен костер, и закрывали берестяными крышками [Источники..., 1987, с. 140; Кулемзин, Лукина, 1992, с. 78].

После просушки шкуру чистили скребками, смазывали рыбьим жиром и различными смесями, разминали руками и разглаживали

специальным орудием. В конце XVIII в. северные ханты в процессе обработки шкуры смазывали ее разжеванной икрой или варкой из вареных рыбьих потрохов [Зуев, 1999, с. 151]. В конце XIX — начале XX в. северные группы хантов и манси мазали шкуры печенью оленя и содержимым оленьего желудка, которые смешивали с чаем [Прыткова, 1953, с. 127; Соколова, 1972, с. 39; Федорова, 1994, с. 111]. Перед обработкой шкуру размачивали, покрывали ее мездру мхом [Прыткова, 1953, с. 126; Федорова, 1994, с. 111].

Смазывание обрабатываемых шкур различными составами было связано с дублением и применялось многими народами Сибири. Так, например, дубление шкур смесью крепкого чая с печенью оленя практиковалось тувинцами-тоджинцами [Вайнштейн, 1961, с. 78]. У якутов способ обработки шкуры смесью, состоящей из различных компонентов, в том числе и печени оленя, назывался «кормлением шкуры» [Гаврильева, 1998, с. 73]. При дублении кроме описанных выше составов из внутренностей рыбы, оленя и других животных народы Сибири использовали также олений помет, настой из коры ольхи, кедра, ивы, тальниковых гнилушек, березового или дубового гриба, в котором держали шкуры несколько дней [Смоляк, 1966, с. 48; Антропова, 1971, с. 47; Тюрки..., 1991, с. 66; Хомич, 1995, с. 83].

Отметим локальные особенности процесса обработки шкур у хантов и манси. Аганские ханты шкуру перед обработкой разминали скребком в виде деревянной рукоятки с вставленной в середину железной скобой (ПМА, 1997 г.) (рис. 1, 3). Демьянские ханты в конце XX в. после снятия шкуры сушили ее в течение трех дней растянутой на стене. Затем мездру чистили и разминали скребком *оулт* (прямая деревянная палка длиной 50–70 см с утолщением в середине, куда вставлена металлическая пластина шириной 4–5 см с загнутыми в противоположные стороны Г-образными концами длиной 7 см) (рис. 1, 5) и мялкой *ютшоух* (выгнутая деревянная палка длиной 50–70 см с вставленной в середину металлической с заточенным краем пластиной длиной 15–20 см и шириной 3–4 см) (рис. 1, 1). После этого шкуру снова растягивали и смазывали рыбьим жиром, который должен был впитаться. Затем ее смачивали слюной и разминали руками до эластичного состояния (ПМА, 1999 г.). Такие же скребки бытовали у северных хантов и ненцев в конце XVIII в. [Зуев, 1999, с. 151].

У манси скребок с загнутыми Г-образными пластинками назывался *нбвтуп*, им обрабатывали и камусы [Федорова, 1994, с. 113]. У.Т. Сирелиус, описывая данный тип скребка, отмечал, что он был характерен для южных хантов, которые в нерабочий конец металли-

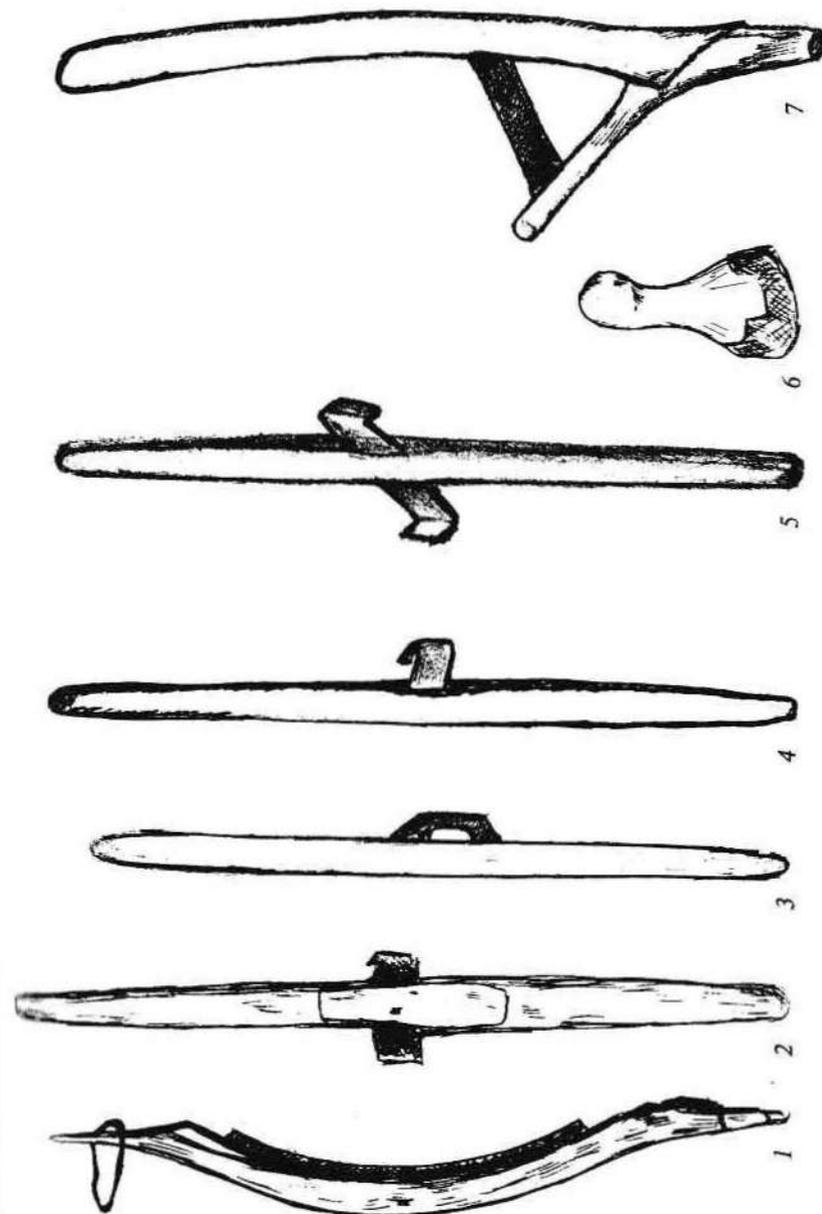

Рис. 1. Орудия, используемые для обработки шкур.
1 — мялка-скребок; 2–7 — скребки.

ческой пластины вставляли круглую палку, по толщине равную рукоятки [Сирелиус, 1906, с. 13] (табл. 2). Таким же скребком *сунт* подобным образом при помощи дополнительной палки производилась обработка шкур у кетов [Алексеев, 1970, с. 126].

У северных и восточных хантов были распространены скребки этого же вида *нол стот* (ХС), *ол* (ХВх), но с прямыми концами железной пластины или только с одним загнутым концом (рис. 1, 2), а также скобель *льда-ланчан* (ХС) с одним рабочим концом железной пластины, прямым или загнутым (рис. 1, 4) [Сирелиус, 1906, с. 12; Народы Севера..., 1986, с. 62; Шатилов, 2000, с. 244]. По-видимому, наиболее архаичным вариантом этого скобеля можно считать *ав'ым* коряков, которые его рабочую часть делали и из обточенного камня [Антропова, 1971, с. 47].

Упомянутую выше мялку *юутшоух* (ХЮ), *юх-тув-юх* (ХВх) Н.Ф. Прыткова относил к самым распространенным видам орудий у хантов, приводя другое название — *тантыл' эс-карты* [1953, с. 128] (рис. 1, 1). Это орудие использовалось в качестве мялки и скобеля.

Таблица 2

Распространение орудий для обработки шкур у обских угров в XIX–XX вв.

Орудия	Ханты				Манси			
	южные	восточные	северные	средне-обские	южные	восточные	западные	северные
Скребки двуручные с узкой металлической пластиной, вставленной в центр рукоятки:								
с одним лезвием:								
Г-образной формы	?	+	+	?	?	?	?	?
прямым	?	+	+	?	?	?	+	?
с двумя лезвиями:								
оба Г-образной формы и загнуты в противоположные стороны	+	+	+	?	?	+	+	+
оба прямые	?	+	+	?	?	?	?	?
одно — Г-образной формы, второе — прямое	?	+	+	?	?	?	?	?
с металлической скобой	?	+	?	?	?	?	?	?
Скребок лопаткообразный	?	+	?	?	?	?	?	?
Скребок с раздвоенной рукояткой	-	-	-	?	?	?	+	+
Мялка-скребок с дугообразной рукояткой и длинным узким лезвием, вставленным в середину рукоятки	?	+	+	?	?	?	?	?

На одном конце рукоятки имелось отверстие, в которое вставлялась веревка, закрепленная в виде петли. Орудие устанавливали между ног вертикально, лезвием в противоположную от сидящей женщины сторону. Петля на верхнем конце закреплялась на ступне. Небольшие шкурки разминали, передвигая их по лезвию из стороны в сторону. У.Т. Сирелиус отмечал, что данный тип скребка васюганские ханты считали тунгусским [1906, с. 14]. Действительно, этот вид орудия (*кэдэрэ*) с деревянными зубцами или вставленной металлической пластиной на вогнутой части был известен у эвенков и применялся в том числе в качестве мялки для шкур [Василевич, 1969, с. 95]. Кожемялка такого типа *эдирээ*, использовавшаяся для обработки шкур, бытовала у тувинцев-тоджинцев [Вайнштейн, 1961, с. 77]. У манси данный тип скребка не зафиксирован.

Восточные ханты с оз. Пякуто в конце XX в. обрабатывали шкуры при помощи скребка *юхтеп вах*. Скребок такого типа *пидерць'* применялся ненцами на завершающей стадии выделки шкур [Хомич, 1995, с. 84]. Похожее название скребка для обработки шкур — *юу тар јух* (ХСл) — зафиксировано у салымских хантов и является морфологически родственным названиям описанного выше вида скобеля юганских и ваховских хантов [Терешкин, 1981, с. 78].

У манси бытовал еще один вид скребка — *лайлын кер*, представлявший собой рукоять длиной 90 см с развилкой на одном конце, в которую вставлена узкая металлическая пластина, и ременной петлей на другом (рис. 1, 7). При помощи ременной петли скребок укреплялся на ступне работающей женщины, а рукой придерживался другой его конец, которым и обрабатывали шкуру, закрепленную в петле на потолке. В 1995 г. такой скребок был зафиксирован в д. Скрипуново на Оби, где проживают ханты, однако установить этническую принадлежность этого орудия не удалось (ПМА, 1995 г.). Анализируя параллели в коми, мансийском и финском языках, Е.Г. Федорова предполагает, что «происхождение скребка... [этого] типа можно возводить ко времени финно-угорского единства» [1994, с. 113]. Аналогичным орудием — *темир-эдрек* — обрабатывали шкуры южные алтайцы [Тошачова, 1976, с. 188], другие тюркоязычные народы, а также буряты, что позволяет связывать его происхождение со скотоводческим населением [Федорова, 1994, с. 113].

У.Т. Сирелиус приводит описание двух скребков для обработки шкур у васюганских хантов: один в виде оленьей лопатки с заточенным широким краем, второй в виде деревянной резной лопатки со вставленной в нижнюю часть дугообразной железной пластиной [1906, с. 14] (рис. 1, б). Такие лопаткообразные скребки с рабочей

частью в виде согнутой дугой железной пластины использовались эвенками [Василевич, 1969, с. 94]. Оба скребка относятся к одному виду, при этом первый более архаичен. Учитывая территорию их распространения, которая являлась районом контактов хантов и эвенков, можно говорить о заимствованном характере этого типа скребка у васюганских хантов.

После обработки скребками шкуры подсушивали, разминали руками, смазывая рыбьим жиром или слюной, раскраивали. Это был завершающий этап выделки шкур, после чего их раскраивали.

В технологии обработки оленьих шкур у обских угров прослеживаются общесибирские традиции, связанные с употреблением для дубления диких растений, отходов пищи, внутренностей животных. В наборе применяемых у разных групп обских угров орудий заметна локальная специфика (см. табл. 2), вероятно обусловленная процессом их формирования и заимствованиями у соседних народов: ненцев, селькупов, эвенков.

Ровдуга. Путем дальнейшей обработки оленьих шкур получали ровдугу (замшу) — *нюки* (Х), *совья* (М). Часто использовали для этих целей старую меховую одежду или старые шкуры, в том числе постели, на которых осталось мало меха, что делало их обработку менее трудоемкой. Для изготовления ровдуги шкуры вымачивали. Северные группы обских угров опускали их в реку на две недели, в результате чего мех выпадал. Затем шкуры подсушивали, мездру смазывали рыбьим жиром и скребками счищали остатки меха [Прыткова, 1953, с. 128; Федорова, 1994, с. 115]. В конце XX в. демьянские ханты шкуры вымачивали ранней осенью, выкладывая их на землю под дождь (ПМА, 2000 г.). Замшевую одежду получали и другим способом. Для этого северные группы хантов и манси со старой меховой одежды счищали остатки ворса [Федорова, 2000г, с. 227].

Обскими уграми ровдуга в основном употреблялась для шитья одежды. В источниках XVIII в. упоминаются ровдужные штаны и обувь у северных хантов [Зуев, 1999, с. 144]. Имеются сведения о ровдужных халатах северных хантов, а в мансийских сказках описывается мужская рубаха из «самой тонкой замши» [Конькова, 1993, с. 104; Рындина, 1995, с. 333]. В XIX — начале XX в. фиксируются рубахи, штаны, обувь, чулки, рукавицы, женский пояс-повязка из ровдуги [Прыткова, 1953, с. 145, 168; Лукина, 1985, с. 37; Федорова, 1994, с. 148; Швецов, 1998, с. 93; Алквист, 1999, с. 37]. У всех групп (за исключением южных манси) отмечено бытование ровдужной обуви [Гондатти, 1888, с. 17; Шульц, 1924, с. 178; Лукина, 1985, с. 204, 207; Федорова, 1994, с. 146, 185; Кастрен, 1999, с. 45] (см. табл. 1). В XX в.

этот материал применялся для изготовления обуви у северных и западных манси, северных и восточных хантов.

Употребление ровдуги, ее распространение и происхождение традиции ее использования у обских угров — вопросы, дискуссионные и в настоящее время. Н.Ф. Прыткова считала, что у хантов термин, обозначающий ровдугу, *нюк*, *нюга* имеет ненецкое происхождение [1953, с. 230]. Н.В. Лукиной было выдвинуто предположение о том, что ровдуга выступила заменителем рыбьей кожи, в частности, у восточных хантов [1985, с. 152]. По мнению Е.Г. Федоровой, ровдуга имела ограниченное распространение и «у рыболовецкого населения, практически не занимавшегося охотой на крупных копытных, не имевших оленей... вряд ли могла появиться». При этом она рассматривает возможность получения ровдуги для обуви путем обработки лосиных шкур, из которых изначально шили обувь [Федорова, 2000г, с. 227–228]. Из наиболее толстой лосиной или оленьей ровдуги ханты и манси вырезали ремни.

Овечьи, коровьи и лошадиные шкуры. Все эти материалы, получаемые от домашних животных, применялись обскими уграми наряду со шкурами лосей и оленей для изготовления одежды. Одежда из овчины, коровьих и лошадиных шкур практически не упоминается в этнографических источниках XVIII в. Вероятно, в этот и более поздний периоды такая одежда расценивалась как «русская» и поэтому не привлекала внимание исследователей. Этнографические источники XIX — начала XX в. показывают, что одежда из овчины была распространена у южных, восточных и западных манси, среднеобских, южных и восточных хантов, у которых этот материал, по-видимому, использовался наряду со шкурами диких животных [Шульц, 1924, с. 178, 181; Прыткова, 1953, с. 156; Федорова, 1994, с. 132, 153, 178] (см. табл. 1). У северных групп овчину применяли в качестве дополнительного материала при шитье шуб и малиц [Федорова, 1994, с. 122, 2000г, с. 226].

Из коровьих и лошадиных шкур чаще всего шили обувь. Кроме того, северные манси шили из них шубы, женский пояс-повязку, а северные и восточные ханты — рукавицы [Гондатти, 1888, с. 11, 17; Федорова, 1978, с. 201; Лукина, 1985, с. 201; Дунин-Горкавич, 1996, с. 78]. Так, из кожи теленка или жеребенка северные ханты и манси вырезали мозаичные орнаменты для украшения верхней плечевой одежды [Федорова, 1988б, с. 87]. Скорее всего, у оленеводческих групп эти материалы употреблялись в качестве дополнявших или замещающих оленьи шкуры и ровдугу.

Вопрос о традиционности употребления шкур домашних животных для одежды у хантов и манси, как показывают исследования хо-

зайства [Федорова, 2000г, с. 327], может быть решен положительно. Свидетельством достаточно раннего знакомства обских угров с этими видами материала служат и данные фольклора. В одном из хантыйских мифов о происхождении земли, человека, растений и животных овечьи шкуры, кожи лошадей и коров перечисляются в ряду материалов, которые верховным божеством *Торум'*ом предназначены людям для шитья одежды [Мифы..., 1990, с. 62]. С другой стороны, обработка этих материалов во многом напоминала обработку оленьих и лосиных шкур. В первой половине XX в. кондинские манси для шитья обуви коровьи шкуры отмачивали, зарывая в мох, счищали шерсть скребками, варили в отваре из коры (ПМА, 1993 г.). У народов Поволжья и Приуралья, широко употреблявших овчины для одежды, их обработка несколько отличалась от обскоугорской: для дубления использовали составы на основе зерновых продуктов (ржи, овса) [Белицер, 1951, с. 30; Молотова, 1992, с. 9]. Возможно, у южных групп обских угров, в комплекс хозяйственной деятельности которых входило и земледелие, некогда существовал такой способ обработки. Однако в условиях таежно-тундровой зоны и специализации хозяйства на охоте, рыболовстве и оленеводстве для обработки шкур стали использоваться подручные средства, позволяющие получать необходимый результат.

Шерстяные нитки. Шерсть — *пун* (X, M), в основном овечья, была также востребована у обских угров. Шерстяными нитками вышивали одежду, из них вязали рукавицы, чулки, плели и ткали пояса. Все перечисленные элементы костюма фиксировались у разных групп обских угров в течение XIX–XX вв. (см. табл. 1). Однако в этнографической литературе XVIII в. сведений по плетеным и вязаным изделиям остяков и вогулов не имеется. Можно предположить, что в этот период их также относили к разряду «русских», заимствованных и поэтому не описывали. Отметим, что такая точка зрения на плетение, тканье и вязание, как и на употребление шерсти для одежды в целом, была распространена в этнографической литературе долгое время. Она соответствовала сложившемуся еще в XVIII в. взгляду на обских угров как на представителей культуры охотников-рыболовов и оленеводов, одежда которых изготавливалась из шкур животных. Продолжившиеся в XX в. исследования хозяйства и культуры, фольклора и языка обских угров позволили выявить у них пласт традиций, свидетельствующих о знакомстве с разведением лошадей, крупного и мелкого рогатого скота [Чернецов, 1957, с. 239; Хайду, 1985, с. 192; Федорова, 2000г, с. 87]. Это дает возможность

по-иному подойти и к вопросу о появлении у них традиции использования шерсти.

Большое значение при рассмотрении этого вопроса имеют археологические материалы. Так, происхождение наиболее древнего шерстяного текстиля на территории Западной Сибири Т.Н. Глушкова связывает с андроновскими культурными традициями и соотносит с периодом второй половины II тысячелетия до н. э., а широкое его распространение в эпоху раннего железного века — с саргатской и кулайской культурами. В то же время, ссылаясь на отсутствие сведений по обработке шерстяного сырья у обских угров в этнографической литературе, она считает, что «вряд ли шерсть можно отнести к традиционным для угорского населения текстильным сырьевым источникам» [2002, с. 64–65]. С последним высказыванием трудно согласиться, тем более что четко прослеживающиеся связи обских угров с андроновскими и саргатской культурами позволяют рассматривать шерсть, употребляемую для одежды, как традиционный материал.

Другим важным вопросом является происхождение самих традиций плетения и тканья поясов, вязания чулок и рукавиц. У обских угров существовали два способа плетения поясов: ручной и при помощи берда [Попов, 1955, с. 133]. Сведений о ручном способе плетения недостаточно для его анализа, а вот тканье на берде фиксировалось в конце XIX — начале XX в. у северных и восточных хантов. При плетении поясов в качестве утка использовали конопляные или крапивные нитки, а для основы — шерстяные. У.Т. Сирелиус описал приемы плетения поясов салымскими и ваховскими остяками при помощи берд двух типов: одно представляло собой небольшую подпрямоугольную дощечку с круглыми отверстиями, поочередно расположенными на противоположных сторонах; другое — широкую прямоугольную дощечку с узкими прорезами во всю длину и узкими перегородками между ними, с округлыми отверстиями в центре [1906, с. 40]. Во второй половине XX в. при помощи берда второго типа из шерстяных ниток изготавливали пояса и подвязки для обуви северные ханты.

Технология тканья на берде достаточно проста и рассматривается как один из первоначальных этапов развития ткачества, а само бердо — как прототип ткацкого станка [Глушкова, 2002, с. 105]. Бердо закрепляет и разделяет нити основы, выполняя функции нитеразделителя. За счет разделения получается ткацкий зев (пространство между парными нитями), в который пропускаются нити утка (поперечные нити). В технологическом плане, по-видимому, вышеописанные типы восточнохантыйского берда представляют

зяйства [Федорова, 2000г, с. 327], может быть решен положительно. Свидетельством достаточно раннего знакомства обских угров с этими видами материала служат и данные фольклора. В одном из хантыйских мифов о происхождении земли, человека, растений и животных овечьи шкуры, кожи лошадей и коров перечисляются в ряду материалов, которые верховным божеством *Торум*'ом предназначены людям для шитья одежды [Мифы..., 1990, с. 62]. С другой стороны, обработка этих материалов во многом напоминала обработку оленьих и лосиных шкур. В первой половине XX в. кондинские манси для шитья обуви коровьи шкуры отмачивали, зарывая в мох, счищали шерсть скребками, варили в отваре из коры (ПМА, 1993 г.). У народов Поволжья и Приуралья, широко употреблявших овчины для одежды, их обработка несколько отличалась от обскоугорской: для дубления использовали составы на основе зерновых продуктов (ржи, овса) [Белицер, 1951, с. 30; Молотова, 1992, с. 9]. Возможно, у южных групп обских угров, в комплекс хозяйственной деятельности которых входило и земледелие, некогда существовал такой способ обработки. Однако в условиях таежно-тундровой зоны и специализации хозяйства на охоте, рыболовстве и оленеводстве для обработки шкур стали использоваться подручные средства, позволяющие получить необходимый результат.

Шерстяные нитки. Шерсть — *пун* (X, M), в основном овечья, была также востребована у обских угров. Шерстяными нитками вышивали одежду, из них вязали рукавицы, чулки, плели и ткали пояса. Все перечисленные элементы костюма фиксировались у разных групп обских угров в течение XIX–XX вв. (см. табл. 1). Однако в этнографической литературе XVIII в. сведений по плетеным и вязаным изделиям остяков и вогулов не имеется. Можно предположить, что в этот период их также относили к разряду «русских», заимствованных и поэтому не описывали. Отметим, что такая точка зрения на плетение, ткань и вязание, как и на употребление шерсти для одежды в целом, была распространена в этнографической литературе долгое время. Она соответствовала сложившемуся еще в XVIII в. взгляду на обских угров как на представителей культуры охотников-рыболовов и оленеводов, одежда которых изготавливалась из шкур животных. Продолжившиеся в XX в. исследования хозяйства и культуры, фольклора и языка обских угров позволили выявить у них пласт традиций, свидетельствующих о знакомстве с разведением лошадей, крупного и мелкого рогатого скота [Чернецов, 1957, с. 239; Хайду, 1985, с. 192; Федорова, 2000г, с. 87]. Это дает возможность

по-иному подойти и к вопросу о появлении у них традиции использования шерсти.

Большое значение при рассмотрении этого вопроса имеют археологические материалы. Так, происхождение наиболее древнего шерстяного текстиля на территории Западной Сибири Т.Н. Глушкова связывает с андроновскими культурными традициями и соотносит с периодом второй половины II тысячелетия до н. э., а широкое его распространение в эпоху раннего железного века — с саргатской и кулайской культурами. В то же время, ссылаясь на отсутствие сведений по обработке шерстяного сырья у обских угров в этнографической литературе, она считает, что «вряд ли шерсть можно отнести к традиционным для угорского населения текстильным сырьевым источникам» [2002, с. 64–65]. С последним высказыванием трудно согласиться, тем более что четко прослеживающиеся связи обских угров с андроновскими и саргатской культурами позволяют рассматривать шерсть, употребляемую для одежды, как традиционный материал.

Другим важным вопросом является происхождение самих традиций плетения и тканья поясов, вязания чулок и рукавиц. У обских угров существовали два способа плетения поясов: ручной и при помощи берда [Попов, 1955, с. 133]. Сведений о ручном способе плетения недостаточно для его анализа, а вот тканья на берде фиксировалось в конце XIX — начале XX в. у северных и восточных хантов. При плетении поясов в качестве утка использовали конопляные или крапивные нитки, а для основы — шерстяные. У.Т. Сирелиус описал приемы плетения поясов салымскими и ваховскими остяками при помощи берд двух типов: одно представляло собой небольшую прямоугольную дощечку с круглыми отверстиями, поочередно расположенными на противоположных сторонах; другое — широкую прямоугольную дощечку с узкими прорезами во всю длину и узкими перегородками между ними, с округлыми отверстиями в центре [1906, с. 40]. Во второй половине XX в. при помощи берда второго типа из шерстяных ниток изготавливали пояса и подвязки для обуви северные ханты.

Технология тканья на берде достаточно проста и рассматривается как один из первоначальных этапов развития ткачества, а само бердо — как прототип ткацкого станка [Глушкова, 2002, с. 105]. Бердо закрепляет и разделяет нити основы, выполняя функции нитеразделителя. За счет разделения получается ткацкий зев (пространство между парными нитями), в который пропускаются нити утка (поперечные нити). В технологическом плане, по-видимому, вышеописанные типы восточнохантыйского берда представляют

собой эволюционный ряд: первый тип предшествовал второму, более совершенному. Однако их происхождение при этом может иметь разные истоки. Так, бердо для плетения поясов использовали шорцы и телеуты, а айинское бердо для плетения поясов сходно с первым типом угорского [Попов, 1955, с. 134–138]. Второй тип бытовавшего у хантов берда применяли в конце XX в. для плетения поясов из окрашенной шерсти коми-зыряне и ненцы (ПМА, 1991, 1998 г.). Имеющиеся материалы по технологии изготовления поясов не позволяют более детально проанализировать происхождение этой традиции у хантов и манси.

У обских угров было известно вязание на пяти спицах. Для вязания употребляли натуральную или окрашенную пряжу двух оттенков: светлого и темного. Северные манси в конце XIX в., кроме того, использовали пряжу, полученную от распускания зырянских вязаных изделий [Гондатти, 1888, с. 22]. В конце XX в. стали покупать цветные шерстяные нитки, а также анилиновые красители для окрашивания ниток собственного прядения.

В домашних условиях пряжу делали из овечьей и собачьей шерсти. В XX в. у кондинских манси технология изготовления пряжи была следующей. Сначала состриженную шерсть готовили к прядению: перебирали и чистили, чесали при помощи двух лопаток-чесалок (15 × 15 см), внутренняя поверхность которых была утыкана мелкими гвоздиками или проволокой. Шерсть клали на одну лопатку, а другой расчесывали, выбирая мусор и катышки. Расчесанную шерсть заворачивали в кусок ткани и клали под постель или на печь. Некоторое время шерсть «отлеживалась», после этого ее можно было прядь. Для прядения использовали прялки и веретена. Готовую пряжу сматывали в мотки и стирали. Для стирки часто употребляли щелок или золу (ПМА, 1993 г.).

Техника вязания на примере чулок и рукавиц в общих чертах совпадала на всей территории ее распространения у обских угров. Во второй половине XX в. у северных хантов существовали три способа вязания на спицах [Молданова, 1999, с. 25]. Основные их различия заключались в приемах захвата нити и продевания ее через петлю. При этом наиболее ранним признается накидывание нити на спицу свободной (правой) рукой, в то время как обе спицы держали в другой (левой) руке.

Основными видами вязания были чулочная и вертикальная (поперечная) резинка с чередованием лицевых и изнаночных петель. Еще один вид — «хантыйская резинка» — фиксировался в конце XX в. у казымских хантов в нескольких вариантах. Особенностью

хантыйской резинки являлось то, что она вывязывалась нитями двух контрастных цветов на основе обычной резинки. При этом концы контрастных нитей соединялись узелком перед началом работы. Набор производился путем чередования темной и светлой петель. В первом варианте светлая и темная нити шли параллельно друг другу: одна — за вязанием, другая — перед. Во втором варианте они перекрещивались перед вязанием. Такие резинки в ширину достигали 1,5–2 см и делались на чулках и рукавицах.

Основная часть чулка или рукавицы орнаментировалась. У северных хантов, кроме того, основной узор оконтуривался более темной ниткой [Молданова, 1999, с. 25]. Характерным признаком перечисленных изделий служит орнаментация, которая вывязывалась на белом/темном фоне темными/светлыми узорами, что достигалось путем чередования нитей. Орнамент на всех изделиях, как правило, геометрический. При этом он мог покрывать либо все изделие (исключая носок и пятку у чулок, большой палец у рукавиц, резинку у чулок и рукавиц), либо сосредоточивался лишь в верхней части рукавиц и голенища чулок [Федорова, 1994, с. 185]. Во второй половине XX в. у восточных манси отмечается перенос традиционных орнаментов, используемых при вязании чулок, на вязаные носки, которые ранее не фиксировались в составе традиционного костюма. Среднеобские и казымские ханты в это же время начали вязать женские кофточки, которые украшали традиционным вязаным орнаментом.

Из числа вязаных изделий у обских угров были наиболее распространены чулки и рукавицы. Е.Г. Федорова сообщает о бытовавших у восточных манси чулках, связанных из конского волоса, которые могли использоваться и в качестве обуви [1994, с. 153].

В конце XX в. вязание было известно на всей территории проживания обских угров, но не у всех локальных групп, что, вероятно, связано с особенностями их хозяйственной деятельности. Юганские ханты, переселившиеся в середине XX в. на Демьянку и не знавшие вязания до этого, обучились его приемам у русских. Нитки изготавливали сами из овечьей или собачьей шерсти. Иногда овечью шерсть или уже готовую пряжу покупали у русских (ПМА, 1999 г.).

В этнографической литературе высказывались различные точки зрения о происхождении вязания у обских угров. Большинство авторов определяют это ремесло как заимствование, либо пришедшее с запада от коми-зырян [Сирелиус, 1907, с. 41; Иванов, 1963, с. 80], либо с юга Сибири, либо от русских [Лукина, 1985, с. 213]. Другие

исследователи склонны относить этот элемент к местной традиции, сформировавшейся самостоятельно [Федорова, 1994, с. 185; Молданова, 1999, с. 24]. В пользу ее угорского происхождения свидетельствуют материалы фольклора, упоминающие вязаную обувь *сэвум вей* (ХКз) богинь *Калтась* и *Касум ими* [Молданова, 1999, с. 24].

Лингвистические данные дают противоречивую картину. Н.Л. Гондатти приводит название шерстяных чулок северных манси — *саран сахым уай*, где *саран* означает «зырянские» [1888, с. 22]. Обские манси называли их *хансау вай*, *ётлын вай* [Федорова, 1994, с. 185]. У кондинских манси вязаные носки называются *щелх*, вязаные чулки — *вой*, *вон* (ПМА, 1993 г.). В хантыйском языке вязаные чулки именуются *сэвау вей*, *сэвум вей* [Молданова, 1999, с. 24]. В приведенных названиях компонент *вой*, *вон*, *уай*, *вай*, *вей* является общим для названия обуви у манси и хантов. Сам процесс вязания в мансийском языке обозначается термином *матыр сагуноквэ*, в котором вторая часть есть составляющая слов *тор сагуноквэ* ‘ткать’, *тёр сагнэ* ‘ткацкий вязальный станок’, *сагил* ‘плетение закончилось’, что в конечном итоге приводит нас к слову *саг* ‘коса’, которое также подразумевает определенный способ плетения или вязания. То же самое можно наблюдать и в языке хантов, где *сэвум* происходит от *сэвты* ‘плести’, а слово *сэв* — это название косы [Молданова, 1999, с. 24].

Этнографические источники показывают, что ареалы плетеных и тканых поясов, с одной стороны, и вязаных чулок и рукавиц — с другой, не совпадают. В конце XIX — начале XX в. плетеные и тканые пояса бытовали практически у всех групп манси (сведений по южным манси нет) и у северных и восточных (салымских и ваховских) хантов, вязаные чулки и рукавицы — у восточных и северных манси, а также у всех групп хантов [Прыткова, 1953, с. 159, 195–197; Лукина, 1985, с. 55, 196; Федорова, 1994, с. 145, 152, 184–186]. Во второй половине XX в. пояса вышли из употребления у восточных манси и восточных хантов, сохраняясь лишь у северных групп. Вязаные чулки и рукавицы в этот период исчезли и у восточных хантов. Таким образом, прослеживаемая по этим данным динамика распространения приемов плетения и тканья поясов, а также вязания показывает, что первые были более распространены у манси, а вторые — у хантов.

Ткани домашнего производства. Для шитья одежды использовали ткани собственного производства и покупные. В домашних условиях производили крапивное полотно. Свидетельства о производстве у остяков крапивного полотна, которое шло на уплату ясака кодскому князю, встречаются в актовом материалах XVII–XVIII вв. [Бахру-

шин, 1955, с. 126]. Одежда из него фиксировалась письменными источниками XVIII в. у всех групп хантов и манси [Георги, 1799, с. 62; Лепехин, 1814, с. 28; Зуев, 1999, с. 144–145; Новицкий, 1999, с. 38–39]. Этнографические источники указывают на то, что и в XIX в. отдельные виды такой одежды продолжали использоваться практически на всей территории проживания обских угров и более всего у восточных манси, южных и восточных хантов [Лукинский, 1872, с. 9; Инфантьев, 1910, с. 191; Прыткова, 1953, с. 145–146, 174–175; Лукина, 1985, с. 155–164; Федорова, 1994, с. 120, 166, 187; Алквист, 1999, с. 37; Зорина, 1999, с. 203; Кастрен, 1999, с. 44] (см. табл. 1). В начале XX в. крапивное, конопляное полотно и ткачество исчезают у обских угров [Шульц, 1924, с. 178; Дунин-Горкавич, 1996, с. 129].

Существование одежды из домотканого полотна, изготовленного из волокон крапивы, в большом количестве произрастающей на территории проживания обских угров, свидетельствует о знакомстве хантов и манси с ткачеством. Но вопрос о происхождении ткачества у обских угров оставался долгое время дискуссионным. Так, в XIX — начале XX в. было широко распространено мнение о том, что ткачество заимствовано обскими уграми у соседних народов. Проведенные в последней четверти XX в. исследования фольклора, духовной культуры и языка показали, что ткачество у обских угров имеет древнюю основу и уходит своими корнями в культуру угорского населения Западной Сибири [Лукина, 1985, с. 154; Федорова, 1994, с. 110; Глушкова, 1999, с. 175]. Анализ археологических тканей Западной Сибири, проведенный Т.Н. Глушковой, позволил ей предположить, что «технология изготовления тканого текстиля в древности... была воспринята местным населением у этномигрантов на территорию Западной Сибири, которые принесли сюда культурные традиции ираноязычного мира» [2002, с. 120].

Проблема происхождения ткачества у обских угров может быть разбита на два блока вопросов. Первый блок связан с возможностью использования хантами и манси волокон дикорастущих растений и способами их обработки для хозяйственных целей, второй — с происхождением их ткацкого станка и технологией производства ткани.

Подробно производство крапивной пряжи у остяков было описано У.Т. Сирелиусом, который обозначил районы распространения ткачества у остяков в конце XIX — начале XX в. по рекам Салым, Демьянка, Иртыш, Конда [1906, с. 20–23]. Следует учитывать, что обработка крапивных волокон с целью изготовления ниток, которые использовались в том числе для плетения сетей, была известна на всей территории проживания хантов и манси. Поэтому ареалы прие-

мов обработки крапивы и ткачества могут не совпадать: первый может быть гораздо шире второго.

Рассматривая распространение использования и обработки волокон дикорастущих травянистых растений у народов Сибири в конце XIX — начале XX в., А.А. Попов отмечал их узколокальный характер [1955, с. 51]. В Западной Сибири с тканьем крапивного полотна были знакомы нарымские селькупы, чулымцы, некоторые группы западносибирских татар, шорцы и северные алтайцы [Там же; Пелих, 1972, с. 39–40; Богомолов, 1979, с. 105; Тюрки..., 1991, с. 56]. Авторы монографии о чулымцах, выявляя аналогии в приемах обработки и производстве пряжи из волокон дикорастущих растений у чулымцев, селькупов и хантов, предполагают их принадлежность «к числу общих для Западной Сибири культурно-хозяйственных элементов» [Тюрки..., 1991, с. 57].

Этнографические источники показывают, что в целом процесс обработки крапивы — *пол'* (Х), *понал* (МСс, МЛп), *хусхэпэн*, *хөсйэрэн* (МЮк) у хантов и манси с течением времени мало изменился. В конце XVIII в. южные манси собранную осенью крапиву вымачивали в течение недели, затем снимали со стеблей верхний слой, сушили на солнце и толкли в ступах [Лепехин, 1814, с. 18]. В конце XX в. на Демьянке зафиксированы сведения о бытовавшей здесь некогда обработке крапивного волокна, изготовлении крапивных ниток, из которых плели сети, веревки, ткали полотно, а также использовали для шитья. Крапиву собирали в сентябре — октябре, когда с нее опадали листья, и сушили. Затем волокна отделяли от кострики, обрабатывали колотушкой до приобретения эластичности и пряжи (ПМА, 1999 г.).

В конце XIX — начале XX в. у обских угров было известно два способа расщепления крапивных волокон: зубами и при помощи специального орудия. Хантыйское орудие *ней мышь*, *лух кочекъ*, которым расщепляли лубяные волокна крапивы, представляло суживающуюся к одному концу деревянную или костяную узкую пластинку с острием [Сирелиус, 1906, с. 23; Дунин-Горкавич, 1996, с. 128]. Зубами расщепляли крапивные волокна в бывшем Березовском уезде, пластинки для расщепления волокон из кости оленя и лося применялись хантами Иртыша, Конды и Салыма, а орудие из пихтовой древесины — на Конде [Попов, 1955, с. 53].

При дальнейшей обработке крапивные волокна толкли в деревянной ступке пестом, отбивали трепалом или колотушкой на камне и растирали руками, как, например, ханты Оби и Малой Сосьвы в Березовском уезде [Сирелиус, 1906, с. 24; Изделия..., 1911, с. 47–48].

Для обработки крапивы употреблялись большие ступы из березы или пихты около 1 м высотой и длинные песты. У восточных хантов деревянными ступами на поддоне (*кер*) для обработки крапивы пользовались только на Салыме, на Васюгане для этого применяли колотушку [Лукина, 1985, с. 253]. Известны случаи приношения ступки для толчения крапивы на культовые места в случае рождения девочки [Пигнатти, 1912, с. 11; Шульц, 1924, с. 190; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 41].

Ступы для обработки волокон растений были известны ряду народов Сибири и Поволжья. Трепало и ступку использовали при обработке волокон крапивы чулымцы [Тюрки..., 1991, с. 56]. Поволжские и приуральские татары в середине XIX — начале XX в. в долбленых ступах пестами толкли волокна льна [Халиков, 1995, с. 108]. Большие деревянные ступы обских угров сходны по размерам и форме с удмуртскими ступами для размельчения растительных волокон, а также соседних с удмуртами народов: башкир, мордвы, чувашей, русских [Белицер, 1951, с. 19–20]. Анализируя названия ступ у васюганских хантов, нарымских селькупов, томских татар и южных алтайцев, Н.В. Лукина предполагает их саяно-алтайское происхождение [1985, с. 253]. Технология обработки растительных волокон для изготовления нитей позволяет обозначить более широкий ареал этой традиции. Он включает территорию Поволжья, Приуралья и Западной Сибири.

Трепало у обских угров имело вид деревянной удлинённой лопатки с рукоятью мечевидной формы. Подобное трепало длиной 70 см иртышских хантов описано У.Т. Сирелиусом [1906, с. 24]. Прямой аналогией трепалу *нарэн* южных хантов являются женские выбивалки для снега, бытовавшие у северных хантов [Прыткова, 1953, с. 231]. Кроме того, у восточных хантов и северных манси обработку крапивных волокон производили при помощи колотушки *тöүкi* (ХЮг), *мувыр сун* (МСс) [Терешкин, 1981, с. 266; Федорова, 1994, с. 109].

Приведенные материалы показывают, что процесс и орудия обработки крапивы были единообразны для всех групп хантов и манси. Это свидетельствует о достаточно раннем знакомстве обских угров с технологией обработки крапивы. Учитывая аналогии, имеющиеся у тюркских и финно-пермских народов Поволжья и Приуралья, тюрков и самодийцев (нарымских селькупов) Западной Сибири, можно предположить единое происхождение этой традиции для всех перечисленных групп.

Кроме крапивы в конце XIX — начале XX в. использовались лен и конопля. В конце XIX в. иртышские ханты производили ткань из крапивных и льняных ниток (и, вероятно, конопляных), при этом лен и пеньку покупали у русских [Патканов, 1999, с. 73–74]. О выращивании этих растений на Конде, Демьянке, Тавде и Иртыше сообщают источники конца XIX — начала XX в. [Патканов, 1894, с. 11; Алквист, 1999, с. 139; Федорова, 2000г, с. 131]. В языке южных и восточных хантов лен обозначался словом *toñ*, а у северных хантов — *pa-mū-pōlīn* (ХОБ) ‘чужой земли крапива’ [Прыткова, 1953, с. 230]. Обозначение льна у северных хантов свидетельствует о восприятии льна как чуждого им растения в противоположность крапиве. Появление специального термина в языке южных и восточных хантов можно объяснить заимствованием. Однако этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

По обработке конопли и льна сведений мало. Известно, что коноплю две-три недели вымачивали, затем сушили и обрабатывали так же, как крапиву [Сирелиус, 1906, с. 25]. Анализируя технологию обработки крапивы, льна и конопли у обских угров, русских и западносибирских татар, Т.Н. Глушкова выделяет две традиции: местную, связанную с обработкой крапивы, и русскую, появившуюся в XVI–XVII вв. и основанную на обработке льна [2002, с. 61–64]. При этом отмечается, что конопля обрабатывалась в соответствии с двумя этими приемами, что, вероятно, связано с преобладанием той или иной традиции у конкретной группы.

Следующий этап, связанный с производством ткани, — изготовление ниток. Для прядения нитей ханты и манси использовали веретена, которые изготавливались из дерева, с пряслицем или без него. Пряслища были деревянными, костяными, роговыми, каменными [Попов, 1955, с. 84; Народы Севера..., 1986, с. 63–65]. У хантов Демьянки было зафиксировано самодельное деревянное веретено *емут* длиной около 30 см в виде заточенного с одного конца стержня, на который надевалось дисковидное пряслище шириной 6–7 см (ПМА, 1999 г.). У восточных хантов веретено называлось *jōḡat* (ХВх, ХВс), *jāḡat* (ХСл), прялка — *jōḡatəltə ju* (ХВх), *jəḡtān ju* (ХВс), у казымских хантов прялка — *енкты-вей*. У северных манси фиксируется два названия веретена — *сэдэп нял* и *понал варне ййе* [Гондатти, 1888, с. 23; Федорова, 1994, с. 109]. На Конде в конце XX в. манси использовали прялку-копыл *понх ив* и деревянное веретено *ент* биконической формы с утолщенным нижним концом (ПМА, 1993 г.).

Прядение нити осуществлялось двумя способами: с прялкой и без нее. Беспрялочный способ у ваховских хантов описан М.Б. Шатиловым: «Пряжа идет из куженьки через крючок продольного бруса в юрте, спускается с него и здесь накручивается на стержень веретена, которое быстро вращается в воздухе все время двумя пальцами мастерицы» [2000, с. 90]. Прялки у обских угров представлены двумя вариантами. Прялка в виде длинного прямого шестика, одним концом упиравшегося в потолок, крышу или перекладину, другим — в пол, и прялка в виде палки, один конец которой закреплялся у полатей, другой зажимался между колен. Последняя наряду с прялкой-копылом бытовала у удмуртов, марийцев, башкир и признается наиболее древней [Белицер, 1951, с. 20–21]. Сам процесс прядения нити из кудели, прикрепленной к прялке, был сходным у обских угров и удмуртов. Как правило, нить вытягивали тремя пальцами одной руки, периодически смачивая их слюной, а другой рукой, придерживая за кончик, крутили веретено, на которое наматывалась уже готовая нитка [Сирелиус, 1906, с. 26–27; Белицер, 1951, с. 21]. В целом процесс прядения у обских угров, по-видимому, отражает местные западносибирские традиции (беспрялочный способ прядения) и традиции, сформировавшиеся в период финно-угорского единства (с использованием прялки).

Получаемые нитки были разных сортов в зависимости от качества и длительности обработки волокон. Из них ткали отличающиеся по качеству полотна. И.С. Поляков, побывавший в 1876 г. у иртышских хантов, отмечал в своих записках: «...из волокон этой крапивы остячки делают прекраснейшие холсты, тонкие до такой степени, до какой необходимо, хотя лично для своего домашнего обихода и одежды они делают холсты довольно толстые» [2002, с. 22]. Желтоватую крапивную пряжу кипятили в щелоке из осинового зола для придания ей мягкости и уничтожения желтоватого оттенка [Попов, 1955, с. 120].

Следующий этап, предшествующий собственно ткачеству, был связан с подготовкой ткацкого станка, его заправкой. Важным моментом являлась подготовка основы, представлявшей собой нити, которые растягивались на специальных креплениях и располагались на станке попарно (четная — нечетная), образуя ткацкий зев. У обских угров снование нитей основы, так же как и у удмуртов, происходило на стене, при этом у тех и других использовались одинаковой формы моталки (мотовила) и деревянные полые катушки (выюшки) с распорками внутри [Белицер, 1951, с. 23–24; Попов, 1955, с. 122–125].

Технология ткачества у обских угров в XVIII — начале XX в. основывалась на использовании горизонтального ткацкого станка усо-

вершенствованного типа. И. Лепехин, описывая производство конопляного и крапивного полотна у туринских вогулов с применением ткацкого станка, указывал на его тюркское название [1814, с. 28–29]. В связи с этим он высказал мнение, что ткачество было заимствовано обскими уграми у татар [Там же]. К таким же выводам пришел У.Т. Сирелиус, детально описавший ткацкий станок южных хантов [1906, с. 38]. Эта точка зрения была поддержана А.А. Поповым, который отметил сходство ткацкого станка обских угров с чувашским и марийским [1955, с. 125, 144]. Аналоги ткацкому станку обских угров существовали и у удмуртов. Так, станки этих народов имели, во-первых, две ниточки, приводимые в движение ножными педалями; во-вторых, два столбика, на которых закреплялась пришива *atjuu* (ХСл) и которые прикреплялись к скамье; в-третьих, последник (стойку) в виде небольшого колышка, на котором крепились нити основы [Белицер, 1951, с. 23–24; Попов, 1955, с. 122–125].

Т.Н. Глушкова выявляет сходство хантыйского ткацкого станка с реконструированным русским ткацким станком X–XIII вв. [2002, с. 109]. Горизонтальный ткацкий станок обских угров она относит к заимствованию, пришедшему в позднем средневековье от русских европейской части или восточноевропейских финно-угров на смену вертикальному станку [Там же, с. 119].

Столь неоднозначное определение этого заимствования говорит о том, что данный вопрос остается в настоящее время нерешенным и, вероятно, требует привлечения обширного массива самых разнообразных источников и материалов по культуре обских угров. Так, например, появление горизонтального ткацкого станка на территории современного проживания хантов и манси в эпоху позднего средневековья можно объяснить с позиции продвижения обских угров на север и восток из юго-западных районов. Именно с этим периодом связывает расселение различных групп хантов и манси по западносибирской тайге Е.Г. Федорова [2000г, с. 337]. Учитывая ареал расселения западных и южных манси, границы которого включали территорию проживания финно-пермских народов, можно говорить как о возможности заимствования этого станка у них, так и о формировании его при участии угров.

Используемый обскими уграми горизонтальный ткацкий станок позволял получать полотно репсового переплетения шириной около 70 см. Как показывают археологические источники, до XIII–XIV вв. населению Северо-Западной Сибири были известны и другие технологические приемы ткачества, дающие возможность получать традиционную для финно-угров узорную ткань с саржевым переплетением

нитей [Глушкова, 2002, с. 121]. Производство этой ткани было связано с использованием вертикального ткацкого станка, с ним связывается и происхождение самой ткацкой традиции у обских угров [Там же, с. 120].

Технологически более сложное саржевое переплетение, как предполагает Т.Н. Глушкова, исчезло у обских угров при переходе на горизонтальный ткацкий станок, который не имел необходимые для саржевого ткачества устройства [Там же, с. 115]. Крапивное и конопляное полотно репсового переплетения демонстрируют рубахи, халаты и штаны южных хантов и восточных манси, поступившие в коллекцию Тобольского музея в конце XIX — начале XX в.

Кроме того, полевые материалы свидетельствуют о знакомстве восточных манси и южных хантов с изготовлением полушерстяной ткани — *сукманины* (полусукно), которую ткали на горизонтальном станке. Нити основы делали из растительных ниток, а уток — из шерстяных. Кондинские манси в первой половине XX в. на русских кроснах делали сукманину из льна в сочетании с шерстью (ПМА, 1993 г.). В это же время демьянские ханты тонкие нити из крапивного волокна соединяли с нитками из овечьей шерсти и ткали сукно для пошива голенищ обуви (ПМА, 1999 г.). Следует отметить, что получение необходимого для сукманины сырья — шерсти — было возможно лишь в условиях интегративного типа хозяйства, включающего скотоводство (разведение овец), характерного для южных групп обских угров, или при торгово-обменных отношениях с соседними скотоводческими народами — западносибирскими татарами. Это объясняет локальность распространения этого вида ткани у обских угров. Сама традиция изготовления полушерстяной ткани на территории Западной Сибири, как показывают археологические материалы, восходит к бронзовому и раннему железному векам [Глушкова, 2002, с. 117].

Покупные ткани: сукно, шелк, хлопчатобумажные. Одежда из сукна фиксируется у всех групп, из него шили верхнюю плечевую одежду, головные уборы, рукавицы, пояса, голенища для обуви, чулки (см. табл. I). Многочисленные суконные одеяния и приклады хантыйских и мансийских «идолов» не раз отмечались исследователями XVIII–XX вв. [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 74; Дунин-Горкавич, 1996, с. 44–45; Алквист, 1999, с. 159; Новицкий, 1999, с. 39]. В.Ф. Зуев так описывал одеяние «остяцких богов», почитаемых в Воксарковых юртах (нижнеобские ханты): «...одеты в суконные малицы, всякими литыми, оловянными, медными, железными фигурками снабженные, в пимах, и на голове венцы серебряные... Дерево же, к которому бол-

ван приставлен, обвешивают разными сукнами, китайками и другими материями...» [Зуев, 1999, с. 164]. Об использовании шелковых тканей этнографические источники XVIII в. умалчивают, а вот относящиеся к XIX–XX вв. представляют шелк как один из материалов, применяемых для шитья одежды почитаемых божеств и для даров, приносимых на священные места [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 75; Дунин-Горкавич, 1996, с. 44–45; Носилов, 1997, с. 127]. Судя по этим описаниям, из шелка шили шапки, пояса и платки. В конце XX в. из шелка стали изготавливать также праздничную мужскую, женскую и детскую одежду: рубахи, рубахи-платья, халаты, наверхники для малиц, платки.

Покупные ткани — шелк и сукно — упоминаются в фольклоре. Так, встречаются «драгоценный шелк», «красное и черное сукно», «шерстяное и красное сукно», «тонкие сукна и тонкие шелка» [Мифы..., 1990, с. 71, 144, 196, 271, 429, 472]. В одном из мансийских мифов говорится: «Люди там богато и радостно живут, из шелка кроют женщины одежду, сердце мое, славная страна...» [Там же, с. 429]. С.К. Патканову древний костюм остяков представлялся следующим образом: «У князей и героев по героическому эпосу были также дорогие наряды из сукна (*nui*), тонкого шелка (*vögot jermak*) и шерстяного бархата (*püñij barxat*)...» [1999, с. 225].

Анализ языковых данных указывает на заимствованный характер этих материалов у хантов и манси. Название сукна у хантов и манси — *ной* (X), *нуй* (M) — считают зырянским заимствованием [Прыткова, 1953, с. 230; Алквист, 1999, с. 167], шелка — *йермак* (X), *ярмак*, *ятак* (M) — тюркским [Алквист, 1999, с. 167] или также зырянским [Прыткова, 1953, с. 230]. Исследование комплекса традиционной одежды манси, проведенное Е.Г. Федоровой, показало, что элементы костюма, сшитые из сукна, имеют разное происхождение, которое автор связывает как собственно с мансийской культурой, так и с культурным влиянием коми-зырян и татар [1994, с. 214]. Т.А. Молданова предполагает, что у северных хантов традиция использования сукна в ритуальных целях появилась под влиянием северных манси (р. Сосьва) [1999, с. 37].

Исследование археологических тканей Западной Сибири показало, что шелк и сукно импортировались из других регионов [Глушкова, 2002, с. 119]. В период средневековья и нового времени импорт шелковых тканей связывается с восточными и юго-восточными центрами шелкоткачества [Там же, с. 102–103]. Тонкие цветные сукна в XIII–XIV вв. доставлялись из Западной Европы, а в XV–XVII вв. были потеснены полушерстяными тканями западносибирского про-

изводства [Там же, с. 118]. Таким образом, употребление сукна у обских угров основывалось на древних местных традициях ткачества шерстяных тканей. Применение шелка, по-видимому связанное с его престижностью, социальной значимостью, также имеет основания рассматриваться как традиционное. Г. Новицкий в описании одежды остяцких женщин отмечал: «...от сукна ли или от камки, яки начальнейших оных жены употребляют камчатых одежд, но всегда червленых» [1999, с. 40]. Из этого отрывка ясно, что «камчатая» одежда в XVIII в. являлась привилегией социальной верхушки и была доступна не всем.

Посредством импорта обские угры были знакомы и с хлопчатобумажными тканями. Однако к концу XIX — началу XX в. хлопчатобумажные ткани преодолели эти ограничения, стали использоваться повсеместно и вытеснить домотканое полотно (см. табл. 1). В этот период из них шили рубахи, халаты, наверхники и др. [Пигнаги, 1912, с. 13; Шульц, 1924, с. 180; Прыткова, 1953, с. 146, 173; Лукина, 1985, с. 40, 48; Федорова, 1994, с. 161, 187; Дунин-Горкавич, 1996, с. 81]. По-настоящему широкое применение этого материала началось в XX в.

В начале XX в. для пошива мужских и женских рубах ханты употребляли ситец, кумач, тик, китайку, бязь, для халатов — бязь, бумазею, трико и сукно, для наверхниц на малицу, гусей, зипунов — сукно и байку, для штанов — трико [Дунин-Горкавич, 1996, с. 81–83]. Ширина привозных тканей имела важное значение при раскрое одежды, так как количество швов на одежде из домотканого полотна определялось шириной утка. Как правило, ширина промышленных тканей, используемых для изготовления рубах, платьев и халатов, не превышала 87,75 см. При этом ширина большей части из перечисленных тканей для рубах и платьев колебалась от 49,5 до 64 см, а тканей для халатов, зипунов, наверхниц — от 87,75 до 153 см.

Появление фабричных тканей повлияло на весь комплекс традиционной одежды. Прежде всего, оно отразилось на рубахах из домотканого полотна, у которых вышитые зоны стали заменять вставками из разноцветных тканей. В начале XX в. у салымских хантов верхняя часть рубахи шилась из ситца, а нижняя — из крапивного полотна или холста, купленного у русских [Шульц, 1924, с. 180]. В то же время наблюдается стремление к комбинированию в одежде нескольких различных по структуре и составу тканей: шерстяных (сукно) и хлопчатобумажных (сатин, ситец), шерстяных (сукно) и шелковых (шелк), вельвета и сатина и т. п. Эта тенденция сохранилась у обских угров до сегодняшних дней при шитье халатов и рубах-платьев.

Промышленное освоение территории Западной Сибири во второй половине XX в. способствовало организации налаженной торговой сети, что позволило приобретать современную одежду и ткани. В настоящее время для изготовления одежды обские угры применяют натуральные и синтетические ткани. Наряду с традиционными сукном, ситцем, сатином для пошива плечевой одежды используют атлас, бархат, вельвет, шелк, саржу, трикотаж. Из брезента шьют наверхники для малиц, голенища для башмаковидной обуви, из искусственной кожи — женскую обувь (чирки). Предпочтение по-прежнему отдают однотонным тканям: синим, белым, красным и зеленым. Подобная одежда считается праздничной, нарядной.

Подведем итоги. *Общими* для обских угров были следующие материалы: *шкурки пушных зверей, олени и лосиные шкуры, ровдуга, овчина, шерсть, дмотканое полотно, сукно, шелк и хлопчатобумажные ткани.*

Использование меха пушных зверей является архаичным пластом в культуре обских угров. Олени шкуры в XVIII–XX вв. были основным материалом для одежды у оленеводческих групп обских угров. У восточных и южных хантов, западных и восточных манси олени шкуры употреблялись наряду со звериными шкурками и предпочитались при изготовлении промысловой одежды. Кроме того, восточные манси и южные ханты приобретали промысловую одежду из оленьих шкур у соседей (северных хантов и манси), а западные манси — у коми-зырян. Как видим, использование одежды из оленьих шкур не всегда связано непосредственно с занятием оленеводством и определялось степенью ее востребованности. С оленеводческим хозяйством соотносится также широкое применение ровдуги. Ее получение было возможно и в условиях охотничье-рыболовческого хозяйства (по-видимому, именно с этим связана традиция изготовления ровдужной обуви у всех групп обских угров).

Сукно и ткани относятся к традиционным материалам для шитья одежды у обских угров. Наиболее характерными из них были дмотканое крапивное полотно и сукно. Если первое было постепенно вытеснено покупными тканями, то сукно до настоящего времени остается востребованным. При этом ханты и манси не умели изготавливать сукно, а традиция его применения связана с производством и использованием полушерстяных тканей и уходит своими корнями в бронзовый и железный века Западной Сибири. Вероятно, употребление овчины имеет те же истоки.

К материалам, имеющим *локальное* распространение, относятся: *рыбья кожа (северные ханты и манси), птичьи шкурки (северные и за-*

падные манси, северные и восточные ханты), собачьи шкуры (северные манси и ханты), коровьи и лошадиные шкуры (северные и восточные манси, северные и восточные ханты).

Использование рыбьей кожи характеризуется как севернохантыйское явление. У северных манси зафиксированы мешочки и штаны из налимьей кожи, вероятно заимствованные у хантов. Возможность применения рыбьей кожи для одежды определялась рыболовством и наличием нужных пород рыбы. С конвергентным развитием в местных природно-климатических условиях связана и традиция использования птичьих шкурок для одежды.

Районы распространения одежды из собачьих шкур у обских угров обнаруживают тяготение к северу. Видимо, эта традиция сформировалась под влиянием ненцев. Фиксировавшаяся в конце XIX — начале XX в. у южных хантов и восточных манси одежда из собачьих шкур, скорее всего, была приобретенной у северян.

Связь с оленеводческим комплексом хозяйства обнаруживает технология обработки коровьих и лошадиных шкур у восточных и северных манси, северных и восточных хантов. В данном случае можно говорить о существовании у всех обских угров единой технологии обработки шкур, распространявшейся на домашних и диких животных. Традиция применения коровьих и лошадиных шкур связана с населением лесостепной и степной зон Западной Сибири, и ее локализация в конце XIX — начале XX в. на территории проживания указанных групп обских угров свидетельствует о культурно-генетических связях со скотоводами лесостепи.

МАТЕРИАЛ ДЛЯ УКРАШЕНИЯ ОДЕЖДЫ И ТЕХНОЛОГИЯ ЕГО ОБРАБОТКИ

Украшения составляют неотъемлемую часть традиционного костюма, отражая его знаковую функцию. В совокупности с одеждой, обувью, головными уборами и различного рода аксессуарами они определяют тот неповторимый облик традиционного костюма, который позволяет его владельцу ощущать сопричастность с этносом, социальной и религиозно-конфессиональной группой, родом, производственной сферой и т. п. Традиционные украшения наряду с произведениями народного искусства формируют фонд художественных традиций народов, отражая эстетическое восприятие ими окружающего мира и его духовную составляющую.

Происхождение и развитие украшений непосредственно связаны с вопросами формирования одежды и костюма как такового.

Именно с необходимостью «украшать себя» соотносилось в целом появление одежды [Одежда..., 1928, с. 3], а связь между генезисом украшений и эстетическим стремлением к красоте многими исследователями признавалась неоспоримой причиной развития декоративного убранства костюма [Адлер, 1903, с. 24; Одежда..., 1928, с. 3; Липс, 2001, с. 77]. Рассматривая развитие традиционных украшений, исследователи конца XIX — начала XX в. считали, что они древнее самой одежды и первоначально наносились непосредственно на тело (раскраска, татуировки, рубцевание и др.) или крепились на нем различными способами, и одну из причин их появления видели в необходимости защитить тело от укусов насекомых и атмосферных осадков [Адлер, 1903, с. 11; Липс, 2001, с. 70]. Дальнейшему самостоятельному развитию украшений, по мнению Б.Ф. Адлера, помешало распространение одежды, и человеку «волей-неволей... пришлось перенести украшения на одежду» [1903, с. 53].

Данная точка зрения на украшения хотя и поддерживалась рядом авторов, тем не менее не стала преобладающей. Накопление этнографических данных, основанных на широком изучении культурных традиций народов разных климатических поясов земного шара, показало, что и одежда, и украшения могли развиваться параллельно [Токарев, 1970, с. 8]. Функции защиты и украшения тела, которые они выполняли, являлись первичными.

В декоративном убранстве костюма выделяются съемные украшения (головные, шейно-нагрудные, наспинные, для рук и ног и др.) и несъемные, нанесенные на одежду или прикрепленные к ней и включающие обширный перечень различных видов и способов декора, непосредственно связанных с материалом одежды, ее покроем и уровнем технологий. Считалось, что несъемным украшениям предшествовали съемные, перенос которых на одежду и прикрепление к ней обусловили появление декорирования [Адлер, 1903, с. 53–54; Липс, 2001, с. 70].

Изготовление съемных украшений во многом зависело от развития технологий, однако они могли и приобретаться в ходе торговли и обмена. Отмечая многочисленность видов сырья для украшений, Ю. Липс выделял материалы, которые употреблялись повсеместно, например раковины каури и бусы [2001, с. 71]. Другим излюбленным материалом для украшений является металл.

Предложенная Н.Ф. Прытковой классификационная схема украшений народов Сибири предусматривает их дифференциацию на привозные и местные, что позволяет определить не только заимство-

ванные элементы, но и устойчивость традиции их использования [1970б, с. 208–222]. В то же время такая систематизация исключает возможность изучения развития украшений, их трансформации и комплектности. Следует учитывать, что во многом выбор типа и вида съемных украшений определялся общественными приоритетами, а также видами и покроем одежды, головных уборов, обуви. Именно в сочетании с ними украшения обретали свой смысл и придавали костюму завершённую форму, отражающую его этническую специфику.

Классификация украшений, их основные функции (эстетическая, знаковая и охранительная), их зависимость от вида одежды отражают тенденции, присущие в целом декоративному убранству традиционного костюма. При изучении особенностей формирования комплекса традиционных украшений на первый план выходят: природно-климатический фактор, обуславливающий применение определенных материалов для одежды и прикрепленных к ней украшений; уровень развития производства, позволяющий получать материалы и изготавливать украшения; торгово-обменные отношения. Таким образом, анализ состава традиционных украшений обских угров и условий их производства позволит определить общие и локальные элементы, взаимосвязь с материалом одежды, динамику распространения.

Сохранившиеся описания костюма обских угров XVIII в. не содержат подробных сведений по его декору. Тем не менее позднейшие данные и современные исследования позволяют на основе анализа используемых для пошива одежды материалов определить наиболее распространенные способы украшения костюма в тот период. Кроме того, установлению динамики развития украшений одежды обских угров способствуют, с одной стороны, известные виды материала, из которого изготавливалась одежда, с другой — процесс развития орнаментального искусства.

Для украшения одежды ханты и манси употребляли мех, ровдугу, шерстяные нитки, ткань, сукно, металл, бисер, бусы, пуговицы, тесьму, подшейный волос оленя. Диапазон способов декорирования включал: окрашивание; вышивку, в том числе бисером; нашивание металлических блях, пуговиц, бус, а также различного рода подвесок и кисточек; аппликацию сукном и хлопчатобумажными тканями; мозаику; плетение из бисера; опушку мехом; окантовку края и швов шерстяными нитками, тканью и сукном.

Окрашивание. Один из архаичных способов декорирования. На древние корни этой традиции у обских угров указывает одинаковое

обозначение краски в хантыйском и мансийском языках — *олюп* (Х), *олюп* (М). Красили рыбью кожу, ровдугу, оленьи и лосиные шкуры, готовую одежду из ткани, шерстяные нитки для вышивания.

Обские угры раскрашивали отдельные части готовой одежды из шкур, кожи, ровдуги: ворот и манжеты малицы или шубы, головки, края голенищ и другие детали обуви и т. д. По-видимому, наиболее древним следует считать способ украшения, при котором краска наносилась полосами на края и основные швы одежды. В связи с этим интересным представляется семантическая связь хантыйских слов *оль* 'полоса' и *ольпанг* 'крашенный'; *нэруп* 'краска' и *нэрти* 'тереть, красить, мазать, намазать'. В то же время у манси производным от слова *олюп* 'краска' является *ольпын* 'цветной', а родство слов *келланкве* 'красить' и *келуп* 'кровь; ярко-красный, алый' может свидетельствовать в пользу древнего использования красной краски. Действительно, красный цвет — *выгыр* (М), *вурты* (Х) — наиболее употребим в технике раскрашивания у обских угров.

Красная краска добывалась сравнительно легко, и, по-видимому, способы ее производства можно отнести к наиболее древним. На территории проживания обских угров был известен метод получения краски из коры дерева: ольхи, осины, лиственницы и др. В конце XIX — начале XX в. для ее изготовления также использовали охру, смешанную с растительным маслом, сок красных ягод, березовый гриб, краснотал [Сирелиус, 1907, с. 46–47; Изделия..., 1911, с. 28, 31; Дмитриев-Садовников, 2000, с. 18–20]. Казымские ханты окрашивали ровдужную обувь оленьей кровью, которую смешивали с настоем из лиственничной коры [Иванов, 1963, с. 75]. Для получения краски черного цвета и придания вещи влаго непроницаемости северные и восточные ханты использовали сажу, смешанную с рыбьим жиром [Прыткова, 1953, с. 199; Тахтуева, 1993, с. 12]. Синюю, фиолетовую краску получали из сока ягод и глины. У.Т. Сирелиус отмечал также, что синюю краску остяки и вогулы покупали готовой в русских деревнях и называли ее по-русски — «синяя краска» [1907, с. 47]. Известно, что в середине XX в. кондинские манси окрашивали одежду в синий цвет, вытаптывая ее в глине на берегу реки (ПМА, 1993 г.). Для закрепления окраски восточные ханты добавляли в краску золу из пережженного березового гриба или соль [Тахтуева, 1993, с. 12; Шатилов, 2000, с. 92].

Часто название того или иного цвета указывает на сырье, из которого делалась краска. У юганских хантов красно-оранжевый цвет называют *корненк курасып* 'похожий на отвар из коры лиственницы', оран-

жево-коричневый — *пой-кар* 'кора осины' [Кулемзин, 1983, с. 124]. Наиболее распространенными были краски красных (коричневых), черных и темно-синих оттенков. При окрашивании основным тоном являлся натуральный (светлый, белый). Другие цвета не имели такого значения и использовались как дополнительные к основным — красному, белому и черному (синему) [Богордаева, 1999, с. 104].

Березовские манси готовили в конце XX в. краску следующим образом: кору лиственницы, залитую водой, варили на медленном огне 2–3 часа, отстаивали, затем в течение нескольких дней выпаривали воду до получения густой однородной массы. Полученную краску наносили на одежду специально вырезанной из дерева заостренной палочкой. Казымские ханты при нанесении краски из березовой коры (*сумат кар эвалт*) на ровдугу использовали две палочки: заостренную — для рисования контура орнамента, в форме лопаточки — для раскрашивания [Молданова, 1999, с. 18]. Юганские ханты окрашивали ровдугу и мех, используемые для изготовления обуви, выдерживая их в краске под гнетом в течение 10–15 дней [Тахтуева, 1993, с. 12]. Северные манси окрашивали отдельные части ровдужной обуви *совья вай* в красный цвет, натирая их гнилушками ольхи [Федорова, 1994, с. 149]. Кондинские манси еще в середине XX в. окрашивали коровьи шкуры в красно-коричневый цвет путем кипячения в отваре из коры осины. По сведениям информантов, краска из коры имела цвета от коричневого до ярко-красного, была стойкой, не линяла, долго сохраняла цвет (ПМА, 1993 г.).

Полным погружением в красящий раствор получали цветные нитки и ткань. Иртышские ханты для окрашивания шерстяных ниток в красный и желто-зеленый цвета в конце XIX — начале XX в. использовали соответственно травяной отвар плауна и корень подмаренника. Для этого корни растений сушили, размельчали, просеивали, замачивали в теплой воде на 1–2 дня, затем в полученном настое вымачивали в течение 7 дней или кипятили пряжу с добавлением золы для закрепления окраски [Сирелиус, 1907, с. 47; Патканов, 1999, с. 76]. В середине XX в. кондинские ханты готовую одежду из холста и мешковины красили целиком, так же как и цветные нитки для вышивки и вязания, погружая их в краску. Окрашивание шерстяных ниток для вязания применялось в 1990-е гг. у ляпинских и кондинских манси, при этом употреблялись промышленные красители (ПМА, 1991, 1993 гг.).

Вышивка окрашенными шерстяными нитками и ее происхождение привлекали внимание исследователей культуры обских угров еще в XIX в. Описывая способы получения краски для ниток у иртышских

хантов, С.К. Патканов предполагал алтайское происхождение этой традиции у всех уральских народов [1999, с. 76]. Однако кроме алтайцев окрашивание шерстяных ниток было распространено у народов Поволжья и Приуралья, а также у восточных славян [Крюкова, 1973, с. 28; Грибова, 1980, с. 75]. Рассматривая традицию использования корневища подмаренника для окрашивания, Б.А. Куфтин отмечал, что «самодельной краски, окрашивающей в красный цвет льняной материал, не было известно у русских славян и финнов», это растение они применяли исключительно для шерстяных ниток, точно так же как и среднеазиатские народы [1926, с. 20]. В технологическом отношении окрашивание ниток из шерсти у обских угров в целом совпадает с чувашской традицией [Никитин, Крюкова, 1960, с. 14].

Другое происхождение имела технология окрашивания путем нанесения краски на готовую одежду. Она была известна многим народам Сибири и может характеризоваться у обских угров как местная сибирская. Так, полосами раскрашивали ровдугу и кожу энцы, нганасаны, кеты, чукчи, эвенки, юкагиры, штампованными орнаментами — чукчи и коряки [Туголуков, 1979, с. 90; Федорова, 1988а, с. 100]. Как и у обских угров, для приготовления краски использовались различные подручные средства, включая кровь животных, сок ягод, охру, отвары из коры растений и пр. Таким образом, в культуре обских угров нашли отражение две традиции: южная (среднеазиатская?) — окрашивание шерстяных ниток корнем подмаренника и северная (местная) — окрашивание шкур минеральными (охрой) и различными органическими красителями путем нанесения краски на поверхность.

Вышивка подшейным волосом оленя и сухожильными нитками.

Эта технология, вероятно, сложилась несколько позднее окрашивания на основе вышивания контура нарисованного орнамента. Подшейный волос пришивали мелкими стежками сухожильными или другими нитками по контуру рисунка, нанесенного на ровдугу [Изделия..., 1911, с. 32]. Этот прием использовали сургутские ханты для украшения ровдужной обуви и рукавиц [Прыткова, 1953, с. 200].

Кроме того, вышивка подшейным волосом оленя *сурам* имела и самостоятельное значение, ею украшали одежду из ровдуги и сукна. В технологическом отношении она отличалась от вышивки нитками. Ваховские ханты вышивали верхнюю плечевую одежду из ровдуги сухожильными нитками следующим образом: ровдугу смачивали, а затем иглой из рыбьей косточки выполняли шов «вперед иголку», в результате высыхания ровдуги образовывалась сплошная вышитая строчка [Иванов, 1963, с. 75].

В конце XIX — начале XX в. восточные ханты вышивали подшейным волосом и сухожильными нитками орнаменты белого цвета на обуви и рукавицах, обшлагах, воротнике и нагрудном разрезе мужских рубах [Изделия..., 1911, с. 26; Дунин-Горкавич, 1996, с. 77]. У северных хантов, как отмечает Н.Ф. Прыткова, вышивка оленьим волосом была характерна лишь для предметов ритуального назначения [1953, с. 200]. Так, у казымских хантов кожаные рукавицы, используемые на медвежьем празднике, вышивались оленьим волосом [Шухов, 1916а, с. 104, 1916б, с. 33]. А.Г. Старцев упоминает об использовании хантами при декорировании одежды еще и конского волоса [1928, с. 30].

Выделяя у обских угров две традиции вышивания: оленьим волосом по контуру нарисованного на ровдуге орнамента и сухожильными нитками, С.В. Иванов относил первую к заимствованиям у кетов и эвенков, а вторую связывал с местным происхождением [1963, с. 76]. Действительно, распространение вышивки подшейным волосом оленя и сухожильными нитками фиксируется в основном у северных и восточных хантов. У северных манси была известна лишь вышивка сухожильными нитками, которой украшались иногда игольники на сумках для рукоделия [Федорова, 1992б, с. 108]. Вероятно, манси эту вышивку заимствовали от хантов. А вопрос о ее происхождении у северных и восточных хантов тесным образом связан с теми видами материала, а также одежды и обуви, на которых она производилась. Как было показано выше, сукно и ровдуга применялись всеми группами обских угров. Однако украшение этой одежды рассматриваемыми видами вышивки носило локальный характер. Учитывая контакты восточных хантов с кетами и эвенками, можно утверждать, что именно через них северные ханты, а через них и северные манси познакомились с вышивкой подшейным волосом оленя и сухожильными нитками.

Кант. Для сохранения тепла оленьим волосом прокладывали швы меховой одежды [Рындина, 1995, с. 276]. По-видимому, таким способом стремились укрепить швы. В дальнейшем эти функции стали выполнять узкие кантики из сукна, вставляемые в швы или нашиваемые поверх швов [Там же]. Кантиками преимущественно красного цвета северные и восточные ханты и северные манси прокладывали швы одежды и обуви из оленьего меха, а также швы, соединяющие орнаменты меховой мозаики. Северные ханты и манси кантики вставляли и в швы суконной одежды.

Исследуя традицию прокладки швов одежды суконным кантом, Н.В. Лукина связывает ее происхождение с населением, которое из-

давня было знакомо с тканями [Лукина, 1985, с. 189]. По отношению к обским уграм, по-видимому, можно говорить о двух традициях прокладывания швов одежды и обуви. Первая имеет функциональное обоснование — укрепление швов. Вторая, охранительная, проявляющаяся в окантовке и прокладывании швов суконной одежды, основана на контрастном цветосочетании, выделяющем швы на общем фоне одежды. Обе традиции нашли отражение и в других способах декоративного оформления костюма обских угров.

Обшивка края. С функциями укрепления края одежды и защиты от холода и влаги связывается обшивка узкими полосками ткани, тесьмой, мехом. В используемой при обшивке ткани, так же как и при окрашивании, наблюдался приоритет красного цвета. Так обшивались края рукавов, ворота, подола, полочек плечевой одежды из сукна, домотканины, хлопчатобумажных тканей, ровдуги, меха, края голенищ обуви. У южных хантов на рубашках из домотканины края рукавов и подола обшивались с изнаночной стороны узкой полосой красной шерстяной ткани или красной нитью (ТГИАМЗ, № 7805, 7879). Верхнюю плечевую одежду обшивали по краям подола, ворота, полочек, манжет мехом выдры, зайца, лисы, собаки и др. На меховой одежде края обшивались мехом контрастного цвета по отношению к основному фону.

Этот прием украшения одежды применялся всеми группами обских угров; локальная специфика проявлялась в ширине обшивки. У северных манси и северных хантов по ширине полосы, которой был обшит край подола платья, и по тому, заходит ли она на изнаночную сторону или нет, определяли локальную принадлежность владелицы [Федорова, 1994, с. 164] (ПМА, 2004 г.).

Мозаика. Этот способ украшения одежды путем сочетания кусочков меха, кожи или ткани темного и светлого тонов практиковался достаточно широко. Он отличается от другого приема, основанного на сочетании деталей кроя, сшитых из кусочков меха разного цвета. Последний использовался при шитье шуб, капоров, меховой обуви у восточных, северных, южных хантов и северных и западных манси.

По приемам и виду используемого материала мозаика у народов Сибири классифицируется на составной мех, полосы и орнаменты из меха, сукна, кожи или ровдуги [Федорова, 1988б, с. 99–100]. В одежде обских угров представлены все виды, за исключением мозаики из кожи, что объясняется редкостью этого материала. Технология изготовления составного меха, сшитого из мелких шкурок пушных животных, рассматривалась выше. Предполагается, что именно на основе составного меха происходило развитие одного из простейших узоров

мозаики, так называемых сухариков, которые впоследствии вылились в более сложные мозаичные орнаменты ленточного типа [Рындина, 1995, с. 321].

Используя мозаику, обские угры составляли прямолинейные ленточные и медальонные орнаменты. Узоры вырезали ножом из оленьего меха (камусы, пешка) светлого и темного тонов с помощью берестяного трафарета или без него. Полосами мозаики (прямолинейные ленточные орнаменты) ханты и манси декорировали шубы, парки, обувь и капоры из оленьего меха; медальонными орнаментами — рукавицы и шапки из сукна. Как правило, орнаментированные полосы вшивались в основные швы на одежде и обуви (см. цв. вкл., рис. 1). Мозаика применялась также для украшения различной утвари (сумочек, игольниц, мешков и т. п.) из меха, ровдуги и сукна.

Ареал бытования одежды с узорами меховой мозаики в конце XIX–XX в. включал территорию проживания северных и восточных хантов и северных манси, т. е. групп, у которых существовало оленеводство. Кроме того, отдельные экземпляры одежды с орнаментированными полосами фиксируются у южных хантов (шубы) и западных манси (парка, женская шуба) [Федорова, 1994, с. 131, 174; Рындина, 1995, с. 30]. У восточных хантов была также известна обувь с мозаикой из окрашенной ровдуги [Прыткова, 1953, с. 161; Рындина, 1995, с. 58]. В конце XX в. у северных хантов наблюдалась тенденция к увеличению количества орнаментированных полос на одежде. Так, у казымских хантов на подол нашивались две полосы, а полосы вдоль пол стали доходить до плеча [Молданова, 1999, с. 12].

С мозаикой были знакомы многие народы Сибири. Территорией рождения этой традиции С.В. Иванов считал Приобье [1963, с. 153–159]. Происхождение меховой мозаики в среде древнего уральского населения предполагает Е.Г. Федорова [1988б, с. 104]. Подтверждением участия обских угров в формировании этой традиции служат орнаменты на их берестяной утвари, бисерных изделиях, а также в вышивке. Сходство прямолинейных и криволинейных орнаментов на коже и бересте с вышитыми не раз отмечалось исследователями [Изделия..., 1911, с. 59; Иванов, 1952, с. 88–90; Рындина, 1995, с. 315–395; и др.]. Изучение непрерывных бордюров в мозаике обских угров выявило их многокомпонентную основу, которая, по мнению О.М. Рындиной, складывалась путем взаимодействия северосибирских (представленных собственно мозаикой), южных (вышивка шерстяными нитками) и местных (раскрашивающие) орнаментальных традиций [1995, с. 329–330].

Вышивка шерстяными нитками. В XVIII в. вышитая одежда фиксируется у южных манси, а в XVIII — начале XX в. у восточных и западных манси, у южных, среднеобских и восточных хантов [Лепехин, 1814, с. 28; Пигнатти, 1912, с. 13; Шульц, 1924, с. 179; и др.]. Вышивкой нитками украшали одежду из домотканины (см. цв. вкл., рис. 2). При вышивании использовали шерстяные нитки. Вышивали также бумажными и шелковыми нитками, гарусом [Прыткова, 1953, с. 200; Иванов, 1963, с. 78].

Не останавливаясь подробно на технике вышивки и мотивах орнаментации, которые неоднократно описаны в литературе [Изделия..., 1911, с. 57–64; Иванов, 1963, с. 78–80; Рындина, 1995, с. 336–346; Vahter, 1953, S. 27–37; и др.], отметим, что у хантов и манси было известно пять видов вышивки, совпадающих по приемам: 1) *керем ханчъ* (от хант. *кередем* ‘перевернуть, повернуть’) — мелкие параллельные стежки, вплотную соприкасающиеся друг с другом; 2) *руть ханчъ* (X) — вышитый двусторонний контур, состоящий из мелких квадратов, соприкасающихся углами по диагонали; 3) *ханда ханчъ* (X) — мелкие стежки по контуру рисунка, который затем заполняется более крупными стежками; 4) *севем ханчъ* (X) — крестиком; 5) *ектем ханчъ* (X) — рисунок выполняется крупными стежками без контура [Изделия..., 1911, с. 64; Пигнатти, 1912, с. 13]. Ханты одним словом *ханчъ* ‘метка, узор, пестрое’ одинаково обозначали как способ шитья, так и узор. Ближе к нему мансийское *ханса* ‘узор’ (*хансау* ‘пестрый’). В то же время если у хантов обозначение самого процесса вышивания *ханши ентыйлты* ‘вышивать’ происходит от *ханчъ*, то у манси «вышивать» — *хорам юнтуукве* от *хорам* ‘украшение’. В обоих случаях уточняется способ нанесения узора или украшения, который выполнялся иглой — *ентыйлты* (X), *юнтуукве* (M).

Вышивкой украшалась женская одежда: рубахи, халаты, платки [Изделия..., 1911, с. 60; Прыткова, 1953, с. 169–172; Федорова, 1994, с. 169; Vahter, 1953, S. 47–52], а также мужская — рубахи и штаны [Прыткова, 1953, с. 14; Федорова, 1994, с. 120; Дунин-Горкавич, 1996, с. 77, 79]. Наиболее ранними признаются рубахи, перед и рукава которых полностью вышивались приемом протернутой вышивки — *керем ханчъ* (X) [Рындина, 1995, с. 337].

В конце XIX — начале XX в. площади вышивки на рубахах и халатах сокращаются и локализуются в виде бордюрных полос вдоль основных швов и по краям. Как правило, бордюрной вышивкой украшали ворот, нагрудный разрез, края рукавов и подола, она проходила вдоль боковых швов рубах и халатов из домотканой материи. На спинке женских рубах вышивка располагалась в виде прямо-

угольных бордюров вдоль ворота, проймы, а также боковых швов. Иногда основные швы, края рукавов и подола рубахи обшивали красной или темно-коричневой ниткой.

В среде сибирских народов вышивка обских угров по своей технологии не имеет аналогов. Поиск способов вышивки, сходных с обскоугорскими, уводит по другому направлению — в Поволжье и Приуралье. Здесь фиксируются наиболее близкие приемы вышивки по технике и способу расположения ее на одежде [Иванов, 1963, с. 78–80; Крюкова, 1970, с. 267; Патканов, 1999, с. 72; и др.]. Этот ареал позволяет говорить о единых истоках вышивки обских угров и народов Поволжья и Приуралья. Кроме того, выявляются параллели более широкого плана, включающие вышивку карел, русских, украинцев и болгар [Иванов, 1963, с. 80].

В конце XIX — начале XX в. вышивка у обских угров постепенно начинает исчезать, что связано с переходом на одежду, сшитую из фабричных тканей, которую украшали аппликацией [Шульц, 1924, с. 178; Дунин-Горкавич, 1996, с. 129]. Наглядно иллюстрируют процесс замены вышивки аппликацией экземпляры мужских рубах и женских туникообразных халатов из домотканины, на которых вышивка сочетается с аппликацией (ТГИАМЗ, № 7260, 7845). По-видимому, изначально аппликацией украшались те зоны на плечевой одежде, которые раньше полностью были покрыты вышивкой, например рукава и нагрудная часть (ТГИАМЗ, № 7818). С полной заменой домотканых материй на фабричные происходит не только изменение покроя нижней плечевой одежды, но и вытеснение вышивки аппликацией с сохранением традиционно орнаментируемых зон. Процесс замены вышивки аппликацией в это же время наблюдался и у народов Поволжья, и у русского населения, что также было связано с широким распространением покупных тканей [Гаген-Торн, 1960, с. 220; Никитин, Крюкова, 1960, с. 47; Шмелева, Тазихина, 1970, с. 119]. По-видимому, в данном случае можно говорить об общих тенденциях развития украшений одежды в этот период.

Аппликация. В традиционном костюме аппликативными орнаментами декорировали элементы, сшитые из тканей, в том числе сукна. Предполагается, что ранее обские угры украшали аппликацией и одежду, сшитую из ровдуги и рыбьей кожи [Иванов, 1963, с. 75]. Однако в этнографической действительности таких предметов не зафиксировано.

Аппликация нашивалась на одежду мелкими стежками потайным швом (см. цв. вкл., рис. 3). При этом наиболее красивым орнаментом считался мелкий (4–5 мм шириной). В начале XX в. так же,

как и при изготовлении орнаментированных мозаичных полос, ханты использовали для вырезания аппликативных орнаментов берестяные трафареты, контур которых обводился на ткани [Дунин-Горкавич, 1996, с. 123, 130]. Наиболее распространенным видом аппликации были нашитые полосы и полосы с зубчиками, однако известны и более сложные, которые, как предполагается, были перенесены в конце XIX — начале XX в. с меховой мозаики [Прыткова, 1953, с. 201; Федорова, 1988а, с. 88].

В расположении аппликативного декора на плечевой одежде прослеживаются единые для обских угров традиции. Так, на женских туникообразных халатах с боковыми вставками аппликацией декорировались края полочек, подола, рукавов, клинья переда и спинки, плечевые швы. На рубашках и платьях из покупных тканей аппликацией украшались манжеты, воротник, нагрудная планка, кокетка, край подола, шов, соединяющий волан и стан [Соколова, 1972, с. 40; Лукина, 1985, с. 163; Федорова, 1994, с. 119]. На туникообразных халатах из фабричных тканей аппликативные орнаменты нашивались по краям полочек и вдоль боковых швов. Повсеместно аппликативные орнаменты применялись для украшения ритуальной одежды (суконные шапки-колпаки для медвежьего праздника, рукавицы из сукна, пояса). У манси аппликация встречалась также и на промысловой одежде (охотничьи халаты, суконные гуси) [Паллас, 1786, с. 51; Федорова, 1994, с. 134–135].

Аппликация на мансийских мужских и женских рубашках, как предполагается, явление позднее, появившееся в начале XX в. [Федорова, 1994, с. 119], о чем свидетельствует и простота используемой при этом орнаментации — как правило, это нашитые полосы [Там же, 1992б, с. 105].

Приемами аппликации владели и другие сибирские народы. Однако только для обских угров были характерны сложные аппликативные орнаменты, выполненные из хлопчатобумажной ткани и сукна. По-видимому, разработка технологических приемов, при помощи которых получали аппликативные орнаменты, происходила в обскоугорской среде на основе меховой мозаики и вышивки шерстяными нитками. Сама же традиция декорирования одежды аппликацией, вероятно, развивалась конвергентным путем на основе таких способов украшения, как раскрашивание, вышивка, нашивание на одежду различного рода украшений и т. п.

Часто вышивка нитками и аппликация на одежде обских угров дополнялись бисером. У северных хантов, по мнению Н.Ф. Прыткова,

вой, аппликация постепенно заменила бисерную вышивку на женской кожаной обуви — *нир* [1953, с. 197].

Бисер и бисерные украшения. В культуре обских угров — это явление, в традиционности которого вряд ли приходится сомневаться. Однако несовпадение названий бисера в хантыйском и мансийском языках может свидетельствовать в пользу разных путей формирования традиции использования бисера и бус у этих народов. У манси название бисера и бус — *сак* (МС), *сăх* (МВ), *сак*, *сахсал*, *саккваг*, *сакыт*, *мăнь сак*, *сакквалыг* (М) — имеет, видимо, иранские корни [Чернецов, 1947, с. 115; Федорова, 1994, с. 109]. Для северной группы хантов было характерно обозначение, сходное с мансийским, — *сук* или *сак* (ХКз) [Лукина, 1985, с. 155; Молданова, 1999, с. 26]. У восточных хантов отмечено существование двух слов — *ай-кех* ‘маленький камень’ и *сук* [Лукина, 1985, с. 155]. При этом первое близко к южнохантыйскому слову, обозначающему также и камень, — *кец*, *кев*. Проявляющаяся таким образом связь камня и бисера позволила О.М. Рындиной сделать вывод о перенесении на бисер сакральных функций камня [1998, с. 220–224]. Производное обозначение бисера от *сак* (МС), *сăх* (МВ), *сак* (М) у манси может свидетельствовать в пользу первичного использования бус, а также — об изначальной предпочтительности бус по сравнению с бисером [Федорова, 1994, с. 197].

Вопрос о происхождении традиции использования и появлении бисера у обских угров в настоящее время остается нерешенным. Он тесным образом связан с исследованием торгово-обменных отношений на территории Западной Сибири; с видами и типами используемого бисера и бус; с технологией производства и топографией бисерных украшений; распространенностью их у разных групп обских угров в различное время.

Как правило, бисер и бусы приобретались обскими уграми в ходе торговых или обменных операций. Традиция импортирования бисера и бус на территорию Западной Сибири имеет глубокие корни, и ее происхождение соотносится с культурно-генетическими связями обских угров и древнего населения Западной Сибири. Так, археологические находки раннего железного века и эпохи средневековья на территории Западной Сибири включают бисер, а также бусы (из стекла, полудрагоценных камней и бронзы), что свидетельствует о существовании импорта с территории Средиземноморья, Средней Азии и из стран Востока [Матвеева, 1993, с. 159; Матюшенко, 1995а, с. 76–77]. Начало ввоза на территорию Западной Сибири посредством славянской торговли бус из полупрозрачного или непрозрачного стекла, янтаря, сердолика, горного хрусталя, бронзы и

от друга и вплотную. У хантов, по свидетельству Г. Старцева, вышивкой по одной бисеринке украшались подарки или свадебные вещи [1928, с. 30]. Украшение женского платья и суконной одежды по краям рукавов и подола вышивкой этого вида у северных манси считается заимствованным у хантов [Федорова, 1992а, с. 105].

По-видимому, наиболее распространенным способом у обских угров следует считать вышивку со стежком в три бисеринки в разных комбинациях (см. цв. вкл., рис. 5, б). Т.А. Молданова выделила в вышивке казымских хантов четыре варианта комбинирования рядов со стежком в три бисеринки: 1) сетка с ромбической ячейкой со стороны в четыре бисеринки; 2) зигзаг, образующий в сочетании ромбическую сетку со стороной в три бисеринки; 3) столбики из двух рядов по три (четыре) бисеринки; 4) вариант под названием *васы куш* 'утиный коготок' или *васы кур* 'утиная лапка', представляющий собой три столбика из трех (четырех) бисеринок, расположенных в ряд, из них два боковых — под углом к среднему [1999, с. 26–28].

Кроме того, известны и другие способы вышивки (рис. 2). Г. Старцев описывает также способ, при котором бисер нанизывают на одну нитку, а пришивают другой [1928, с. 30].

По характеру расположения бисеринок с сеточным способом вышивки на основе ромбической ячейки совпадают наиболее распространенные способы бисерного плетения, основу которых составляют ромбические ячейки из четырех или восьми бисеринок (см. цв. вкл., рис. 5, г). Плетение могло осуществляться с использованием одной или нескольких ниток [Федорова, 1994, с. 197; Молданова, 1999, с. 28]. При этом чем больше было ниток, на которые нанизывался бисер, тем шире получалась плетеная лента. Как правило, при плетении применяли четное количество иголок с нитками от двух и более (рис. 3). У обских и казымских хантов самым ранним способом считается плетение, основу которого составляют ячейки со стороной в три бисеринки [Молданова, 1999, с. 28]. Розеточная основа бисерного плетения позволяет вести плетение в разных направлениях и создавать прямолинейные ленточные и медальонные орнаменты из бисера разных цветов.

В конце XIX–XX в. в технике бисерного плетения делали съемные украшения: шейно-нагрудные и накосные. В качестве съемных шейных украшений использовались и простые бисерные низки, к которым крепились крестики. В конце XX в. из бисера стали плести перстни, браслеты, медальоны.

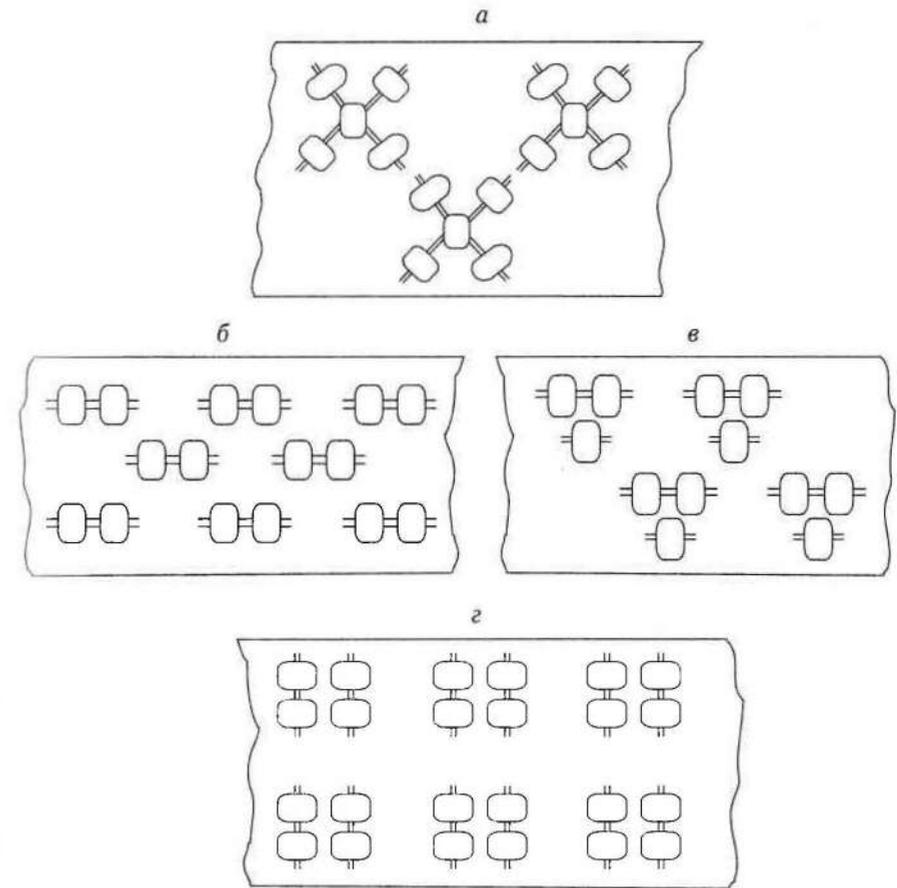

Рис. 2. Приемы вышивки бисером.

а — крест из пяти бисеринок; б — вертикальный стежок в две бисеринки; в — горизонтальный стежок в две бисеринки с добавленной третьей под стежком; г — двойной стежок в две бисеринки.

Также у обских угров встречались съемные украшения, на которых бисерная вышивка сочеталась с плетением. Например, у ляпинских манси зафиксировано шейное украшение *сиплопс*, представляющее собой вышитый бисером в виде сетки трапециевидный кусок хлопчатобумажной ткани с бисерным плетением по нижнему краю (ПМА, 1991 г.). Шейное украшение подобной формы — *турлапс* (МС), *тур лопс* (ХС) — в виде неширокой вышитой бисером полосы ткани с пришитой к ней полукруглой бисерной сеткой быто-

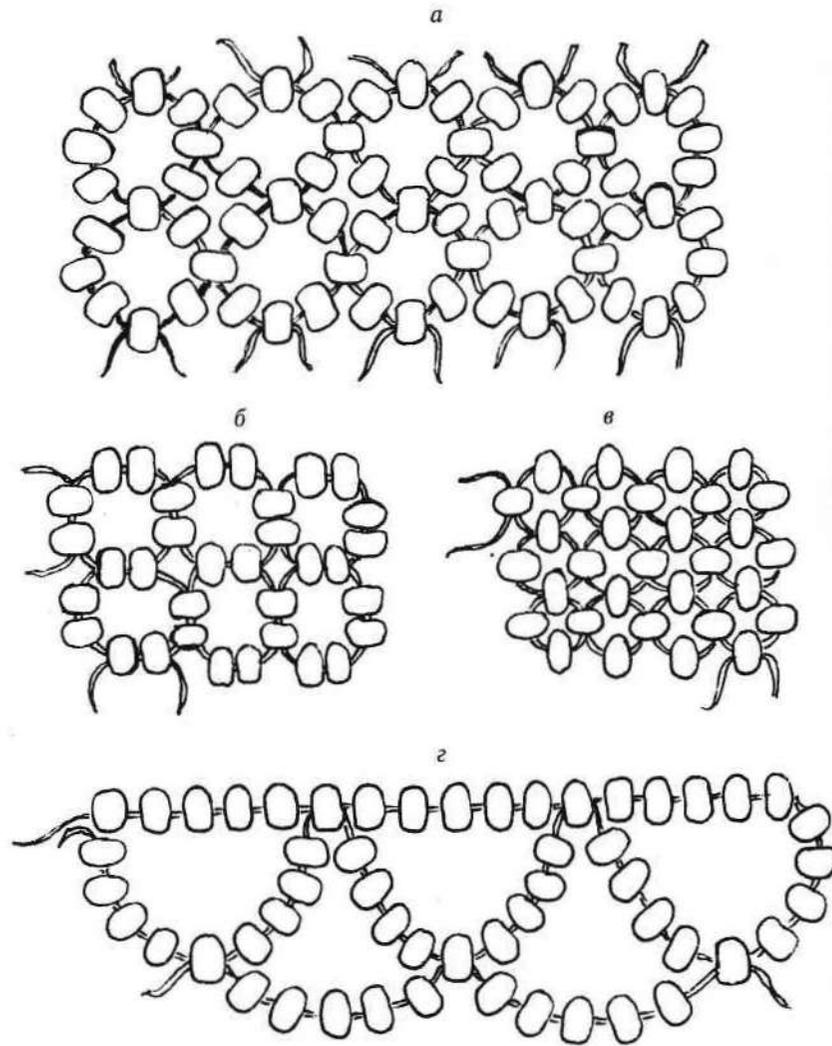

Рис. 3. Приемы бисерного плетения.

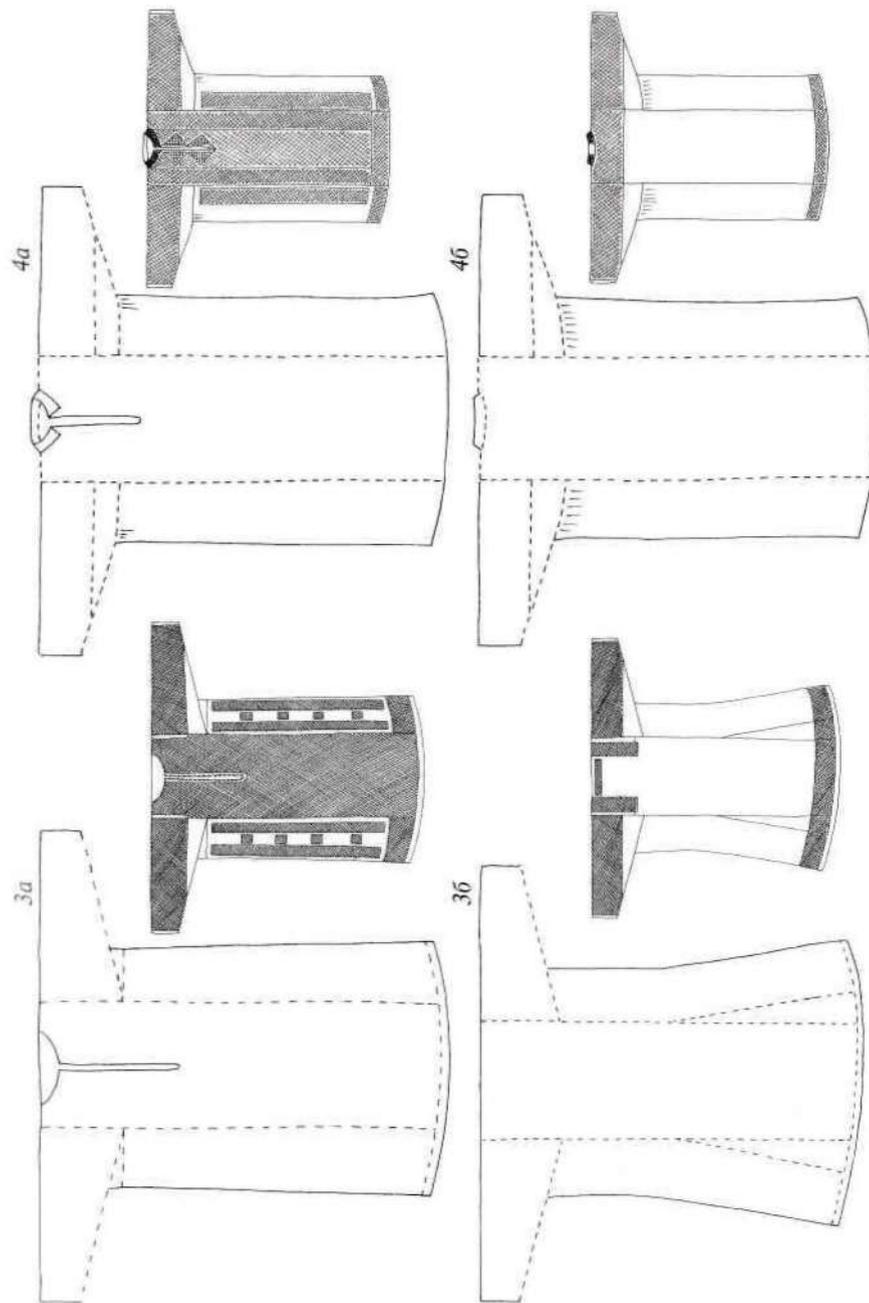
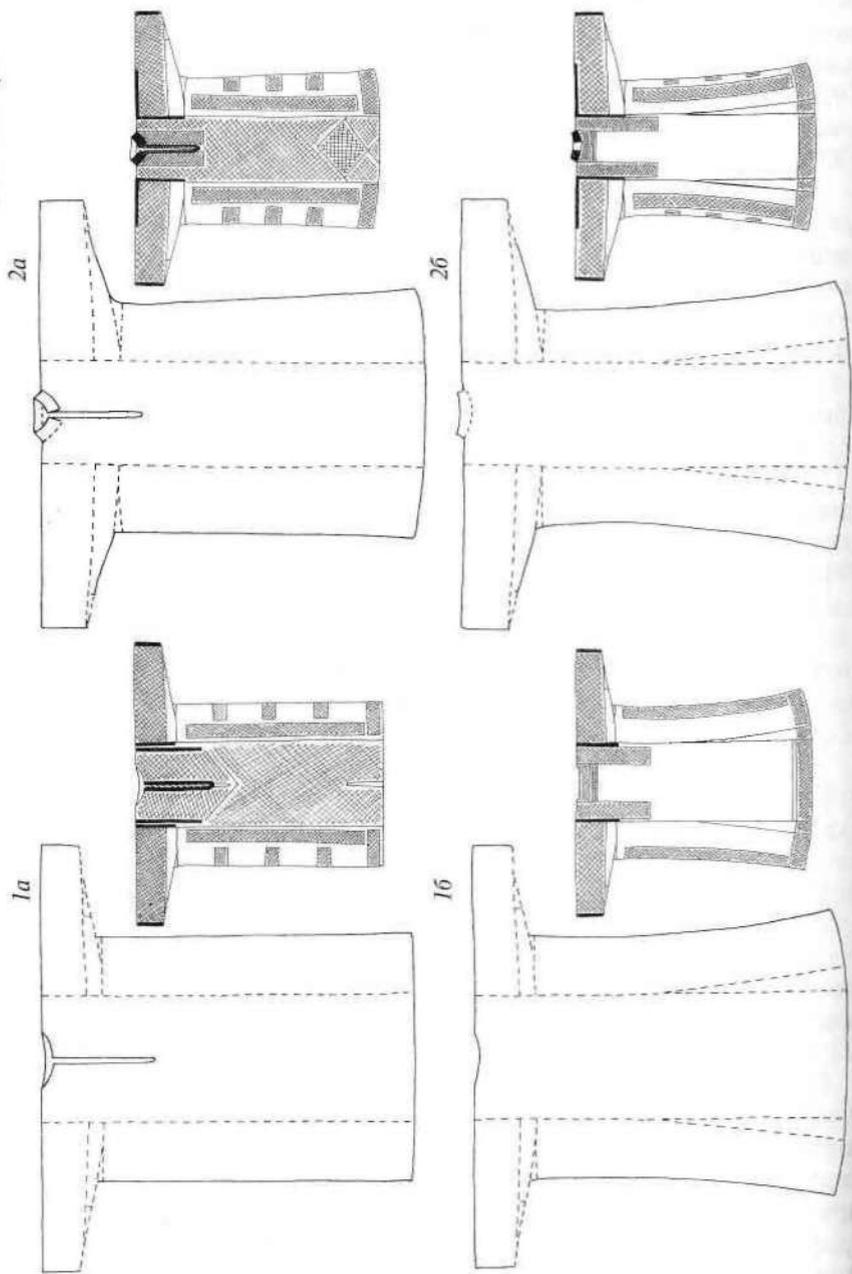
a — в несколько нитей с ячейкой из восьми бисеринок; *b* — в одну нить с ячейкой из восьми бисеринок; *c* — в одну нить с ячейкой из четырех бисеринок; *г* — в одну или несколько нитей путем произвольного соединения нитей и образования ячеек из нескольких бисеринок.

вало у северных групп обских угров [Федорова, 1994, с. 195; Молданова, 1999, с. 26]. У северных и восточных хантов такое ожерелье не имело тканой основы и целиком сплеталось из бисера [Тахтуева, 1993, с. 14; Молданова, 1999, с. 30]. Данная особенность бисерного ожерелья отражена в его названии у восточных хантов — *tur kow* (ХВх), *tur kaw* (ХСл), т. е. бисерное ожерелье.

Плетеные бисерные полосы нашивались на плечевую одежду, меховую обувь с союзками, на пояса, прикреплялись к нижнему краю мехового женского капора, к углам косынки, к концам пояса из ткани. Женская плечевая одежда демонстрирует следующее расположение нашивных бисерных украшений: на рубашах из домотканины — по краям рукавов, нагрудного разреза, на воротнике и плечах (южные ханты, восточные манси) (ТГИАМЗ, № 7110, 7805, 7807) (рис. 4); на халатах из холста и хлопчатобумажных тканей — по краям пол и рукавов (восточные манси, южные и северные ханты) (ТГИАМЗ, № 7845) (рис. 5); на кафтанах — по краям полочек и подола, на обшлагах и плечах, на спинке до талии, вдоль швов наспинных вставок (южные ханты, восточные манси) (ТГИАМЗ, № 7102, 7810) (рис. 6); на суконных халатах и шубах с тканевым покрытием — вдоль края правой полы, на подоле, на обшлагах (восточные ханты) (КГКМ, № 011/3, 042/1, 056) (рис. 7); на рубашах-платьях из фабричных тканей — по краю подола, вдоль нагрудного разреза и шва оборки, на манжетах и воротнике, по линии кокетки (северные и восточные ханты) (КГКМ, № 004/1, 014/7, 551; ТОКМ, № 9140) (рис. 8, 5).

В целом география распространения бисера и сопутствующих ему признаков традиционной одежды — покроя, типов и способов украшений — достаточно широк. Он включает территорию проживания обских угров, тюркоязычных народов Сибири, народов Средней Азии и Поволжья [Лукина, 1985, с. 155; Федорова, 1994, с. 109]. Эта территория расширяется, если учитывать народы Сибири, которые тоже использовали бисер для украшения традиционных костюмов. В частности, вышитые бисером полосы из ровдуги или сукна нашивали на одежду кеты, эвенки, эвены, долганы, якуты, коряки [Прыткова, 1961а, с. 230; Василевич, 1969, с. 131; Антропова, 1971, с. 77; Федорова, 1988б, с. 93, 94, 96, 98; Гаврильева, 1998, с. 80–81]. Аналогии накосным бисерным украшениям обских угров обнаруживаются у кетов [Клюева, Михайлова, 1988, с. 110]. Не раз отмечалось сходство украшений из бисера обских угров и народов Поволжья, проявляющееся не только в технологии изготовления, но и в топографии [Иванов, 1963, с. 83; Крюкова, 1970, с. 267]. Так, например, у мордвы бисером (вышивкой и нанизыванием) декорировались го-

Начало рис. 4.

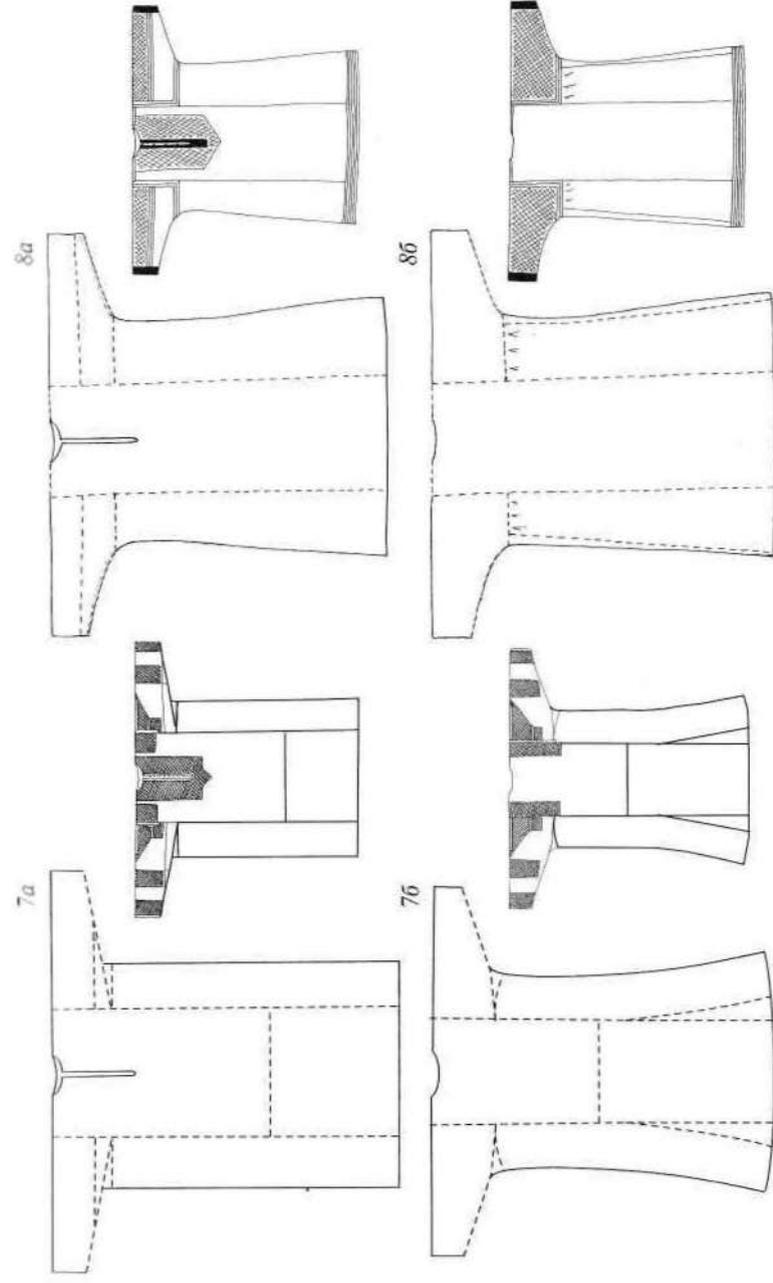
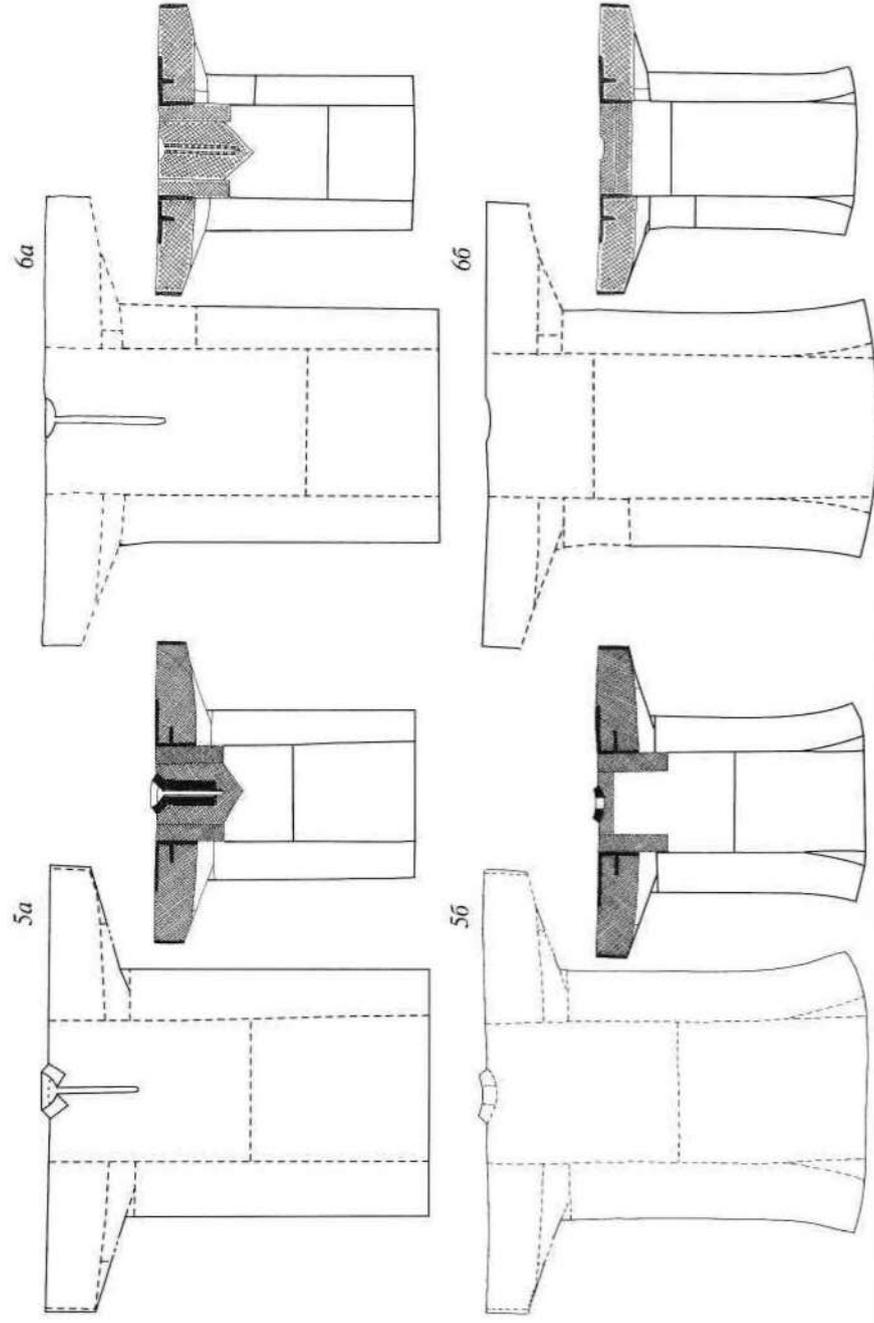
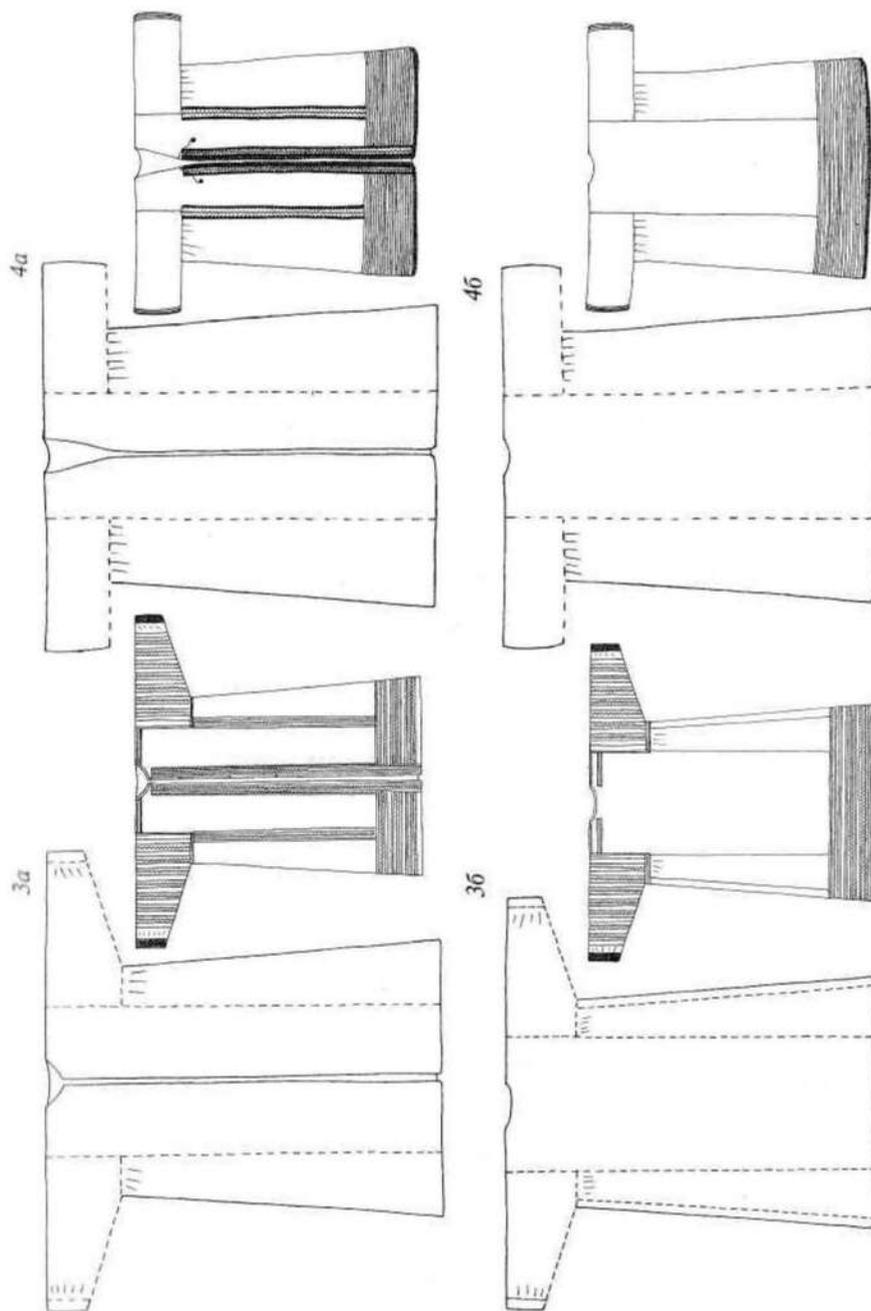
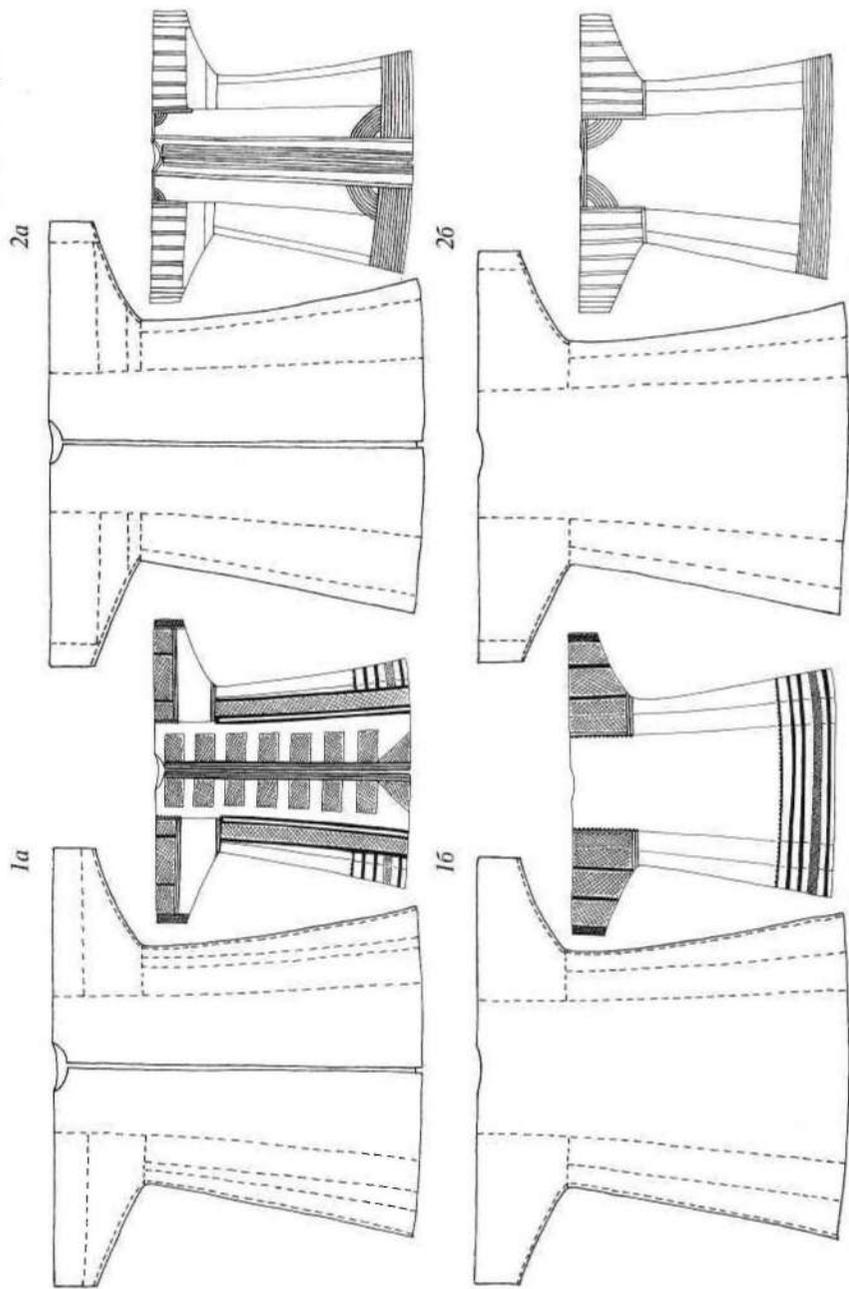

Рис. 4. Покрой и архитектура украшений женских рубашек из домотканого полотна конца XIX — начала XX в. (а — перед, б — спинка).

1, 3, 5, 7, 8 — кондинские ханты (ТГИАМЗ: 1 — № 7110, 3 — № 7805, 5 — № 7823, 7 — № 7849, 8 — № 7818); 2 — южные ханты (ТГИАМЗ, № 7807); 4 — ханты (ТГИАМЗ, № 7881); 6 — ваховские ханты (ТГИАМЗ, № 7853).

Начало рис. 5.

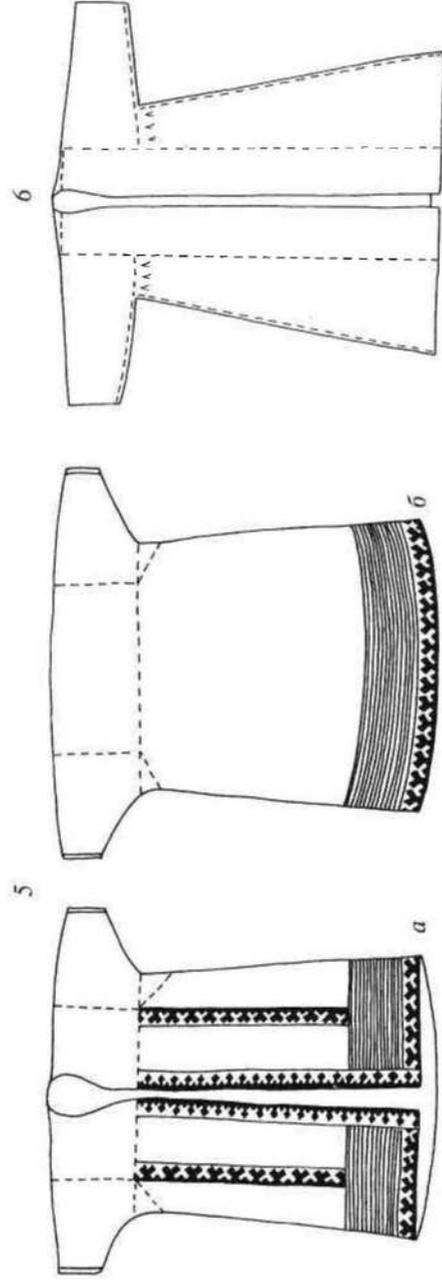

Рис. 5. Покрой и архитектоника украшений женских халдатов из холста и хлопчатобумажных тканей (а — перед, б — спинка).

- 1, 2 — манси (восточные²), холст, конец XIX в. (ТТИАМЗ: 1 — № 7845, 2 — № 7107);
- 3 — ханты (среднеобские²), хлопчатобумажная ткань, конец XIX — начало XX в. (ТТИАМЗ, № 7883);
- 4 — северные (шурьшкарские) ханты, хлопчатобумажная ткань, вторая половина XX в. (ТОКМ, № 4229);
- 5 — северные (куноватские и пословские) ханты, хлопчатобумажная ткань, вторая половина XX в. (по Сязи [2000, с. 192, рис. 26, 1]);
- 6 — северные манси, хлопчатобумажная ткань, вторая половина XX в. (по Федоровой [1994, с. 181, рис. 21]);
- 7 — восточные (пимские) ханты, хлопчатобумажная ткань, вторая половина XX в. (по Лукиной [1985, с. 341, рис. 14, 6а]).

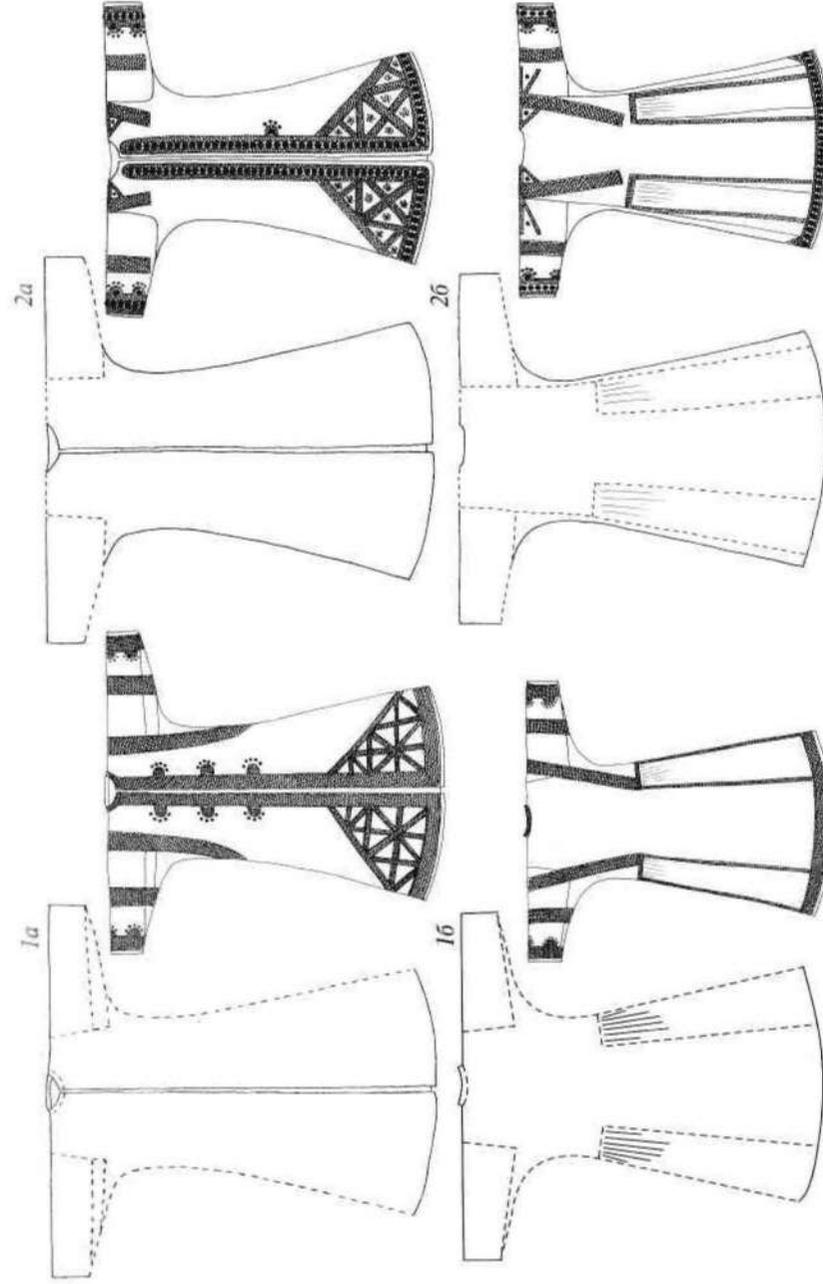
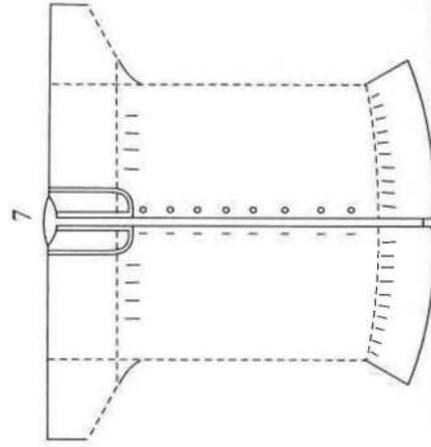

Рис. 6. Покрой и архитектоника украшений женских кафтанов, южные ханты (?), начало XX в. (а — перед, б — спинка).
1 — ТТИАМЗ, № 7102; 2 — ТТИАМЗ, № 7810.

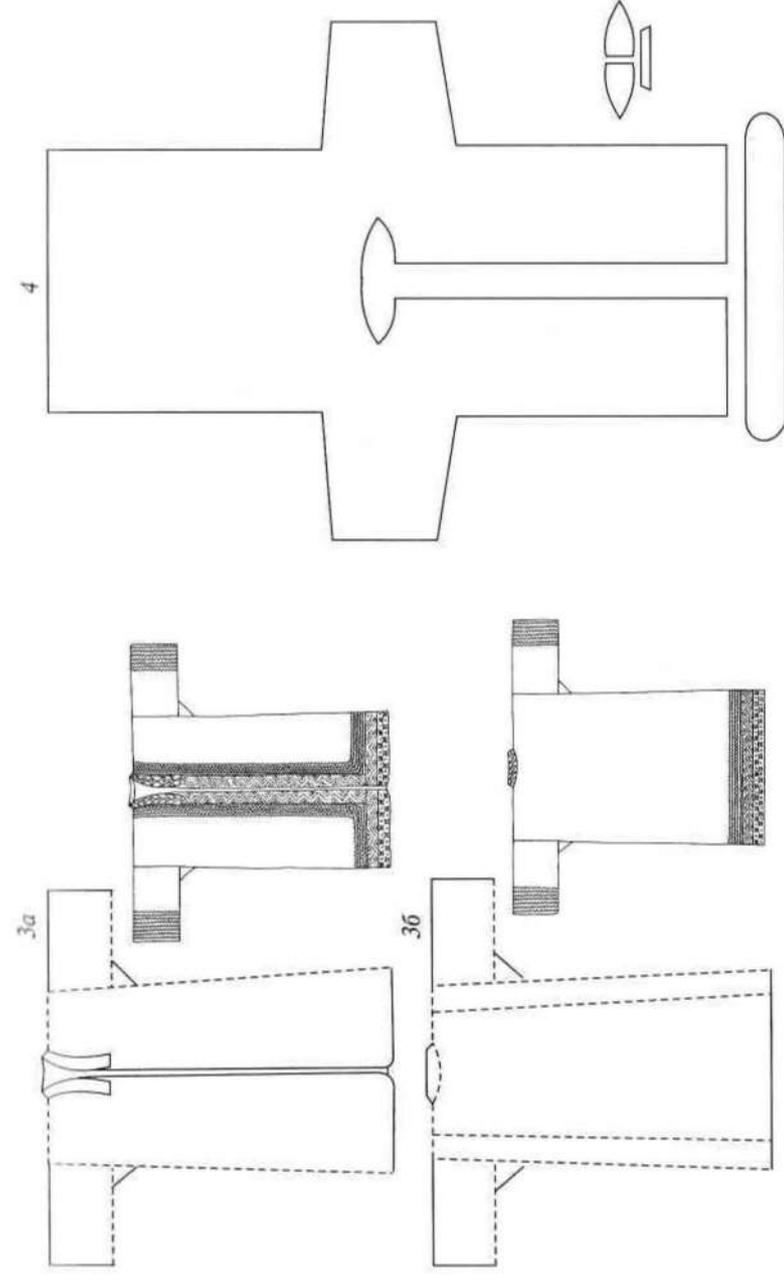
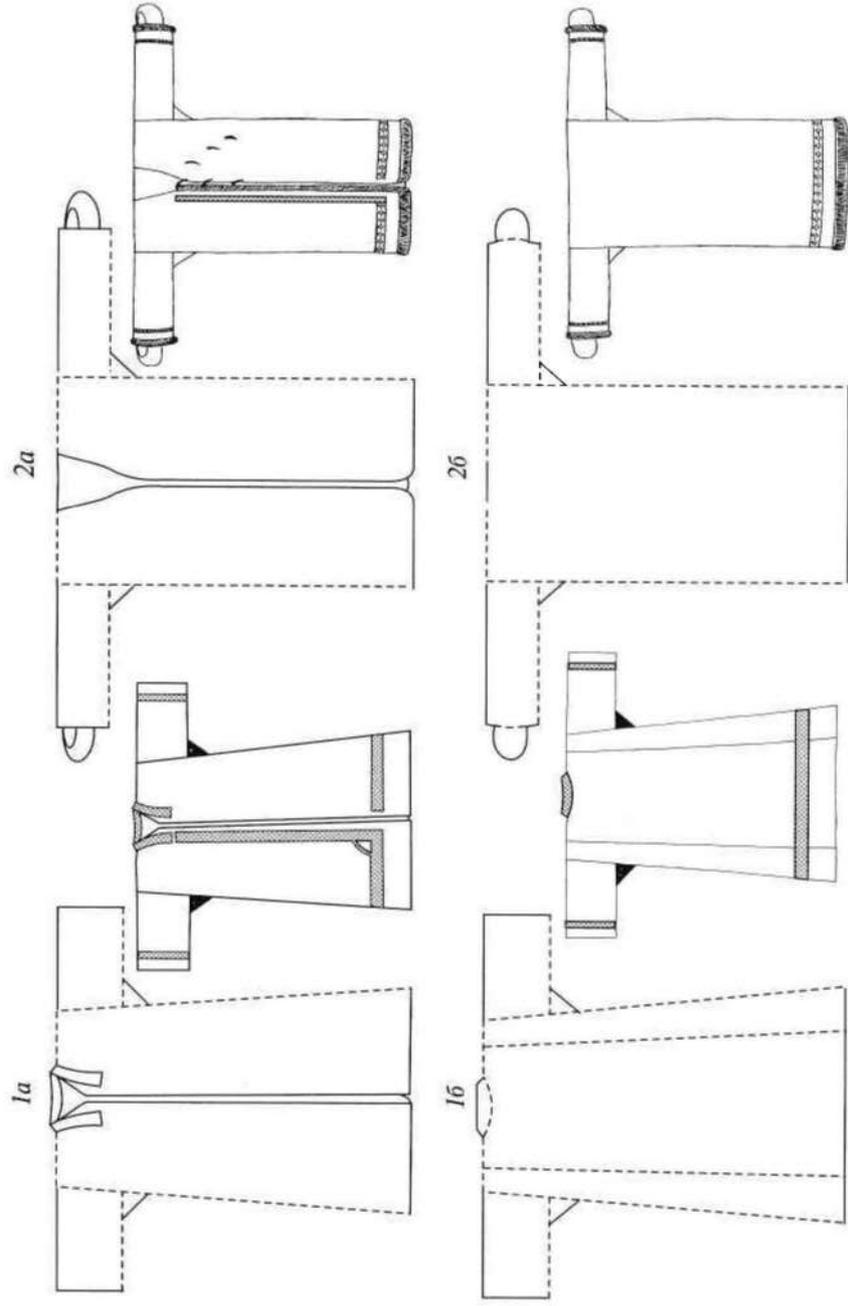
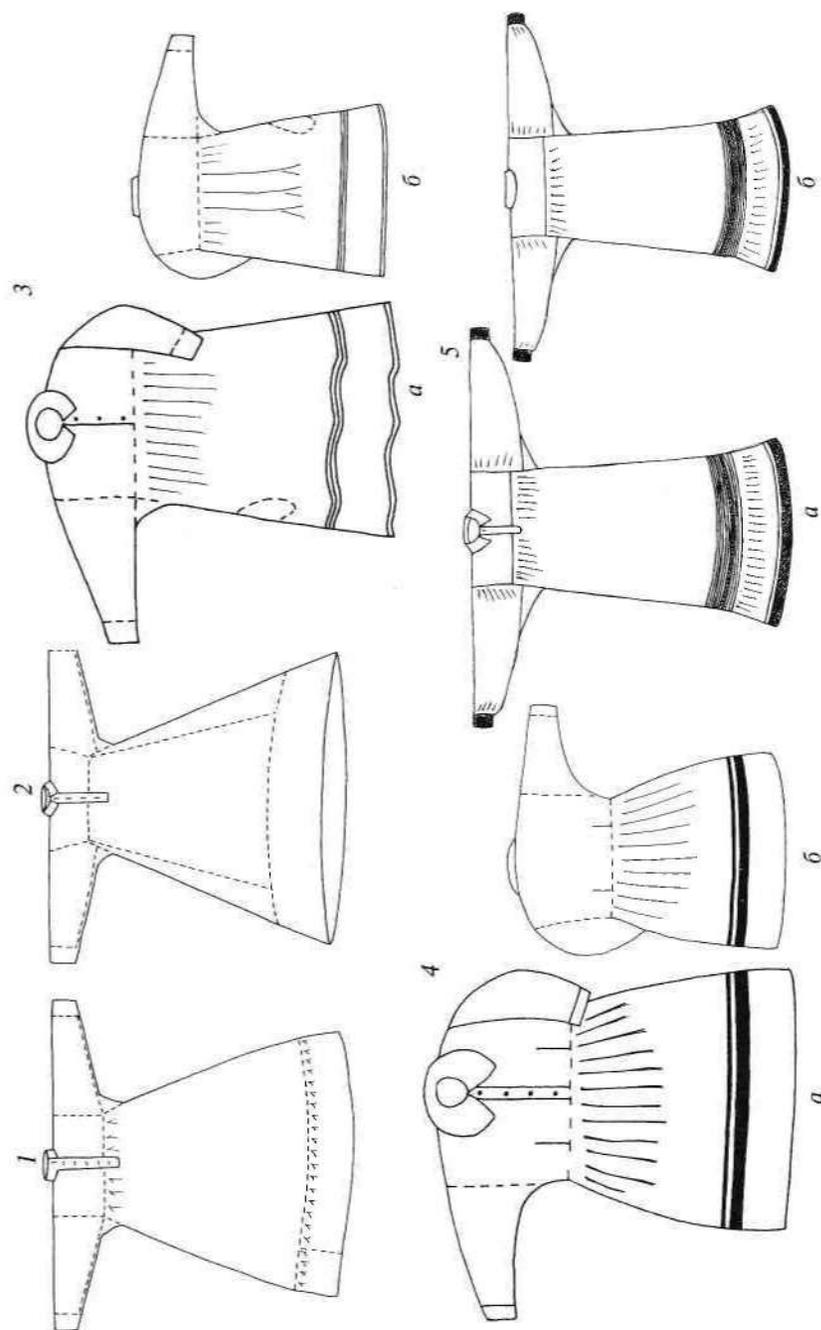

Рис. 7. Покрой и архитектура украшений женских халатов из сукуна (а — перед, б — спинка).
 1 — восточные (сургутские) ханты, начало XX в. (ТГИАМЗ, № 7811); 2 — восточные (юганские) ханты, вторая половина XX в. (ТОКМ, № 6135/7); 3 — восточные (трюмьганские) ханты, конец XX в. (КГКМ, № 011/3); 4 — раскрой женского халата лыпинских манси (по Федоровой [1994, с. 179, рис. 20]).

ловные уборы, плечевая и поясная одежда. Из бисера делали шейно-нагрудные, головные, поясные украшения [Прокина, 1994, с. 65]. Марийцы расшивали бисером еще и головки свадебных лаптей [Крюкова, 1968, с. 63].

Сфера применения бус в качестве украшения костюма по сравнению с бисером в XIX–XX вв. была неширокой. Так, известно, что бусинами обшивали края одежды, низки бус прикрепляли к краям накосных и нагрудных украшений, ими соединяли концы ложных кос [Прыткова, 1953, с. 208; Лукина, 1985, с. 229–231; Федорова, 1994, с. 197]. В мансийских сказках фигурируют «расшитый бусами нагрудник», «нагрудник яркий из бус», халаты и платья, подола которых «для утяжеления» вышиты «широким узором из разноцветных бус» [Конькова, 1993, с. 63, 96, 104]. Обшивание подола бусами практиковалось и южными хантами: бусы нашивались на край подола туникообразных халатов из домотканого полотна [Народы Севера..., 1986, с. 95]. У ваховских и салымских хантов отмечено бытование косников, сделанных полностью из крупных бус и медных колец [Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 207].

Бисер и бусы в одежде обских угров часто сочетались с металлическими украшениями, которые нашивались на нее или использовались в качестве подвесок. В XVIII–XIX вв. бляшками и пуговицами наряду с бисером расшивалась женская плечевая одежда из сукна и домотканины [Кастрен, 1860, с. 231; Прыткова, 1953, с. 184; Народы Севера..., 1986, с. 95; Новицкий, 1999, с. 39]. В XIX в. северные манси украшали мужские обрядовые халаты для медвежьего праздника свинцовыми и оловянными пластинками, а также бусами, бисером, позументом, пуговицами и бубенцами [Гондатти, 1888, с. 18]. Металлические подвески крепились к нижнему краю нашейных, нагрудных, накосных бисерных украшений [Клюева, Михайлова, 1988, с. 110]. Северные манси в XIX в., нанизывая бисер, бусы и металлические бляшки на узкие кожаные ремешки, делали серьги [Гондатти, 1888, с. 7–8]. У салымских и аганских хантов бытовали мужские (а на Агане — и женские) плетеные пояса, к концам которых пришива-

Рис. 8. Покрой и архитектура украшений женских рубах-платьев, XX в. (а — перед, б — спинка).

1, 2 — северные манси (1 — нижнесосьвинские и обские, 2 — верхне- и среднесосьвинские, ляпинские, верхнедозвинские, верхнепелымские (по Федоровой [1994, с. 162, рис. 17])); 3, 4 — северные ханты (3 — шурьшкарские (по Сязи [2000, с. 192, рис. 26, 3]), 4 — полуйские (по Сязи [2000, с. 193, рис. 27, 2])); 5 — восточные (аганские) ханты (ПМА, Нижневартовский р-н, 1997 г.).

лись бисерные ленты с низками бус и металлическими украшениями на концах [Лукина, 1985, с. 50].

Топография нашивных бисерных и металлических украшений на плечевой одежде позволяет проследить взаимосвязь между ними. Идентичное бисерным расположение металлических нашивок на женской плечевой одежде демонстрируют женские кафтаны хантов (ТГИАМЗ, № 7810), а также шубы с суконным верхом восточных хантов [Прыткова, 1953, с. 194, рис. 75]. В начале XX в. салымские ханты носили по праздникам ситцевые кофты с воротником, расшитым оловянными бляшками, который, как предполагается, впоследствии сменился бисерным [Шульц, 1924, с. 180]. По информации ляпинских манси, бисер на одежду сталишивать вместо металлических блях (ПМА, 1991 г.). О первичном характере металлических украшений по отношению к бисеру в культуре северных хантов свидетельствует обозначение крестообразного элемента бисерной вышивки — *ju* 'отливка (оловянная)' [Молданова, 1999, с. 26].

Определенная связь прослеживается в расположении металлических украшений и полос меховой мозаики на плечевой одежде. Например, расположение металлических нашивок вдоль края полочек и на подоле хантыйских кафтанов XVIII в. из Ханты-Мансийского окружного музея (сейчас Государственный музей природы и человека, г. Ханты-Мансийск), описание которых приводит Н.Ф. Прыткова, аналогично расположению орнаментированных мозаичных полос на шубах из оленьего меха у северных групп обских угров [1953, с. 184, рис. 65, с. 216, рис. 105].

Металлические украшения. Этот вид украшений обских угров представлял собой набор мелких предметов, включающий бляхи, пуговицы, колокольчики, бубенчики, цепочки и т. п. Нередко в качестве украшений использовались предметы средневекового бронзолитейного производства [Шульц, 1924, с. 181]. В фольклоре описывается «дорогая одежда, украшенная металлическими поделками», «жертвенные нагрудники, украшенные бисером, золотыми и серебряными пряжками», цветные шали с «шеркунцами-колокольчиками на концах кистей» [Мифы..., 1990, с. 156; Конькова, 1993, с. 63]. Украшения из металла можно условно разделить на три группы: нашивные (накладные), подвески и съемные.

В этнографической литературе металлические украшения фиксируются у хантов с XVIII в. Г. Новицкий так описывал одеяние остячек: «...утворяют одежды своя иногда из сукон, обычаем тем же, что и мужи, токмо должайшия, даже до самой земли; украшают же цаты от олова в низу и наколо цату близ цаты покладая; оныя же

суть излиянны в подобие взоров...» [1999, с. 39]. Сведения о металлических украшениях женской одежды остяков Сургутского округа приводятся в «Топографическом описании Тобольского наместничества», составленном в конце XVIII в.: «Женщины же кругом воротника по борту у куртки окладывают вылитыми из олова прорезными бляшками, наподобие позумента...» [Описание..., 1982, с. 29]. В Березовском округе «женский пол нашивает по полам и по подолу оловянные по их названию кебы» [Там же, с. 33]. Из этих отрывков ясно, что металлические нашивки были сделаны из олова в виде бляшек с узорами. Археологические находки на территории Западной Сибири и этнографические коллекции подтверждают эти данные. Происхождение этих бляшек связывается с местным производством, которое в упрощенной форме продолжало существовать у хантов в конце XIX в.

Кроме оловянных бляшек для нашивания применяли и другие мелкие металлические изделия. В целом можно выделить два основных вида металлических нашивных украшений хантов и манси. Это бляхи и пуговицы. Бляхи, по-видимому, представляют более ранний вид металлических украшений. Среди них различаются четырехугольные решетчатые и крестовидные (шириной 2–4 см), а также круглые плоские с зубчиками по краю (диаметром 1,5–2 см) и с двумя или четырьмя прорезями в центре [Изделия..., 1911, с. 108; Прыткова, 1953, с. 185, 202] (ТГИАМЗ, № 7810). Нашиваемые на одежду пуговицы были полусферической (диаметром от 1,5 до 0,5 см) или плоской формы. Они имели ножку, при помощи которой крепились к одежде.

У хантов наиболее распространенное название металлических блях — *кебы*, по-видимому, в родстве с ним находится мансийское обозначение оловянных пластинок — *капи* [Прыткова, 1953, с. 177]. Видовое разнообразие металлических украшений отражено в языке восточных хантов. Так, металлические пластинки, используемые в качестве украшений, назывались *wāy lawəs*, *wāy lāpəs*, где *wāy* — 'деньги, металл', а *lawəs*, *lāpəs* — 'пластинка'; *kaṣəl* 'металлическая бляха (как украшение на поясе или ремне)'; *kaṣən*, *kaṣən* 'пуговица'. В то же время для обозначения металла, железа у манси использовалось слово *кер*, у хантов близкое к нему — *карты*.

Во второй половине XX в. на смену металлическим нашивкам пришли пластмассовые пуговицы, которые нашивались в зонах традиционного расположения металлических украшений. Так, в 90-е гг. XX в. варьганские ханты украшали пластмассовыми пуговицами воротник и нижний край суконного халата (ПМА, 1997 г.). Более

разнообразным стал ассортимент подвесок, в качестве таковых наряду с пуговицами, старинными бляхами стали использовать монеты, гильзы от пуль, детали различных механизмов, современные украшения.

Традиция приоритетного использования металлических нашивок для декорирования женской одежды сохранялась и в XIX — начале XX в. Так, северные и восточные ханты украшали ими воротники, в том числе съёмные, суконных женских халатов [Прыткова, 1953, с. 208; Лукина, 1985, с. 42]. Северные манси обшивали оловянными отливками воротники хлопчатобумажных рубаш [Федорова, 1992а, с. 105]. У северных манси и восточных хантов было известно нагрудное украшение в виде одной или двух суконных полос, соединённых на шее, которые были расшиты бляшками или металлическими пуговицами и украшены по краям подвесками из бус, бисера, монет и т. д. [Прыткова, 1953, с. 208; Федорова, 1994, с. 197]. Рассматривая этот вид нагрудного украшения в связи с бисерным подобной же формы, Е.Г. Федорова допускает, что оно является съёмным вариантом воротника суконной женской одежды [1994, с. 198]. Женские суконные воротники *рок*, сплошь расшитые пластмассовыми и металлическими пуговицами и надеваемые по праздникам поверх халатов, зафиксированы в конце XX в. у переселившихся на Демьянку юганских хантов (ПМА, 1999 г.).

Предполагается, что со съёмными воротниками связано происхождение и другого вида нагрудного украшения, бытовавшего у обских и нижнесосьвинских манси — *мальсоупс*, *магисунт*, основу которого составляли узкая суконная петля и прикрепленный к ней прямоугольник из сукна с нагрудным разрезом, застегивающимся на пуговицу [Федорова, 1994, с. 195–196]. Нагрудник и петля украшались бисером. У тромъеганских хантов нагрудник подобной формы в конце XX в. расшивался пластмассовыми пуговицами, бисером, бусами, а к верхнему краю его иногда прикреплялись подвески из низок бус (КГКМ, № 550, 565). У васюганских хантов отмечено бытование женского украшения в виде «полосы с нашитыми пуговицами и бляшками, проходящей по верхней части груди наискось от левого плеча под правую руку», аналогичного женской перевязи народов Поволжья [Лукина, 1985, с. 232]. В мужском костюме обских угров металлическими бляшками и пуговицами декорировались кожаные пояса [Прыткова, 1953, с. 157–159; Федорова, 1994, с. 142].

В качестве подвесок использовался целый комплекс металлических изделий: бубенчики, колокольчики, пронизки, цепочки, кольца, бляхи и т. п., а также бляхи с антропоморфным или зооморфным

изображением. У ляпинских манси такие бляхи назывались *самлупта*, в то время как бляшки, нашиваемые на одежду, именовались *кэти* и *капы* (ПМА, 1991 г.).

Металлические подвески прикреплялись к головным уборам, накосным и нагрудным украшениям, к плечевой одежде. В частности, южные ханты пришивали их к центральному углу платка или косынки, а северные ханты — к нижнему краю женского мехового капора со стороны затылка [Прыткова, 1953, с. 203–204]. В конце XIX в. северные манси пришивали бубенчики к рукавам (в области плечевого и локтевого суставов) женской шубы из оленьего меха, а также на детскую одежду [Гондатти, 1888, с. 16; Федорова, 1988б, с. 85]. Кроме того, металлические подвески составляли обязательную часть ложных кос — *сев* (ХС), *саль* (МСс, МЛп), которые были распространены у северных и восточных хантов, северных и части западных манси [Прыткова, 1953, с. 206; Федорова, 1994, с. 157]. Концы ложных кос украшались бляшками, кольцами, бубенчиками, колокольчиками и т. п. и соединялись между собой цепочками или низками бисера и бус. Металлические подвески (жетоны, монеты) крепились к концам женских косоплеток из бисера южных хантов и восточных манси [Клюева, Михайлова, 1988, с. 109].

К числу съёмных металлических украшений обских угров относятся покупные кольца и серьги. Кольца — *туля* (МСс, МЛп, МОб, МЛз), *лужвӧу* (ХВх), *тӱжвӧу* (ХСл), как правило, носили по несколько штук на одном пальце. Наиболее распространенными были простые круглые кольца и щитковые. В эту группу украшений можно также включить и ожерелья восточных хантов, состоящие только из металлических колец, пуговиц, крестиков, колокольчиков и т. п. [Лукина, 1985, с. 62].

Археологические и этнографические материалы позволяют разделить металлические украшения обских угров по месту производства на привозные и местные. Описаны существовавшие в начале XX в. у хантов и манси способы литья бляшек, колец и перстней из олова и свинца в формах с вырезанными ножом узорами или сделанными по образцам [Сирелиус, 1907, с. 58; Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 142; Федорова, 1994, с. 115; Дунин-Горкавич, 1996, с. 123]. Предполагается, что основными поставщиками олова и свинца были тобольские татары, с которыми связывалось происхождение оловянного литья обских угров, а также русские [Иванов, 1963, с. 82]. С другой стороны, некоторые особенности литейного производства обских угров позволяют говорить о его связи с традициями

древнего населения Урала и народов Поволжья [Иванов, 1963, с. 82; Федорова, 1994, с. 116].

Так же как бисер и бусы, металлические украшения пользовались большим спросом у обских угров и достаточно рано стали предметом обменно-торговых отношений. Находки металлических изделий эпохи средневековья свидетельствуют о широких внутренних западносибирских и внешних обменно-торговых контактах [Матющенко, 1995б, с. 111]. В XVI–XVII вв. различного рода металлические изделия (жетоны, кольца и серьги) в больших количествах завозились на ярмарки и в торговые центры Западной Сибири из России [Холостых, 1995, с. 158–165]. Кроме того, уже в XVII в. на ярмарки стали поступать металлические изделия местных тобольских и туринских мастеров [Вилков, 1990, с. 105]. Очевидно, что привозные украшения в течение какого-то времени вытеснили местные, заменив самодельные бляшки пуговицами, оловянные кольца — медными и т. д.

Традиция изготовления и использования металлических бляшек, по-видимому, в большей степени была характерна для хантыйской культуры. В пользу этого предположения говорят отсутствие сведений по мансийской (вогульской) одежде с такими украшениями в источниках XVIII в. и ее малочисленность в музейных коллекциях. Существующие описания конца XIX — начала XX в. относятся в основном к северным и восточным манси, у которых такие украшения могли появиться под влиянием хантыйской культуры вместе с заимствованием отдельных элементов костюма.

У хантов металлические нашивки, подвески и кольца применялись повсеместно и фиксируются с XVIII в. Это позволяет с учетом существования у них своего примитивного литейного производства расценивать данную традицию как общехантыйскую. Анализ украшаемых металлом деталей костюма показывает, что нашивки и подвески были присущи более женской одежде хантов. В мужском костюме бляшками и цепочками украшались, главным образом, пояса. Вероятно, происхождение приемов украшения женской одежды металлическими подвесками и нашивками у хантов следует рассматривать в отдельности. Так, прикрепление металлических подвесок к накосным украшениям находит аналоги у многих народов Сибири (ненцев, нганасан, кетов, эвенков, народов Амура и др.) и соотносится с общесибирской традицией [Клюева, Михайлова, 1988, с. 106–123]. Нашивание металлических изделий на одежду практиковалось нганасанами, энцами, эвенками и др. [Федорова, 1988б, с. 100]. В то же время наиболее близкие параллели в расположении и композиционном

построении нашивных металлических украшений хантов обнаруживаются при рассмотрении суконных кафтанов марийцев и башкир [Крюкова, 1970, с. 263–264]. Таким образом, можно говорить о формировании хантыйской традиции использования металлических украшений на основе смешения местных западносибирских и уральских элементов. При этом следует учитывать, что металлические украшения являются одними из наиболее распространенных.

Кисточки. Наряду с металлическими и бисерными подвесками обские угры украшали одежду кисточками из ниток и сукна. Нитяные кисти или бахромы были обязательной принадлежностью женского платка у обских угров, причем их старались делать из растительных волокон. Часто бахрому спарывали со старого платка и пришивали к новому. Кисточки из разноцветных шерстяных ниток прикреплялись к концам бисерных косников у южных и восточных хантов [Клюева, Михайлова, 1988, с. 109–110].

Кисточка из разноцветных суконных полосок венчала верхушку обрядовой конусовидной шапки из сукна. Кроме того, в конце XIX–XX в. суконными кисточками украшали женскую и мужскую меховую одежду (парку, гусь, кумыш) северные и восточные ханты, северные манси. Северные и восточные ханты пришивали суконные кисточки на спинку мехового кумыша, иногда чередуя их с меховыми [Лукина, 1985, с. 48; Сязи, 2000, с. 88]. Северные манси суконными кисточками декорировали ушки парки [Федорова, 1994, с. 129]. В конце XX в. восточные ханты при нашивании на плечи женских шуб из оленьего меха суконных полосок оставляли их концы незашитыми, свободно спускающимися на рукав, в результате чего получались своеобразные кисточки.

Меховыми и суконными кисточками украшали верхнюю плечевую одежду ненцы, кеты, эвены, коряки, нганасаны, эвенки [Федорова, 1988б, с. 99]. Рассматривая традицию украшения меховой одежды суконными кисточками, Н.В. Лукина считает их чужеродным элементом в традиционной одежде хантов и отмечает, что они более характерны для северосаамодийских народов [1985, с. 193]. Вероятно, в комплексе украшений одежды хантов они появились в результате этнокультурных контактов с ненцами.

Использование кисточек в накосных украшениях у обских угров отражает общие тенденции широко распространенной традиции, связанной в целом с украшением волос. Различного рода кисточки входили в состав накосных украшений многих народов Сибири, выполняющих охранительную и множительную функции [Клюева, Михайлова, 1988, с. 128]. Иное происхождение может иметь тради-

ция декорирования платков кистями из растительных волокон. Ближайшие параллели ей находим у финно-пермских народов и тюркоязычных народов Поволжья [Сепеев, 1975, с. 185; Лебедева, Агаманов, 1987, с. 118; Прокина, 1994, с. 78]. Представляется, что использование кистей для платков имело функциональное обоснование, связанное с обычаем избегания и проявляющееся в способе ношения самого платка. В этнографической литературе упоминаются также раковины каури, которые применяли наряду с бисером и бусами для расшивки одежды.

В целом анализ рассмотренных выше украшений показывает, что *общими* приемами украшения одежды для всех групп обских угров являлись: *окрашивание, кант, обшивка края, вышивка, плетение бисером, аппликация, использование металлических изделий в виде нашивок и подвесок* (табл. 3). При этом в *окрашивании* можно выделить

Таблица 3

Распространение способов украшения одежды у обских угров в XVIII–XX вв.

Способы украшения	Ханты				Манси			
	южные (до нач. XX в.)	восточ- ные	север- ные	средне- обские	южные (до нач. XIX в.)	восточ- ные (до сер. XX в.)	запад- ные	север- ные
Окрашивание:								
ниток	+	+	+	+	+	+	+	+
ткани	+	?	?	?	?	+	?	?
рыбьей кожи	?	?	+	+	?	–	?	+
ровдуги	+	+	+	+	?	+	+	+
шкуры (мездры)	?	+	+	+	?	+	+	?
Кант	+	+	+	+	?	?	+	+
Обшивка края	+	+	+	+	?	+	+	+
Вышивка:								
шерстяными, хлопчато- бумажными, шелко- выми нитками	+	+	+	+	+	+	+	?
сухожильными нитками	?	+	+	?	?	–	?	+
оленьим волосом	?	+	+	?	?	–	?	+
бисером	+	+	+	+	?	+	+	+
Плетение из бисера	+	+	+	+	?	+	+	+
Аппликация	+	+	+	+	?	+	+	+
Металлические нашивки	+	+	+	+	?	+	+	+
Металлические подвески	+	+	+	+	?	+	+	+
Кисточки:								
из ниток	+	+	+	+	+	?	?	+
из полосок ткани (сукна)	?	+	+	?	–	?	+	+
Мозаика	?	+	+	+	?	?	+	+

две традиции — окрашивание шерстяных ниток с помощью красителя из корня подмаренника и окрашивание шкур, ровдуги и рыбьих кож красителями из коры деревьев, охры, кровью и т. д. Первая, по всей видимости, имеет южное происхождение, вторая — общесибирское. *Обшивка* одежды по краям и вставка *канта* в швы — явление достаточно распространенное, связанное как с утилитарной функцией укрепления швов и краев одежды, так и с представлениями о магической функции одежды.

Локализация *вышивки* нитками по ткани в конце XVIII — начале XX в. тяготела к районам проживания южных, восточных, среднеобских хантов и восточных, западных, южных манси. Однако в источниках XVIII в. есть свидетельства использования вышитой одежды и северными хантами, а данные XIX в. подтверждают существование такой одежды у северных манси, что позволяет говорить о единой для обских угров традиции. Исчезновение вышивки в начале XX в., по-видимому, было обусловлено заменой одежды из домотканого полотна на сшитую из хлопчатобумажных тканей и покупную, которую украшали аппликацией. *Аппликация* — прием украшения, появившийся у обских угров достаточно поздно, в конце XIX — начале XX в. Как уже отмечалось, широкое распространение аппликации связано с переходом на одежду из покупных тканей. Однако сама традиция украшения одежды аппликацией, вероятно, носит общесибирский характер.

Использование *бисера* для украшения одежды зафиксировано у всех групп обских угров. Различие в названии бисера у хантов и манси может свидетельствовать в пользу разных путей формирования традиции его применения. Плетеные мансийские бисерные изделия отличаются от хантыйских более простой техникой исполнения, что позволяет их рассматривать как более позднее явление в культуре манси [Федорова, 1992б, с. 106; Vahter, 1953, S. 66].

Анализ изготовления и применения *металлических нашивок и подвесок* у обских угров в XVIII–XIX вв. показывает, что они были более характерны для хантов, нежели для манси. В конце XIX — начале XX в. металлические украшения были заменены бисером и пуговицами. Во второй половине XX в. этот вид украшений локализовался в районе проживания восточных и северных хантов, северных манси.

Обязательным украшением женского платка у всех групп обских угров являлись *кисти*, которые изготавливались из крапивных, шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных ниток. В настоящее время женщины отдают предпочтение покупным платкам с кистями.

Локальный характер носили: **вышивка подшейным волосом оленя и сухожильными нитками, мозаика, использование суконных или шерстяных кисточек. Вышивка подшейным волосом оленя и сухожильными нитками** фиксируется у северных хантов и манси и у восточных хантов — групп с оленеводческой направленностью хозяйства (см. табл. 3). У северных манси вышивка сухожильными нитками практиковалась в основном на игольниках сумок для рукоделия [Федорова, 1992б, с. 108]. При этом в этнографической литературе выделяются две традиции: обшивка (вышивка) волосом оленя окрашенного орнамента, которую, как считается, обские угры заимствовали у кетов и эвенков, и вышивка сухожильными нитками, возникшая на местной, доугорской основе [Иванов, 1963, с. 76; Федорова, 1992б, с. 108].

Использование для украшения одежды техники **мозаики** было характерно для восточных (громъеганских) и северных хантов и западных и северных манси (см. табл. 3). Считая эту традицию орнаментации северосибирской, О.М. Рындина предполагает, что важнейшую роль в формировании непрерывных бордюров мозаики сыграли орнаменты, вырезавшиеся из ровдуги и рыбьей кожи [1995, с. 333].

В украшении одежды **кисточками** прослеживаются несколько традиций: декорирование суконными кисточками меховой и суконной одежды у северных и восточных (ваховских) хантов и северных и западных манси; вхождение кисточек из окрашенных шерстяных ниток в состав бисерных украшений у хантов; использование кисточек из шерстяных окрашенных ниток для украшения плетеных поясов и подвязок у северных манси, восточных и северных хантов (см. табл. 3). Эти способы декорирования связаны с происхождением определенных видов одежды.

В целом каждый описанный выше способ украшения соответствует одному из видов материала одежды (табл. 4). Эта обусловленность позволяет определить изначально существовавшие способы украшения и их соответствие одежде из конкретного вида материала. Обшивка использовалась практически на всех видах одежды из различного материала и, возможно, являлась одним из древнейших способов ее украшения, точно так же, как и вставка в швы суконного канта. Четко прослеживается связь вышивки шерстяными нитками и одежды из домотканого полотна, аппликации и одежды из различных тканей, мозаики и одежды из оленьего меха, окрашивания и одежды из ровдуги, бисера, металлических нашивок и одежды из тканей, в том числе сукна.

Таблица 4

Соотношение способа украшения с материалом, из которого изготавливалась одежда

Способы украшения	Оленьи шкуры	Птичья шкурки	Шкурки пушных зверей	Овчина	Ровдуга	Рыбья кожа	Коровьи и лошадиные шкуры	Домо-тканна	Сукно	Х.-б. ткани	Шелк
Окрашивание	+	-	-	?	+	+	+	+	-	-	-
Кант	+	-	-	-	+	?	-	+	+	?	+
Обшивка края	+	+	+	+	+	?	-	+	+	+	+
Вышивка:											
шерстяными, хлопчатобумажными, шелковыми нитками	-	-	-	-	-	-	-	+	?	+	?
сухожильными нитками оленьим волосом	?	-	-	-	+	?	?	+	+	-	-
бисером	?	-	-	-	+	?	+	+	+	+	?
Плетение из бисера	-	-	-	-	?	-	-	+	+	+	+
Аппликация	+	-	-	-	?	-	-	+	+	+	?
Металлические нашивки	+	-	-	-	?	-	-	+	+	+	+
Металлические подвески	+	-	-	-	?	-	-	+	+	+	+
Кисточки:											
из ниток	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	+
из полосок ткани (сукна)	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Мозаика	+	?	?	-	+	-	-	-	+	-	-

ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ШИТЬЯ И ХРАНЕНИЯ ОДЕЖДЫ

Материал, используемый для одежды и ее украшений, технология его обработки во многом обуславливали дальнейший процесс изготовления костюма, создавали основу и задавали ритм всем последующим действиям. В этом ряду шитье и хранение одежды — явления цикличные и достаточно регламентированные, предусматривающие наличие определенного набора орудий, напрямую связанных с комплексом хозяйственной деятельности. В этом проявляется единство традиционного костюма и существующих технологий.

В XVIII–XX вв. разнообразие применяемых обскими уграми материалов ограничивалось рамками таежного охотничье-рыболовческого и оленеводческого комплексов; другая часть материалов соотносилась с культурой кочевников лесостепи, а также зависела от торгово-обменных отношений. Рассмотрим, какой из этих комплексов был ведущим и задавал ритм ходу создания одежды, каким образом хозяйственная деятельность отражается в приемах хранения одежды и какие из них носят общий характер?

В источниках XVIII в. отсутствуют сведения по изготовлению одежды и ее хранению, поэтому сводка дается по материалам XIX–XX вв. В традиционном укладе обских угров шитье и хранение одежды входили в обязанности женщины. Этим определялся положительный образ женщины в фольклоре: рукодельница, «обладающая иглой», «беспрерывно соболиные сотни стежков» шьющая, «соболей и зверей разных» вышивающая и т. д. [Мифы..., 1990, с. 355, 404; Молданов, 1999, с. 108]. По сшитой женщиной одежде, изготовленному ее руками предмету окружающие нередко судили о том, какая она хозяйка и что умеет делать [Молданова, 1999, с. 41]. Обучение шитью начиналось с детства и сначала носило игровой характер: девочка мастерила куклы, одежду и украшения для них [Оберталлер, 1935, с. 46; Федорова, 1988а, с. 88; Ильина, 1996, с. 11–13].

К моменту выхода замуж девушка должна была уметь изготавливать нитки, обрабатывать шкуры, шить и кроить одежду, вырезать орнаменты и т. д. — словом, полностью владеть традиционной технологией создания костюма. В соответствии с локальными особенностями хозяйства состав употребляемых орудий и используемая для их хранения утварь (игольницы, мотовильца, сумки, коробки и т. п.) могли варьироваться. Предметом первой необходимости для женщины являлась собственноручно сделанная коробка или сумка для хранения швейных принадлежностей — игольников, ниток, наперстка, бисера и бус, трафаретов для орнаментов, заготовок орнаментов и т. п.

Коробки для хранения швейных принадлежностей. Они были распространены у обских угров достаточно широко [Прыткова, 1953, с. 138; Федорова, 1994, с. 250; Шатилов, 2000, с. 89] (табл. 5). Их делали из бересты, пихтовой коры или плели из корней. Для сшивания бересты и коры использовали сухожильные нитки, кедровые корни, саргу. Стенки и крышки коробок из бересты и коры орнаментировались выскабливанием, окрашиванием и накладной резьбой. Локальные особенности коробок проявлялись в технологии изготовления, способах украшения, орнаментации.

Берестяные коробки относятся к наиболее распространенным (см. табл. 5). Круглые берестяные коробки — *sās totan* (МСс, МОб), *янта йиңал* (ХКз) характерны для северных групп обских угров [Федорова, 1994, с. 251; Молданова, 1999, с. 14]. У манси и северных хантов больше использовались коробки подпрямоугольной формы с высокoblенным геометрическим орнаментом или с узорами, нанесенными краской [Федорова, 1994, с. 251, 2000г, с. 280; Молда-

Таблица 5

Распространение предметов для хранения швейных принадлежностей у обских угров

Предметы	Ханты				Манси			
	южные (до нач. XX в.)	вос- точ- ные	север- ные	средне- обские	южные (до нач. XIX в.)	восточ- ные (до сер. XX в.)	запад- ные	север- ные
Коробки из бересты:								
круглые	?	?	+	+	?	?	?	+
прямоугольные	?	?	+	+	?	?	+	+
овальные	?	?	+	?	?	?	?	+
треугольные	–	+	–	–	–	–	–	–
Коробки из пихтовой коры:								
круглые	?	+	?	?	?	?	?	?
овальные	?	+	+	+	?	?	?	?
Коробки плетеные:								
круглые	?	+	+	+	?	?	+	+
подпрямоугольные	?	+	+	+	?	?	?	?
Сумки из оленьих шкур: в форме усеченного овала, вытянутого в высоту	?	+	+	+	?	?	+	+
ромбовидные, вытя- нутые в ширину	–	+	–	–	–	–	–	–
Сумки из кожи с лапок птиц	?	+	+	?	?	?	–	+
Швейки	?	+	+	+	?	+	+	+

нова, 1999, с. 14]. У сынских, куноватских хантов и северных манси отмечено бытование овальных коробок, у васюганских хантов — треугольных, украшенных ажурной резьбой с подкладным фоном [Лукина, 1985, с. 243; Федорова, 2000г, с. 280].

Коробки из пихтовой коры, круглые или овальные, орнаментированные краской, фиксируются у северных и восточных хантов (см. цв. вкл., рис. 6, а). При этом у сургутских хантов их применение соотносится с традицией, пришедшей с Казыма, в то время как комбинирование пихты (стенки) и бересты (дно и крышка) — с формированием в восточнохантыйской среде [Лукина, 1985, с. 244, 279]. Форма этих коробок, способы их орнаментации, сходные с используемыми для берестяных, а также распространение у хантов и манси позволяют отнести их к обскоугорскому комплексу [Там же, с. 279].

Плетенные из корней кедра или сарги коробки *тар караник* (М), или корноватики, имели круглую или подпрямоугольную форму. У манси зафиксированы корноватики круглой формы, у хантов — круглой и подпрямоугольной [Федорова, 1994, с. 251]. Происхождение этих коробок в культуре хантов и манси дискуссионно. Н.В. Лукина [1985, с. 248] связывает эту традицию с палеосибирским населением, Е.Г. Федорова [2000г, с. 286] — с южным этническим компонентом, вошедшим в состав предков обских угров.

Сумка — *тусян* (МС), *тутчан* (МЛп), *тутчанг хыр* (Х), *янта-кырах*, *кой-кырах* (ХВ). Шилась из оленьих шкур в форме вытянутого в высоту усеченного овала, фиксируется с конца XIX в. у северных и части западных манси, северных, среднеобских и восточных хантов [Лукина, 1985, с. 258; Федорова, 1994, с. 252; Шатилов, 2000, с. 89] (см. табл. 5). Как правило, переднюю и заднюю стенки сумки делают целиком из шкуры со лба оленя или из кусочков камусов в виде орнамента. Сбоку к сумке прикрепляют ромбовидный игольник из оленьего меха с кармашком для наперстка. Стенки сумки расшивают бисером, металлическими бляшками, окрашивают. Нередко они полностью украшаются мозаикой. В швы сумки вставляют суконные кантики, ровдужную бахрому, подвески из бисера и бус с металлическими бляшками на концах. У сумок, сшитых из шкур со лба оленя, разноцветным сукном и бисером орнаментируются глазницы. Высушенные зубы оленя и копытца новорожденных оленят в качестве подвесок для сумки применяют северные ханты [Сязи, 1995, с. 15]. У ляпинских манси в *тутчан* вкладывается маленькая сумочка *хурх* для хранения сухожильных нитей. Она имеет подпрямоугольную форму и шьется из камусов и ровдуги.

Края соединяются при помощи ровдужных завязок (ПМА, 1991 г.). Нижнеобские ханты в подобных сумочках *ерн* (*ур*) *хир* 'темная/лесная сумка' также хранят бисер, подвески, нитки и т. п. [Сязи, 2000, с. 44].

Сумка, изготовленная в девичестве, становилась спутницей женщины на всю жизнь и со смертью хозяйки выходила из бытования. Т.А. Молданова включила мешочки для рукоделия северных хантов в число глубоко личных предметов, сопровождающих женщину в течение жизни и передаваемых ею в наследство дочерям, внучкам и т. д. [1999, с. 42]. У северных манси существовал негласный запрет продавать сумку [Попова, 2003, с. 146]. Так, В.Н. Чернецов отмечал: «Вогулка не продаст тутчана: старый еще можно, но новый нельзя» [Источники..., 1987, с. 35]. Мансийские девушки в сумочках для рукоделия хранили куколок для свадьбы, а женщины — пуповины детей [Головнев, 1995, с. 282; Попова, 2003, с. 146]. Сумку для рукоделия *тучан* северные ханты и манси клали в могилу умершей женщине [Лапина, 1998, с. 29] (ПМА, 1991 г.), при этом старые металлические подвески с нее снимали, они переходили по наследству.

В этнографической литературе название этих сумок обских угров и район их бытования (северные и восточные ханты, северные манси) связываются с влиянием ненцев [Прыткова, 1953, с. 138; Лукина, 1985, с. 257–259; Федорова, 1994, с. 253; Steinitz, 1980, S. 181]. В сумке ненецкого типа *туця'* (предположительно от ненецкого *ту* 'огонь'), как правило, прикрепляли с одной стороны маленькую сумочку *падко*, предназначенную для хранения сухожильных ниток, а с другой — игольник *нив'уэся*. Такие сумки бытовали также у коми и саамов [Хомич, 1976а, с. 179]. Л.В. Хомич отмечает неоднозначность вопроса распространения сумок ненецкого типа у обских угров и саамов, не исключая возможности и генетической связи между ними, и заимствований [Там же]. Южное происхождение таких сумок предполагает Н.В. Лукина, сравнивая сумки обских угров с тувинско-тодзинскими мешочками для хранения продуктов и рукоделия. Она считает, что они проникли на север через предков самодийцев, от которых впоследствии были заимствованы уграми [1985, с. 258].

У северных манси, северных и восточных хантов для хранения в дороге игл, ниток, наперстка и т. п. использовались, как предполагается, маленькие сумочки из лебединых (гусиных) лап [Там же, с. 259; Федорова, 1994, с. 253]. По данным Е.Г. Федоровой, их изготавливали и из рыбьей кожи [2000г, с. 286]. Мужские дорожные сумки из

ровдуги, сукна или меха (в том числе лосиного) бытовали у восточных и северных хантов и северных манси [Гондатти, 1888, с. 10; Лукина, 1985, с. 256–257; Федорова, 1994, с. 253, 2000г, с. 288] (см. цв. вкл., рис. 6, б). Их носили на поясе или на лямке, перекинув через плечо. У ваховских хантов была известна сумка, как предполагается, заимствованная у кетов или тазовско-туруханских селькупов, вытянутая в ширину, с вшивным дном и несколькими парами ровдужных завязок [Лукина, 1985, с. 257, 259] (см. табл. 5).

Проанализировав форму, технику орнаментации и сами узоры на сумках обских угров, Е.Г. Федорова считает, что они являются «достаточно древним элементом в культуре обских угров» [2000г, с. 289]. При исследовании вопроса происхождения сумок у обских угров следует учитывать традицию их использования. Показательны факты их широкого применения в первую очередь в качестве дорожных у таежных охотников и наделения магическими свойствами женских сумок.

Деревянные швейки. Их обские угры употребляли для кройки, шитья и хранения швейных принадлежностей (см. табл. 5). По всей видимости, швейки обских угров по форме совпадали с удмуртскими, у которых отверстие на возвышении служило в качестве паза для вставки столбика, к верхнему концу которого присоединялся лоскут холста. К этому лоскуту во время шитья женщина, сидящая на самой доске швейки, прикрепляла рукоделие [Белицер, 1951, с. 34]. Швейки северных и среднеобских хантов, северных и западных манси в большинстве случаев служили для выкройки и обработки шкур [Прыткова, 1953, с. 137–138; Лукина, 1985, с. 265; Федорова, 1994, с. 253]. Манси верховьев Лозьвы, Пелыма, Ляпина, Северной Сосьвы хранили в них иголки, лоскуты и т. п. [Сирелиус, 1906, с. 29–30; Федорова, 1994, с. 253]. Н.В. Лукина высказала предположение, что у восточных хантов швейки сформировались на местной основе в результате модификации кроильных досок [1985, с. 265]. Широкий ареал бытования швейек, включающий не только территорию проживания восточных хантов, а также особенности их оформления (вырезанные пазы с передвигающимися колышками), свойственные для деревянной утвари хантов и манси в целом, можно рассматривать как свидетельство принадлежности этого предмета к единой для обских угров традиции.

Кроильные доски. Они фиксировались в конце XIX–XX в. у всех групп хантов и манси. Их ширина достигала 15–40 см, длина 70–150 см. Выделяются два типа кроильных досок. Первые — *йон-*

тесты-сэхил (X), едахко (XC) — желобовидной формы, иногда с орнаментированной верхней частью, вторые — *нѳвахатне пѳрт (M)* — плоские, зауженные к одному краю [Прыткова, 1953, с. 130; Народы Севера..., 1986, с. 63; Федорова, 1994, с. 113]. Ваховские ханты кроили шкуры также на перевернутом вверх дном деревянном блюде и на весу [Лукина, 1985, с. 265]. По мнению Н.В. Лукиной, формирование кроильных досок у восточных хантов произошло по аналогии с досками для обработки рыбы [Там же].

Раскрой производили специальным ножом с узким клинком. При кройке использовали шкуру без остатка: центральная часть шла на крупные части одежды — спинку, полочки и т. д.; из камусов шили обувь, рукавицы, вырезали орнамент; щетка с копыт употреблялась для подошвы мужской обуви; шкуры со лба предназначались для изготовления подошвы мужской обуви, женских капоров и сумочек, остатки шкур — для пошива рукавов и дополнительных частей одежды.

Сухожильные нитки — *лэн-пун, сэхум (X), сэтан (M)*. Их повсеместно употребляли для сшивания как шкур, так и сукна, тканей. Их получали путем расщепления высушенных спинных и ножных сухожилий лося или оленя. Нитки из лосиных сухожилий были более толстыми, ими шили обувь. Отделенные от туши сухожилия сушили, расщепляли при помощи ножа или костяной иглы, затем смачивали и отбивали [Попов, 1955, с. 80]. Отбивку сухожилий производили деревянной колотушкой или обухом топора. Салымские и ваховские ханты полученные волокна расчесывали гребнем [Шульц, 1924, с. 178; Шатилов, 2000, с. 89]. Затем сухожилия скручивали: на бедре, колене или на щеке ладонью, зажав один конец нитки зубами, а другой — пальцами свободной руки [Попов, 1955, с. 82; Шатилов, 2000, с. 89]. На щеке и на бедре скручивали нитки восточные ханты, северные манси (ПМА, 1997, 2004 гг.) (см. цв. вкл., рис. 7). Демьянские ханты в конце XX в. разделенные сухожильные волокна смачивали слюной, продергивая через зубы, после чего скручивали ладонью на колене или, делая нить двойной, — между ладонями (ПМА, 1999 г.). Наряду с сухожильными шили нитками из растительных волокон (крапивы, конопли, льна), шерсти, а в XX в. в обиход начали входить и покупные нитки фабричного производства. Нитки хранили заплетенными или наматывали на специальное приспособление — крепилку, мотовильце.

Крепилки. В качестве них использовали косточки птиц, подъязычную кость лося или оленя, бедренные косточки пушных зверей, а также палочки и металлическую проволоку. В конце XIX–XX в. кре-

пилки были распространены у восточных и северных хантов, северных манси [Лукина, 1985, с. 263–264]. Часто они прикреплялись к суконному игольнику прямоугольной формы или сумочке.

Мотовильца. Они представляли собой пластинки, вырезанные из кости мамонта или рога оленя. Мотовильца бытовали в конце XIX — начале XX в. у восточных хантов, с которыми связывается их создание и разработка [Прыткова, 1953, с. 134; Лукина, 1985, с. 278]. Н.В. Лукина, исследовав виды крепилок восточных хантов, пришла к заключению, что их формирование началось в глубокой древности и было связано с угорской, в частности восточнохантыйской, средой [1985, с. 263–264].

Кроме того, у северных манси сухожильные нитки хранились в специальных маленьких сумочках — *хурых*, которые могли быть заимствованы у ненцев.

Иглы. У обских угров применялись костяные и металлические иглы. Иглы из оленьих или беличьих косточек фиксировались в начале XX в. у хантов [Сирелиус, 1906, с. 28–29]. Воспоминания об их использовании еще сохранялись у кондинских манси в 1990-х гг. (ПМА, 1993 г.). Металлические иголки *юнтен* (М), *йинтын* (Х) фабричного производства постепенно вытеснили костяные. При шитье из оленьих или других подобных шкур использовали костяное *шило*. Приступая к шитью, мастерицы надевали костяной или металлический *наперсток немта* (М), *йонтесты-л'уй* (Х). Зачастую он был без доньшка и делался из обрезков дула ружья. У северных манси в качестве наперстка употреблялся также изготовленный из толстой кожи напальчник *туля хэсап* (ПМА, 2004 г.).

Игольники. У обских угров игольники представлены тремя типами: прямоугольными или круглыми из ткани и/или сукна; ромбовидными из сукна или меха; трубчатыми. Игольники первого типа — *намат* (Х), *немто* (М) дифференцируются по способу изготовления и украшения на два варианта: 1) из хлопчатобумажной ткани с аппликацией (северные и восточные ханты); 2) суконные с обшивкой мехом, аппликацией, вышивкой бисером (северные манси, северные и восточные ханты) (табл. 6). Игольники второго варианта среднеобские и восточные ханты хранили, свернув трубочкой [Прыткова, 1953, с. 136].

К первому типу близки по технологии и идентичны по названию игольники второго типа — *намат* (Х), *немто* (М), имеющие ромбовидную форму, карман для наперстка и декорируемые бисером, меховой оторочкой, вышивкой подшейным волосом оленя или аппликацией. Их используют северные ханты, северные и часть западных

Таблица 6

Распространение игольников у обских угров

Тип игольников	Ханты				Манси			
	южные (до нач. XX в.)	восточные	северные	среднеобские	южные (до нач. XIX в.)	восточные	западные	северные
I. Суконные прямоугольные	?	+	+	+	?	?	?	+
Хлопчатобумажные круглые	?	+	+	?	?	?	?	?
II. Меховые или суконные ромбовидные	?	?	+	?	?	?	+	+
III. Трубчатые	?	+	+	?	?	?	?	?
Из ткани, прямоугольные с кармашками	?	+	?	?	?	?	?	?

манси, которые часто пришивают их к сумке для рукоделия [Прыткова, 1953, с. 136; Федорова, 1994, с. 252] (см. табл. 6).

Игольники третьего типа *йинтуп хот* изготавливались из полых косточек или металлических трубочек восточными и северными хантами [Прыткова, 1953, с. 136; Иванов, 1970, с. 197; Лукина, 1985, с. 261] (см. табл. 6). Их полость, закрываемая пробками, служила для хранения швейных игл. Этот тип игольников признается у народов Сибири наиболее архаичным и, по мнению Н.В. Лукиной, относится к обскоугорскому комплексу материальной культуры [Иванов, 1970, с. 197; Лукина, 1985, с. 261, 279]. Особняком стоит зафиксированный у васюганско-александровских хантов игольник из двух слоев хлопчатобумажной ткани, хранимый сложенным вдвое и имеющий кармашки на месте сгиба [Лукина, 1985, с. 259] (см. табл. 6).

Приведенные материалы показывают, что для большинства игольников обских угров характерно использование сукна и ткани. Первые два вида игольников объединяет название, что также может указывать на единство происхождения. Сам термин *намат* и близкие к нему по значению слова у обских угров и венгров связываются с обозначением войлока, кошмы, что рассматривается в пользу южного происхождения таких игольников [Там же, с. 263]. Н.В. Лукина также отмечает определенное сходство сворачиваемых трубочкой хантыйских игольников из ткани и меха с кетскими, ненецкими, селькупскими, эвенкийскими и полагает, что они являются реминисценцией костяных игольников и имеют южное (алтайское) происхождение [Там же, с. 260, 262].

Швы. Этот элемент в одежде обских угров был достаточно единообразным. Одним из распространенных был шов «шаг с заходом

за шаг», который использовался при шитье одежды из ткани, сукна [Ерныхова, 2000, с. 55–56]. Для одежды из ткани применялись двойной бельевой шов и обметывание через край. Последним приемом соединялись и части меховой одежды. Чем меньше был стежок, тем искуснее считалась мастерица. Швы меховой одежды прокладывали подшейным волосом оленя или суконным кантом. У ляпинских манси практиковалось сшивание шкур с ворсяной стороны [Федорова, 1994, с. 116].

В фольклоре обских угров часто упоминается склеивание одежды — *акван-ханалалуңкве* (М). Как правило, склеенная одежда отличалась непрочностью и быстро разваливалась, что противопоставлялось одежде сшитой — прочной и красивой [Мифы..., 1990, с. 64, 74]. Реально склеивание частей одежды не зафиксировано.

В целом предметы, связанные с изготовлением одежды, выступали своеобразным социальным маркером: будучи «женскими» они соответственно наполнялись «женской» символикой. Так, например, манси при рождении девочки приносили на священное место иглы, игольники, наперстки, ступки для толчения крапивы [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 150]. Салымские ханты оставляли на женских могилах сломанные прялки [Шульц, 1924, с. 191].

Шитье одежды — процесс более ритуализированный, чем подготовка материалов, поскольку сопряжен с индивидуальными характеристиками, с одной стороны, человека, который шьет одежду, с другой — человека, которому она предназначается. У обских угров начало изготовления одежды сопровождалось обрядовыми действиями. Мансийские женщины бросали в огонь несколько лоскутков, чтобы «дети» его могли играть ими так же, как и дети людей [Федорова, 1988а, с. 88].

В набор предметов для ухода за одеждой входят выбивалки, сумки и коробки для хранения и перевозки одежды. Этот комплекс довольно разрозненный и не у всех групп представлен одинаковым составом. В нем четко выделяются две традиции.

Первая согласуется с оленеводческим хозяйством и постоянными перекочевками и наблюдается у северных хантов, северных и части западных манси. В этих условиях одежду хранили в больших мешках *ёрн хыр* (ХС), *ёрн хурыг* (МС), которые имели подпрямоугольную форму, вытянутую по горизонтали, шились из кусочков меха, сукна, ровдуги и украшались мозаичными орнаментами [Прыткова, 1953, с. 139; Федорова, 1994, с. 249]. Края этих мешков соединялись при помощи завязок из ровдуги. Северные манси декорировали такой мешок копытцами оленя, а также шили его из коровьей шкуры, при

этом лицевая сторона делалась из меха [Федорова, 1994, с. 250]. У северных хантов такие мешки различались по форме и функциональному назначению. Выделяются два типа мешков: *вай хир* (ХС) — полуовальной формы, вытянутые по вертикали, предназначенные для женской обуви, и *ёрн (ур) хир* (ХС) — подпрямоугольной или подквадратной формы, в которых хранили мужскую обувь, меховую одежду, заготовки для шитья и другие мелочи [Сязи, 2000, с. 42]. Название мешков для хранения одежды указывает на их ненецкое происхождение [Прыткова, 1953, с. 139; Федорова, 1994, с. 249]. В условиях кочевого быта одежду, упакованную в такие мешки, часто хранили на грузовых нартах. Кроме обских угров и ненцев такие мешки использовались для хранения одежды у коми-зырян и саамов [Лукина, 1985, с. 259]. В чуме одежда вместе с другими женскими предметами хранилась около входа, такое расположение было характерно для обских угров и ненцев.

Вторая традиция связана с охотничье-рыболовческим хозяйством, полукочевым или оседлым образом жизни и предполагает использование больших коробок из бересты или пихтовой коры, которые изготавливались таким же образом, как и коробки для хранения рукоделия. Такой вид хранения одежды наблюдается у восточных и северных хантов и обских манси [Прыткова, 1953, с. 139; Лукина, 1985, с. 259; Федорова, 1994, с. 117].

С оседлым или полукочевым образом жизни связано и хранение одежды в лабазах на высоких столбах, а также в сенах жилища слева от входа. В помещении одежду хранили в подвешенном состоянии на стенах или перебрасывали через шесты и перекладины. Используемая одежда обычно размещалась над нарами хозяина. Обувь, а также меховую и суконную одежду развешивали отдельно. В жилище одежду хранили в «тюменских» сундуках, что характеризуется как русская традиция [Федорова, 1994, с. 257].

К предметам ухода за одеждой относятся деревянные выбивалки *нарэн* (Х), *нархин* (ХПм, ХТр), которые у северных групп хантов и манси известны в двух вариантах — мужском и женском [Гондатти, 1888, с. 17; Прыткова, 1953, с. 139]. Выбивалки предназначались для чистки одежды от пыли и снега. Мужские выбивалки имели форму лопатки и часто использовались для разрыхления снега при установке капканов. Женские, достигая в длину 75–80 см, превосходили по размерам мужские, делались плоскими и выгнутыми в виде сабли. Рукоятки у них были плоскими и декорировались резьбой, а нередко и раскрашивались красной краской [Там же]. У юганских хантов выбивалки назывались *чочыхтин* и имели приближенную к женским

выбивалкам северных хантов мечевидную форму [Лукина, 1985, с. 265]. Выбивалки подобной формы *яугаць*'(н) бытовали также у северных соседей хантов — ненцев [Хомич, 1976а, с. 176].

Н.Ф. Прыткова отмечала сходство формы и названия женских выбивалок северных хантов с трепалом для льна южных хантов, что, по ее предположению, было связано с переносом старого термина на новый предмет [1953, с. 230]. Н.В. Лукина указывает на близость названий мечевидных выбивалок северных хантов и саблевидных восточных хантов с названием ножа *норхьи* в языке-табу медвежьего культа у казымских хантов, а лопаткообразные выбивалки сравнивает с колотушками шаманских бубнов и связывает их распространение с культурой охотников тайги и оленеводов тундры [1985, с. 266].

Меховая зимняя обувь у обских угров подвергалась специальной обработке: ее коптели над костром. В результате она сушилась, становясь более эластичной и удобной при носке, и получала водонепроницаемые качества. Одежду, шкуры для ее изготовления коптели над костром в небольшой яме [Павловский, 1907, с. 32; Кулемзин, Лукина, 1992, с. 78]. Северные манси над костром ставили берестяную коробку (высотой около 1 м и в диаметре до 0,7 м), к стенкам и днищу которой прикрепляли обувь и шкуры, и коптели ее содержимое в течение нескольких часов [Источники..., 1987, с. 151].

У хантов по отношению к одежде соблюдались определенные запреты: нельзя было наступать на одежду, в противном случае ее необходимо было «очистить» над огнем, вращая «по солнцу»; зашивать одежду на себе и т. п. [Лапина, 1998, с. 20]. Для женской и обрядовой одежды предусматривались специальные условия хранения. С наступлением половой зрелости каждая девушка должна была соблюдать набор правил и запретов, в число которых входили табу, связанные с одеждой. Так, например, у хантов с этого возраста девушки стирали свою одежду в отдельном корыте. Женскую одежду отделяли от мужской при хранении, женскую нижнюю поясную одежду хранили в определенном месте — за очагом [Лукина, 1985, с. 37; Ильина, 1996, с. 15; Талигина, 1999, с. 98]. У манси наблюдался запрет подвешивать женскую обувь над костром [Павловский, 1907, с. 32]. Отдельно хранили обрядовую и праздничную одежду [Федорова, 1994, с. 204; Молданова, 1999, с. 39].

Таким образом, к числу общераспространенных предметов для шитья и хранения одежды относятся плетеные коробки (корноватики), кроильные доски и ножи, иглы, наперстки.

Локально применялись коробки — берестяные (северные и восточные ханты, северные манси) и из пихтовой коры (северные и

восточные ханты); женские сумки для рукоделия (северные и восточные ханты, северные и часть западных манси); дорожные сумочки для рукоделия (северные и восточные ханты, северные манси); деревянные швейки (северные и восточные ханты, северные и часть западных манси); крепилки для ниток (северные и восточные ханты, северные манси); мотовильца (восточные ханты); сумочки для хранения нитей (северные манси), игольники первого (северные и восточные ханты, северные манси), второго (северные ханты, северные и часть западных манси) и третьего (северные и восточные ханты) вида; мешки (северные ханты, северные и часть западных манси) и коробки для хранения одежды (северные и восточные ханты, обские манси); выбивалки для одежды (северные и восточные ханты, северные манси).

В этом комплексе выделяются предметы, характерные для охотничье-рыболовческого (берестяные коробки для хранения рукоделия и одежды, кроильные доски, дорожные и мужские сумочки для рукоделия, крепилки для ниток, мотовильца) и оленеводческого (сумки для рукоделия и мешки для хранения одежды) типов хозяйства. Особое место занимают предметы, происхождение которых связывается с южными (суконные игольники) и обскоугорскими (деревянные швейки, трубчатые игольники) традициями.

***

Исследование технологии изготовления одежды у обских угров позволяет установить материалы для пошива одежды, соотносимые с культурой таежных охотников-рыболовов, оленеводов и скотоводов лесостепи, и на основе анализа динамики их распространения выделить три периода, связанных с появлением одних и исчезновением других видов материала. Первый период (XVIII в.) отличался разнообразием материалов, включающих большинство наименований из вышеперечисленных, за исключением искусственных тканей. Преобладающими были местные материалы. Второй период (XIX — начало XX в.) характеризуется постепенным исчезновением одежды из рыбьей кожи и крапивного полотна, массовым распространением хлопчатобумажных тканей. Третий период (XX в.) отмечен активным вхождением в обиход покупных тканей, которые постепенно вытеснили традиционные материалы.

Проявляющаяся при этом корреляционная связь позволяет говорить о том, что процесс изменения материала одежды влиял на приемы ее украшения, и рассматривать эти изменения в соответствии с выделенными периодами. Наибольшее разнообразие приемов украшения было характерно для XIX — начала XX в., что объясняет

ся, с одной стороны, большим притоком привозных товаров, в том числе тканей и различного вида украшений, с другой — сохранением традиционных приемов и видов украшений. Таким образом, к числу главных факторов, обуславливающих изменения декоративного убранства костюма обских угров, относятся замена материала, используемого для одежды, и появление готовых украшений, способных заменить изготавливаемые традиционным способом.

Глава II | КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ОДЕЖДЫ

В этнографической науке понятие «одежда» рассматривается достаточно широко и включает ряд *элементов*, которые в целом составляют костюм. По месту нахождения в составе костюмного комплекса выделяются плечевая и поясная одежда, пояса, обувь, головные уборы и т. д., а также нагрудные, наручные, шейно-нагрудные и другие украшения. Прическа тоже часть костюма, тем более что она во многом обуславливала форму головного убора и украшений.

Говоря об историческом и традиционном костюме, мы подразумеваем определенный набор элементов, учитывая, что в отличие от исторического костюма, меняющегося в соответствии с веяниями эпохи, традиционный более стабилен, более консервативен. Сформировавшись в определенный исторический период, традиционный костюм отражает особенности одежды этого времени и таким образом являет собой застывшую форму костюма исторического, развитие которого шло от наиболее простых в конструктивном отношении элементов к сложным. В упрощенной эволюционистской схеме процесс развития элементов костюма представлен следующим образом: плечевая одежда появилась от накидки, защищающей от атмосферных осадков и холода; поясная одежда (пояс-повязка, передник, юбки, штаны и т. п.) — от шнурка, который носили на поясе; головные уборы — от причесок и головных украшений и т. д. [Адлер, 1903, с. 72–76; Липс, 2001, с. 74].

Другой вопрос, насколько характерен тот или иной элемент костюма для конкретного народа и с чем связаны степень открытости тела и количество составляющих костюм деталей? Эти вопросы вплотную связаны с генезисом и функциями одежды. Так, степень закрытости тела определялась с двумя основными факторами: климатическими условиями и «обособлением полов» (развитием семейно-брачных отношений) [Ратцель, 1902, с. 92; Адлер, 1903, с. 54; Токарев, 1970, с. 8; Липс, 2001, с. 75]. Изучение истории костюма пока-

зывает, что, хотя климатические условия и влияли определенным образом на форму и материал одежды, количество составляющих костюм элементов напрямую не связано с природным фактором и в большей степени обусловлено хозяйственной деятельностью, развитием технологии изготовления одежды и общественными приоритетами.

Состав костюмного комплекса отличается набором определенных предметов одежды, различающихся по способу ношения, материалу, покрою, и украшениям. Так, плечевая одежда может быть представлена рубахой, кафтаном, шубой, накидкой и т. д., поясная одежда — поясом-повязкой, юбкой, штанами и т. д., головные уборы — шапками, капорами, платками и т. д., обувь — сандалиями, башмаками, сапогами и т. д. Появление и развитие этой одежды было обусловлено рядом причин, среди которых важное значение имеют климат, хозяйственная деятельность, историко-культурные контакты.

Зарождение отдельных предметов одежды связывается с конкретными народами и культурами, в среде которых они сформировались, а распространение у других народов отражает их историко-культурные и культурно-генетические связи. Так, конструирование и использование длинных штанов и узких кафтанов соотносится с культурой индоевропейских народов (персов, скифов, лидийцев, фригийцев и др.), тоги — с древними римлянами, кимоно — с японцами и т. д. [Мерцалова, 1993, с. 52; Пармон, 1997, с. 18, 25, 26, 46; Брун, Тильке, 2001, с. 8, 11]. Одежда, включенная в состав костюма другого народа, подвергается некоторым изменениям в соответствии со вкусами новых владельцев, часто на ее основе складывается новый вид, а иногда и новые элементы костюма. Кроме того, формированию новых предметов способствует применение нетрадиционных материалов. Сочетание всех этих элементов создает специфику традиционного костюма. Сравнительный анализ видов одежды, материала, из которого они шились, их покрою и территории бытования дает возможность установить, какие из них являлись базовыми (наиболее древними), а какие появились позднее, и определить таким образом динамику развития костюма в целом.

СОСТАВ КОСТЮМНОГО КОМПЛЕКСА

У обских угров в состав костюма входили плечевая и поясная одежда, пояса, обувь, головные уборы, рукавицы, шейно-нагрудные, нагрудные и наручные украшения. Каждый из компонентов был представлен несколькими видами и типами, различающимися по способу ношения и изготовления, материалу и покрою. Видовое раз-

нообразии одежды во многом зависело от применяемых материалов, что нашло отражение и в ее названии.

Выявленная при исследовании технологии изготовления одежды и украшений динамика показала, что использование отдельных материалов у разных групп обских угров не было синхронным и некоторые из них вышли из бытования достаточно рано. Рассмотрение костюмного комплекса позволит ответить на вопросы: в рамках какого хронологического периода и для каких предметов одежды употреблялся тот или иной материал? имели ли место взаимозаменяющие материалы по отношению к конкретному элементу костюма? с каким хозяйственным комплексом связано существование того или иного вида одежды?

Плечевая одежда (нижняя и верхняя). Она составляла основу костюма обских угров. История развития костюма показывает, что изначально всякая одежда являлась и нательной (нижней), и верхней, а выделение собственно верхней одежды было вызвано традицией употребления насаиваемых одежд, отражающих социальный статус их хозяина [Коляков, 1989, с. 105–106]. У народов Сибири верхняя плечевая одежда первоначально повсеместно была единственной, а особая нательная одежда стала появляться лишь в XVII–XVIII вв. [Прыткова, 1961а, с. 227].

Нижняя плечевая одежда. Длительное время существование нижней плечевой одежды (рубах) у обских угров ставилось под сомнение. Основанием служило ее редкое использование, особенно у северных групп, и широкое распространение «русских» рубах. В отношении хантов высказывалось мнение, что в старину они не носили нижней плечевой одежды, а проникавшие к ним через пришлое население рубашки были лишь у богатых или родовой знати [Паллас, 1788, с. 50; Прыткова, 1953, с. 144; Зуев, 1999, с. 144]. Существование нижней одежды оспаривалось и в связи с предполагавшимся заимствованным характером ткачества. Однако, как установлено, ткачество было традиционным занятием обских угров и позволяло получать материал для одежды, в том числе и рубах [Лукина, 1985, с. 152–153; Федорова, 1994, с. 108–110; Глушкова, 2002, с. 116]. Кроме того, и сама традиция ношения рубах из ткани имеет достаточно прочную основу.

В то же время письменные источники XVIII в. свидетельствуют о том, что рубахи из тканей носило не все население и не всегда. Постоянное ношение традиционных рубах из холста отмечается у вогульских женщин (мужчины-вогулы пользовались рубахами русского образца) и у некоторых групп — лишь по праздникам [Георги, 1799, с. 62; Лепехин, 1814, с. 28]. Остяки, имевшие плечевую одежду

(в том числе и рубахи) из шкур или рыбьей кожи, носили рубахи из ткани в редких случаях и выменивали их у пришлого населения [Георги, 1799, с. 70; Зиннер, 1968, с. 76, 91; Кучинский, 1972, с. 32; Зуев, 1999, с. 144]. В XVIII в. рубахи из крапивного полотна фиксировались в качестве нательной одежды остяцких женщин [Новицкий, 1999, с. 38]. Данные сведения подтверждают факт существования традиции использования нижней плечевой одежды (рубах) обскими уграми в среде мужского и женского населения.

Можно говорить о том, что повсеместно обские угры употребляли рубахи в качестве нижней плечевой одежды в XVIII и XX вв. Выпадение рубах из числа общераспространенных элементов костюма в XIX в. не означает, что этот вид одежды исчез. Традиция использования рубах из ткани как вида нижней одежды сохранилась, но в рамках локальных групп произошли изменения. У одних холст заменили хлопчатобумажные ткани, у других вошли в обиход рубахи русского образца. Кроме того, в начале XX в. был заимствован или сформировался в собственной среде новый вид женской нижней одежды — рубахи-платья, которые шились из хлопчатобумажных тканей, шелка и т. п.

По этнографическим источникам выявляется информация и о рубахах из других материалов (табл. 7). Имеются сведения о бытовавших у северных хантов в конце XIX — начале XX в. рубахах из рыбьей кожи [Соколова, 1972, с. 39]. В этнографической литературе и фольклоре манси упоминаются мужские рубахи из ровдуги [Конькова, 1993, с. 104; Алквист, 1999, с. 37].

Несмотря на то, что рубахи бытовали у всех групп обских угров, назывались они у хантов и манси по-разному (табл. 8). Более того, в мансийском языке существовали два термина, обозначающие рубаху: *суп* у северных и западных манси и *кърт* у восточных манси, которые носили рубахи из крапивного холста и достаточно рано перешли на одежду русского образца. Это позволяет связать *кърт* с собственно рубахами из холста. Кроме того, у этой же группы манси *кърт* участвует в образовании слова *йукърт* 'штаны', точно так же, как и *суп* у северных манси входит в состав слов *маньсуп*, *эльсуп* с тем же значением. Рассматривая этимологию и словообразование терминов *эльсуп* и *маньсуп*, Е.Г. Федорова приходит к заключению, что слово *суп* изначально могло обозначать одежду вообще при том, что это была одежда именно из ткани [1994, с. 119]. У хантов рубаха и более поздняя рубаха-платье именовались *ернас*. В конце XIX в. происхождение этого термина в хантыйском языке объяснялось заимствованием из коми-зырянского [Алквист, 1999, с. 167]. Существование

Обозначения элементов костюма у обских угров

Элементы костюма	Ханты			Манси			
	южные (до нач. XX в.)	восточные	северные	южные (до нач. XIX в.)	восточные (до нач. XX в.)	западные	северные
Одежда (собирательное)	?	?	Сахпир, сакпал	?	?	?	Маскүт, табыл
Рубаха	?	Ернас	Ернас	?	Карт	Суп	Суп
Рубаха-платье	—	Ернас, нинернас	Ернас, нормайинг ернас	—	—	Суп	Суп
Верхняя плечевая одежда распаш- ного типа (соби- рательное)	Шабур	Сак	Сак, сак	?	Шабур, сукман, сакмен	Сахи	Сахи
Халат: из сукна	Шабур	Сак	Ной сах	?	Шабур, сакмен	Нуй сахи	Нуй сахи
из ткани	Шабур	Олтинных сак	Сяшкан-сах	?	Шабур, сакмен	Шабур	Төр сахи
Кафтан	Сах- кевытнут	?	Сак	?	Сукман	?	?
Шуба	?	Колег, лёпы чоп, ач ни, тэгар ни, сак	Выл'и сах, выл'и сах	?	?	Сах, саккай	Сахи
Гусь (кумыш)	?	Куныш	Кусь, кувац	?	—	?	Пук куви, кувьсь
Гусь (кумыш) из сукна	—	Ной кумыш	Нуй кувьс, нуй кувац	—	Шабур, сакмен	Нуй кувиц	Нуй кувиц
Малица	Кэле, кэлз, kolley	Мальт'и, мопылси, кэле, кэлз, kolley	Моляси, моляня	—	?	Моляси	Моляси

Состав костюмного комплекса

Парха	—	—	Порха	—	—	Порха	Порха
Навершница	—	Мальты-коры	Моляси-кашас, малчанг кашас	—	?	?	Төр моляси
Лузан	—	?	?	—	—	Луз	Луз
Штаны	?	Ворып, ворыс	Кась	?	Йукарт	Маньсуп	Кась, маньсуп, эльсуп, ельсов
Женский пояс- поязка	?	Ворып, ворыс	Вэрып, сайм кел', топты кась	—	—	—	Кась
Пояс	?	Интып	Антып кел'	?	Ентып	Ентып	Ентып
Обувь: башмаковидная	?	Нир, поккы	Нир	?	Няра	Няра	Няра
поршневидная	—	Нюр нир	Нюкивей	—	—	?	Совья вай
камусная с со- юзками	—	Йарасан нир	Ёрн вей	—	Сохпир	Ёрн вай, вай	Ёрн вай, вай
Чулки: меховые	—	Кич	Кеж	—	?	Кесе	Кенс
суконные	?	?	Ханты вей	?	?	Маньси вай	Маньси вай
вязанные	?	Кич	Сэвуж вей, сэвау вей	?	Вой, вон	?	Хасау вай, ётыну вай
Платок	Охчам	Суминьных	Ухшам, ахшам	?	Орцянхар	Пужк пёр	Пужк пёр, тор
Шапка	?	Мол, мил	Мол, мил	?	?	Кент	Кент, тейт
Рукавицы	?	?	Пос, пас	?	?	Пасса	Пасса

сукна на протяжении рассматриваемого периода свидетельствует о существовании единой для всех групп хантов и манси традиции.

Материалы, из которых шились шубы, были разнообразны (см. табл. 7). В источниках XVIII в. упоминаются шубы из птичьих шкурок, оленьих шкур и меха пушных зверей [Георги, 1799, с. 70–71; Андреев, 1947, с. 98; Новицкий, 1999, с. 39; Зуев, 1999, с. 144]. Шубы из частей шкурок (лапок, ушек, хвостиков, спинок и т. п.) пушных зверей фиксировались в конце XIX — начале XX в. у хантов и северных и западных манси [Прыткова, 1953, с. 190–194; Лукина, 1985, с. 150; Источники..., 1986, с. 33]. У северных и восточных хантов, северных и западных манси альтернативу этим шубам составляли шубы из оленьего меха и с подкладкой из птичьих шкурок. Восточные (вероятно, и южные) манси, южные и восточные ханты носили шубы из овчины [Прыткова, 1953, с. 156; Федорова, 1994, с. 132]. Использование для шубы коровьей шкуры отмечено в середине XX в. у обских манси [Федорова, 1978, с. 201].

Общим для всех групп термином для обозначения халатов, кафтанов, шуб (распашной одежды) был *сах*, *сак* (X), *сӕхи* (M) (см. табл. 8). К этому слову добавлялось другое, обозначающее материал, из которого была сшита одежда: *най сах* (X), *нуй сахи* (MCC, MЛп, MBл) — ‘суконный сах’; *сяшкан-сах* (XC), *олпінтьх сак* (XB), *тор сахи* (MC) — ‘сах из ткани (холста, хлопчатобумажных тканей)’; *въл’и сах*, *въл’и сӕх* (XC) — ‘сах из оленьего меха (шуба)’; *шаш сах* (XC) — ‘сах из беличьих спинок’ и т. д. [Прыткова, 1953, с. 174, 177, 189–190; Лукина, 1985, с. 168; Федорова, 1994, с. 174, 181]. На то, что некогда *сак* обозначал всякую верхнюю распашную одежду хантов, указывает участие этого слова в образовании терминов *сахнир*, *сакпал* — ‘одежда’ [Прыткова, 1953, с. 229; Лукина, 1985, с. 169]. При этом Н.Ф. Прытковой было высказано предположение о единстве происхождения у хантов слова *сак* и *сов* — ‘шкура’ [1953, с. 229]. В соответствии с этим изначально *сак* представляется как верхняя распашная одежда из шкур. Однако использование в названии *сак* дополнительного слова, уточняющего материал, противоречит этому факту [Лукина, 1985, с. 169].

Таким образом, из этимологии слова *сак* трудно сделать заключение о том первичном виде материала, из которого изготавливалась эта одежда. Тем не менее распространенность этого термина, его связь с распашной одеждой, с одной стороны, и широкое бытование распашной одежды из ткани — с другой, позволяют предположить, что изначально *сак* — это верхняя плечевая одежда из какой-либо ткани. Подтверждением этому служит используемый восточными хантами для обозначения шуб формант *ни*, в то время как собствен-

но халаты из ткани обозначались *сак* [Лукина, 1985, с. 169]. Из этого ясно, что развитие шуб происходило на основе халатов, под которые надевали меховую подкладку.

У всех групп хантов с XIX в. (а у северных — с XVIII в.) фиксировалось использование мехового гуся — *кусь* (X), *куньш* (XB), *кувац* (XHo), сшитого из оленьих шкур, а у южных (иртышских, демьянских) — из собачьих [Патканов, 1894, с. 13, 1999, с. 51; Федорова, 2000б, с. 165]. У тромъеганских хантов в конце XX в. бытовали детские гуси из лебяжьих шкурок (КГКМ, № 036/7). Гусь из оленьих шкур — *пун кувац*, *кувьсь* (M), *шабур*, *сахмен* (MB) носили в конце XIX — начале XX в. северные, западные и восточные манси [Федорова, 1994, с. 132]. Его надевали поверх меховой одежды — малицы, иногда поверх шубы.

В это же время у всех групп манси, у северных и восточных хантов были в употреблении суконные гуси — *нуй кувац* (MCC, MЛп, MЛз), *нуй кувьсь* (XC), *нуй кувац* (XHo), *ной куньш* (XB), в названии которых *нуй* (M), *нуй*, *ной* (X) — «сукно» (см. табл. 8). Указание на применяемый материал свидетельствует о том, что сукно изначально не было характерно для этого вида одежды. Н.В. Лукина, рассматривая образование термина *куньш* у восточных хантов, не исключает его связи с названием шерсти медведя *кун* и общехантыйским обозначением одежды — *уш*, считая, что этот термин был заимствован мансийским населением у хантов [1985, с. 192]. В XX в. гуси также шили из хлопчатобумажных тканей и брезента, часто надевая их поверх другой плечевой одежды. Бытование гуся у манси связывается с культурой кочевого таежного и тундрового населения [Федорова, 1994, с. 214–215].

Малица и парка делались из оленьих шкур. Малица фиксировалась с XVIII в. у северных хантов, а с XIX в. у восточных, северных и западных манси, южных и восточных хантов, делались из оленьих шкур [Гондатти, 1888, с. 13–14; Прыткова, 1953, с. 150; Лукина, 1985, с. 46; Федорова, 1994, с. 125, 131; Алквист, 1999, с. 36–37; Новицкий, 1999, с. 39; Зуев, 1999, с. 144; Патканов, 1999, с. 51]. Парку использовали в XVIII–XX вв. северные ханты [Зуев, 1999, с. 144; Прыткова, 1953, с. 153–154], в XIX–XX вв. она бытовала у северных и западных манси [Гондатти, 1888, с. 13–14; Федорова, 1994, с. 129–131]. В отличие от парки, которую шили исключительно из оленьих шкур, на малицу в некоторых случаях шили и шкуры других животных (см. табл. 7). Так, фольклорные материалы содержат сведения о хантыйских малицах из медвежьих и лосиных шкур [Патканов, 1999, с. 292–293]. Обские манси, кроме того, шили малицы из собачьих шкур, комбинировали олений мех с овчиной [Федорова, 1994, с. 122]. У северных и восточных хантов в XX в. отмечено бытование детской малицы из птичьих шкурок [Соколова, 1972, с. 46; Лукина, 1985,

с. 46]. Таким образом, варьирование используемого материала для малицы происходило в рамках одной группы — меха. Это свидетельствует о том, что такая одежда изначально была меховой.

Происхождение парки связывают с культурой таежных охотников на крупных копытных, а малицы — с тундровым оленеводческим комплексом, не исключая при этом формирование последней в рамках культуры древних уральцев [Прыткова, 1961а, с. 228; Федорова, 2000г, с. 246–247].

С районами бытования малицы совпадает и территория, где население носило наверхницу, или так называемую маличную рубаху. Ее надевали поверх малицы в конце XIX–XX в. северные и восточные ханты, северные и западные манси [Прыткова, 1953, с. 152; Лукина, 1985, с. 194; Федорова, 1994, с. 129]. Для изготовления наверхницы в XIX–XX вв. применяли хлопчатобумажные ткани или сукно (см. табл. 7). Приоритетное использование тканей отражено в названии наверхницы — *tõr молсан* (МСс, МЛп), *молси-кашас* (ХС), *мальты-коры* (ХВ), *кашас* (ХНо), где мансийское *tõr* соответствует обозначению ткани, а хантыйское *кашас* соотносится с матерчатым верхом как шубы, так и малицы [Лукина, 1985, с. 194] (см. табл. 8).

Происхождение наверхницы у обских угров остается неясным. Высказывалась точка зрения о том, что она заимствована у коми [Лашук, 1958, с. 156]. По мнению Н.В. Лукиной, у восточных хантов наверхница сформировалась на основе традиции изготовления матерчатого покрытия для распашной одежды [1985, с. 194]. Е.Г. Федорова, отмечая сходство наверхниц с туникообразными рубахами и халатами, предполагает ее самостоятельное происхождение, а ношение поверх малицы считает обычаем, заимствованным у коми [1994, с. 129]. Думается, что рассмотрение этого вопроса необходимо продолжить в направлении поиска параллелей с учетом специфических функций, которые выполняла эта одежда.

К наиболее простой одежде, восходящей к куску шкуры или ткани, накинутому на плечи, относится *лузан* — *лус* (МС), *луз* (МЗ), известный в конце XIX — начале XX в. у северных хантов, северных и западных манси [Лукинский, 1872, с. 9; Глушков, 1900, с. 26; Симченко, 1976, с. 175; Федорова, 1994, с. 138]. Манси используют лужан и в настоящее время, делая его из сукна или плотной ткани. Ханты шили лужаны из оленьей шкуры (см. табл. 7). Единичные случаи применения для лужана меха зафиксированы у западных манси [Федорова, 1994, с. 140]. Сравнительный анализ названий лужана и подобной одежды сибирских и европейских финноязычных народов показал, что сам термин зародился в языке палеосибирского населе-

ния, основу хозяйственной деятельности которого составляли охота и рыболовство [Там же].

Завершая обзор плечевой одежды обских угров, можно отметить, что к числу *общераспространенных* видов относятся рубахи из ткани, халаты и кафтаны из ткани, сукна, а также шубы. Эта одежда существовала на протяжении всего изучаемого периода. *Локально* применялись гуси, малицы, парки, лужаны, которые фиксируются у отдельных групп в разное время.

Плечевую одежду подпоясывали, однако это было не обязательным для всех групп [Федорова, 2000г, с. 255]. Кроме того, ношение поясов характерно не для всех видов плечевой одежды, что, по-видимому, обусловлено их функциональной нагрузкой. Тем не менее выявляется определенное взаимодействие между покроем, архитектурной украшений одежды и использованием пояса, что можно проследить на основе тех видов одежды, которые носили без пояса. Так, среди верхней одежды без пояса надевались парка и меховой гусь, женские суконные кафтаны (южные и среднеобские ханты, восточные манси) и туникообразные халаты (южные, среднеобские, восточные (салымские) и северные ханты, северные манси).

Пояс. Это один из древних элементов костюма, выполняющий ряд функций, от которых зависели его форма и материал. В источниках XVIII в. сведений о поясах обских угров нет. В XIX–XX вв. бытовали четыре типа поясов — кожаные, суконные, плетенные или тканые из шерстяных ниток и сплетенные из бисера (табл. 9). Каждый тип представлен локально бытовавшими вариантами.

Наиболее распространенным был пояс из кожи, который фиксировался в XIX–XX вв. практически у всех групп обских угров [Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 157–160, 165; Лукина, 1985, с. 49–50, 196; Федорова, 1994, с. 142; Дунин-Горкавич, 1996, с. 77, 79; Сязи, 2000, с. 24]. Такие пояса представляли собой широкую (8–10 см) или узкую (3–5 см) полосу из кожи. Длина их соответствовала размерам талии, а концы соединялись металлической или костяной пряжкой (см. цв. вкл., рис. 8, а). Кожаные пояса по способу украшения подразделяются на три основных варианта. Первый характеризуется ажурными металлическими или костяными накладками над местом подвешивания ножен и футляра для точильного бруска, второй — сплошными рядами металлических пуговиц, третий обтягивается сукном с нашитой на него плетеной бисерной полосой [Федорова, 1994, с. 142]. К поясу было принято прикреплять амулеты (медвежьи клыки), ножны, футляр с оселком, пороховницу, небольшие мужские сумочки для хранения мелких предметов (иглол, ниток и т. п.).

Таблица 9

Типы поясов	Ханты				Манси			
	южные (до нач. XX в.)	восточ- ные	север- ные	сред- необ- ские	южные (до кон. XIX в.)	восточ- ные (до нач. XX в.)	запад- ные	север- ные
Кожаный	+ (М)	+ (М, Ж)	+ (М)	+ (М)	?	+ (М)	+ (М)	+ (М)
Из ткани или сукна:								
короткий на же- стой основе	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (Ж)	?	?	?	-	-
длинный широ- кий	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (М)	?	?	?	?	?
длинный с под- весками на кон- цах	+ (Ж)	+ (Ж)	-	?	+ (Ж)	?	?	?
Длинные тканые или плетеные:								
с кистями	+ (Ж)	+ (М, Ж)	+ (М, Ж)	?	?	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (М, Ж)
с металлическим кольцом	?	?	+ (М, Ж)	?	-	-	?	?
Короткий из бисера	-	+ (Ж)	?	?	?	-	-	?

Примечание. В табл. 9-15: М — мужская одежда, Ж — женская, Д — детская.

Пояса из ткани или сукна представлены тремя вариантами. К первому относятся короткие пояса на твердой подкладке (в том числе из бересты), украшенные нашитыми пуговицами, бисером. Концы пояса соединялись при помощи пуговиц и прорезных петель, пряжки. Иногда к поясу пришивались трубчатые игольники и крепитки для ниток, а также металлические украшения. Такие пояса фиксировались у восточных и северных хантов в конце XIX—XX в. [Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 195; Лукина, 1985, с. 196; Дунин-Горкавич, 1996, с. 79] (см. табл. 9).

Второй вариант бытовал у восточных хантов в XVIII—XX вв. и представлял собой длинную и широкую полосу ткани или сукна, которую иногда обшивали кантом [Лукина, 1985, с. 49, 195; Тахтуева, 1993, с. 10] (см. табл. 9). Способы крепления длинных поясов менялись в зависимости от пола владельца. Пояса обматывались несколько раз вокруг талии, у мужчин концы завязывались спереди, у женщин — сзади или сбоку, а также затыкались за пояс на некотором расстоянии друг от друга по бокам [Лукина, 1985, с. 49–50; Федорова, 2000б, с. 168]. Рассматривая их происхождение и отмечая сходство с алтайскими, Н.В. Лукина предполагает, что такие пояса у угров и тюрков появились под влиянием монголов, а существующее многообразие способов подвязывания женского пояса у восточных хантов объясняется тем, что «он не был выработан в перво-

истоках — у монгольских женщин, которые в прошлом одежду не подпоясывали» [1985, с. 198].

Третий вариант — длинные узкие пояса из ткани или сукна, концы которых украшались бисерными кистями и подвесками из бус и металлических бляшек. Они применялись в качестве женских у южных и восточных хантов в конце XIX — начале XX в. [Алквист, 1999, с. 166]. По некоторым данным, пояса из хлопчатобумажной ткани бытовали у южных манси [Федорова, 1994, с. 145].

Широко были распространены также плетенные или тканые из шерстяных ниток длинные пояса (шириной 2–4 см). В конце XIX — начале XX в. они были в обиходе у южных, северных и восточных (салымских и васюганских) хантов, восточных, северных и западных манси [Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 157–160, 165; Лукина, 1985, с. 49–50, 195–196; Тахтуева, 1993, с. 10; Федорова, 1994, с. 144–145; Дунин-Горкавич, 1996, с. 77, 79; Алквист, 1999, с. 166; Сязи, 2000, с. 24] (см. табл. 9). Пояса этого типа различаются по способам украшения и крепления. В конце XIX — начале XX в. у южных и восточных (салымских и васюганских) хантов они повязывались, по всей видимости, как и матерчатые пояса и имели на концах украшения в виде бисерных лент, металлических подвесок, низок бисера и бус [Шульц, 1924, с. 181; Лукина, 1985, с. 50; Vahter, 1953, Taf. 109, Abb. 109: 1]. Концы плетенных поясов северных хантов и манси в конце XX в. оформлялись шерстяными кисточками. Часто такие пояса покупали у коми-зырян [Федорова, 1994, с. 145; Рындина, 1995, с. 257].

Особо можно выделить плетенные или тканые пояса северных хантов с шерстяными кисточками на концах и с металлическим кольцом, которое крепилось к середине пояса и через которое затягивались его вдвое сложенные концы. Отмечается сходство этих поясов с ненецкими [Прыткова, 1953, с. 194; Лукина, 1985, с. 196] (см. табл. 9).

Последний тип пояса представляет сплетенную из бисера ленту, соответствующую по длине размерам талии (см. цв. вкл., рис. 8, б). Концы пояса соединяются посредством металлической пряжки. Бисерные пояса фиксируются у восточных хантов во второй половине XX в. Вероятно, они сформировались на основе короткого пояса из ткани с жесткой прокладкой.

Происхождение плетеного пояса связывается с периодом финно-угорского, а возможно, и финноугро-самодийского единства, кожаного — с культурой тюрков-кочевников, а пояса из ткани — со степным населением, пришедшим на Север приблизительно в середине I тысячелетия до н. э. [Лукина, 1985, с. 196, 198; Федорова, 1994, с. 142–145, 2000г, с. 255–256; Tschernozov, 1974, S. 315]. Одинаковое

обозначение поясов у хантов и манси — *антэп кел'* (Х), *интып* (ХЮг), *энтап* (МСс, МЛп, МОб, МЛз), *ентэп* (МЮк) подтверждает древнюю традицию использования поясов. Вместе с тем в нем не заложена информация об изначальном материале, применяемом для их изготовления (см. табл. 8).

Необходимо отметить существование в конце XIX — XX в. у восточных и северных хантов, северных манси специального нательного пояса для подвязывания обуви и чулок. Он представлял собой либо кожаный ремешок, либо веревочку и закреплялся непосредственно на теле (или поверх штанов) под плечевой одеждой. Подобными поясами фиксировали высокую меховую обувь ненцы и коми-зыряне (ПМА, 1991, 1998 гг.). Локальность бытования этого предмета у обских угров и его преимущественное применение в сочетании с обувью из оленьих камусов, характерной для тундрового оленеводческого населения, могут свидетельствовать о его формировании в среде оленеводов.

Поясная одежда. У хантов и манси она представлена женским поясом-повязкой, штангами и юбкой. Из них женский пояс-повязка относится к наиболее архаичным элементам костюма. У северных хантов он отмечался с XVIII в., у восточных хантов и северных манси — с конца XIX — начала XX в. [Гондатти, 1888, с. 11; Прыткова, 1953, с. 167; Лукина, 1985, с. 37; Зуев, 1999, с. 189]. Предполагается, что в прошлом пояс-повязка был распространен на территории проживания обских угров более широко [Прыткова, 1953, с. 167; Федорова, 2000г, с. 249] (табл. 10). Основными материалами для него служили

Таблица 10

Поясная одежда обских угров

Виды, типы поясной одежды	Ханты				Манси			
	южные (до нач. XX в.)	восточные	северные	среднеобские	южные (до кон. XIX в.)	восточные (до нач. XX в.)	западные	северные
Женский пояс-повязка	+	+	+	+	?	?	?	+
Штанги (тип):								
I (натазники)	+ (М, Ж)	+ (М, Ж)	+ (М, Ж)	+	?	?	+ (М)	+ (Ж)
II	+ (М)	+ (М)	?	+ (М)	?	?	?	?
III	?	+ (М)	?	?	?	?	?	?
IV	?	+ (М)	+ (Д, М)	+ (Д, М)	?	?	?	?
Штанги с нагрудником	-	-	-	-	-	-	-	+ (Ж)
Юбки	+ (Ж)	+ (Ж)	?	?	?	+ (Ж)	-	-

Рис. 1. Оформление полосами мозаики женской шубы из оленьих шкур. Северные манси, вторая половина XX в. (БИКМ, б/н) (фото автора).

Рис. 2. Вышивка шерстяными нитками на подоле женских рубах. Южные ханты, конец XIX — начало XX в. (ТГИАМЗ, б/н) (фото Н.А. Повод).
а, б — перед; в — спинка.

Рис. 3. Фрагменты одежды, украшенной аппликацией, вторая половина XX в. (фото автора).

а — мужская рубаха, северные манси (БИКМ, № 383); б — женский халат, северные ханты (БИКМ, № 1220).

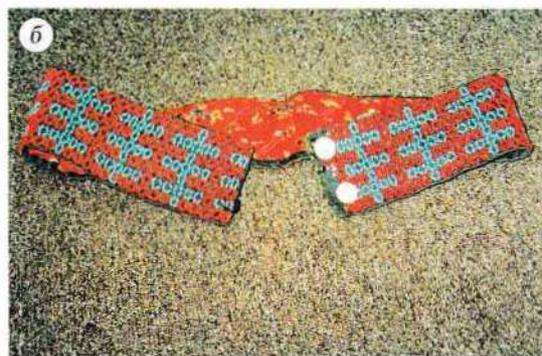

Рис. 4. Предметы одежды, украшенные бисером. Восточные (трюмьеганские) ханты, вторая половина XX в. (фото автора).
 а — рубаха-платье (КГКМ, № 570); б — пояс (КГКМ, № 006/3); в — рукавицы (КГКМ, № 104).

Рис. 5. Приемы украшения одежды бисером. Восточные ханты, р. Трюмьеган, вторая половина XX в. (фото автора).

а — вышитая бисером лента для суконных халатов и шуб (КГКМ, № 273); б — фрагмент носового, вышитой бисером на женском платье; в — фрагмент полы женской шубы, украшенной плетеной из бисера лентой; г — лента, сплетенная из бисера на основе 18 (16) нитей (КГКМ, № 013/1).

Рис. 6. Женские коробки из пихтовой коры для хранения рукоделия (а) и мужская сумка (б). Восточные (юганские) ханты, ст. Ярсино Уватского района Тюменской области, 1999 г. (фото автора).

Рис. 7. Изготовление сухожильных ниток. Восточные ханты, пос. Варьеган Нижневартовского района Тюменской области (фото автора).
а — скручивание на щеке; б — вытягивание.

Рис. 8. Пояса, вторая половина XX в.

a — мужской, из кожи, северные манси, р. Ляпин (фото Н.А. Повод); *б* — женский, вышитый бисером, восточные ханты, р. Тромъеган (КГКМ, № 123) (фото автора).

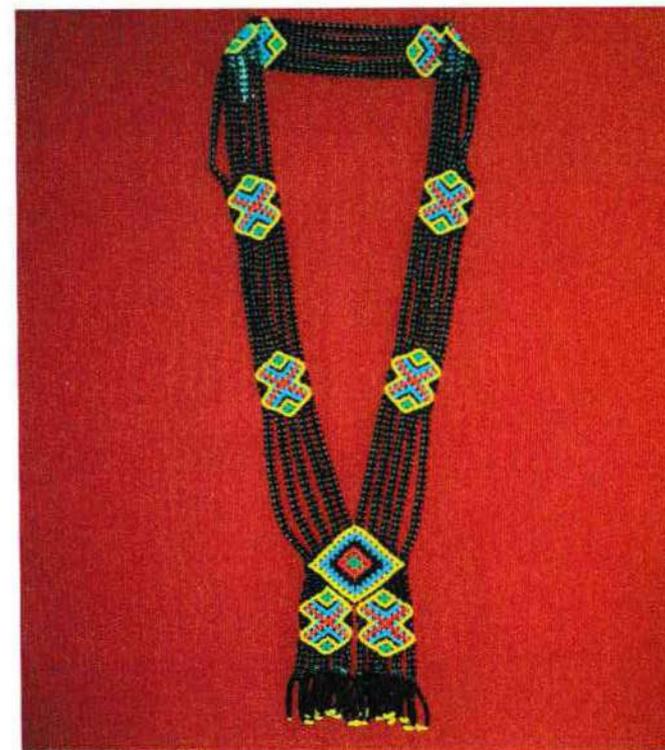
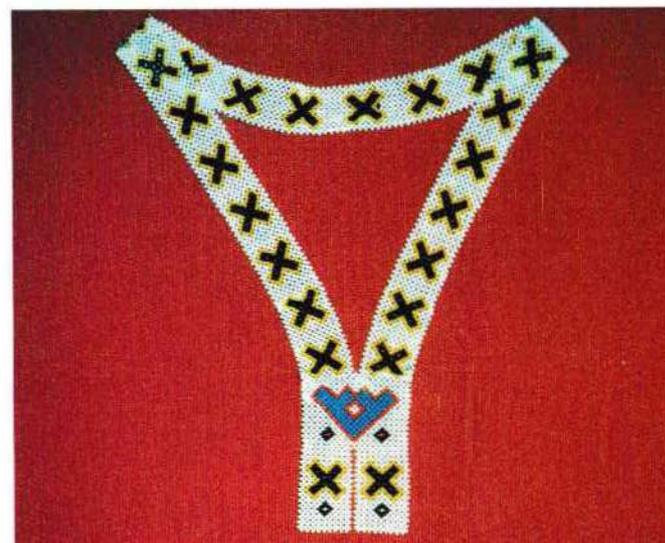

Рис. 9. Современные нагрудные украшения восточных хантов (фото автора).

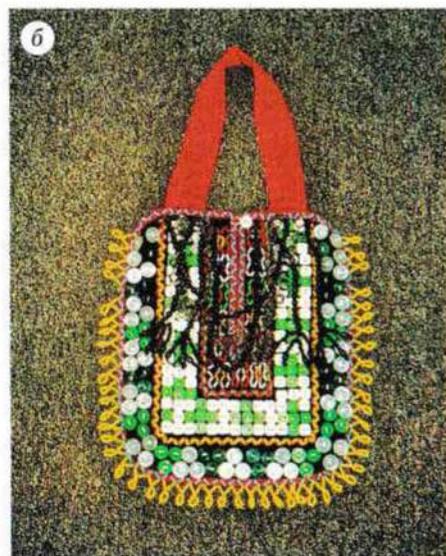

Рис. 10. Женские шейно-нагрудные украшения.

a — северные ханты, пос. Саранпауль Березовского района Тюменской области, вторая половина XX в. (фото Ю.А. Речкаловой); *б, в* — восточные ханты, р. Тромъеган, конец XX в. (КГКМ, № 550, 565) (фото автора).

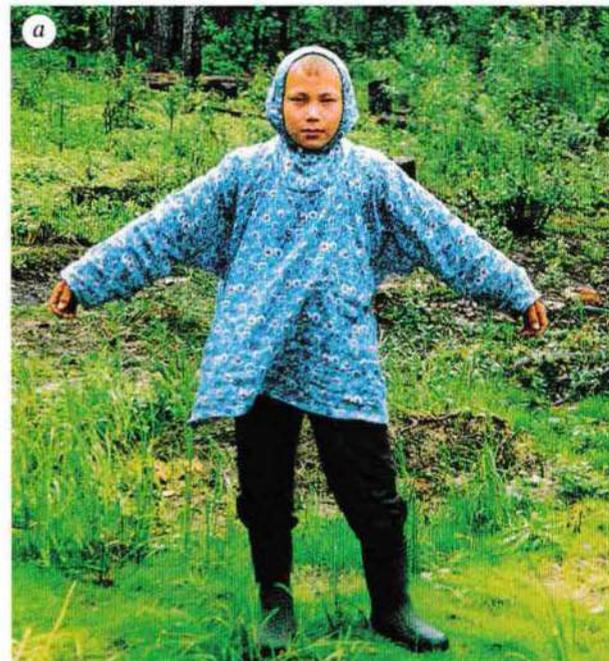

Рис. 11. Одежда глухого типа.

a — мальчик в гусе из ситца, восточные ханты, р. Аган, 2002 г. (фото автора); *б* — парка из оленьей шкуры (вид сзади), северные манси, р. Ляпин, 1991 г. (фото Н.А. Повод).

Рис. 12. Вышитые рубахи из холста (а — перед, б — спинка)
(фото Н.А. Повод).

1 — туникообразного покроя, женская, южные ханты (ТГИАМЗ, № 7110); 2 — с полниками, мужская, восточные (?) ханты (ТГИАМЗ, № 7260), конец XIX — начало XX в.

Рис. 13. Верхняя женская распашная одежда восточных хантов, р. Демьянка, Уватский район Тюменской области, 1999 г. (фото автора).

а — халат; б — шуба.

Рис. 14. Женские шубы восточных хантов, конец XX в. (фото автора).
 а — суконный сак на меховой подкладке (КГКМ, № 518); б — сак из оленьего меха (КГКМ, № 517), р. Тромъеган.

Рис. 15. П.Е. Кинямин в шубе из белчиных шкурок, р. Большой Юган, 1988 г. (фото Н.А. Повод).

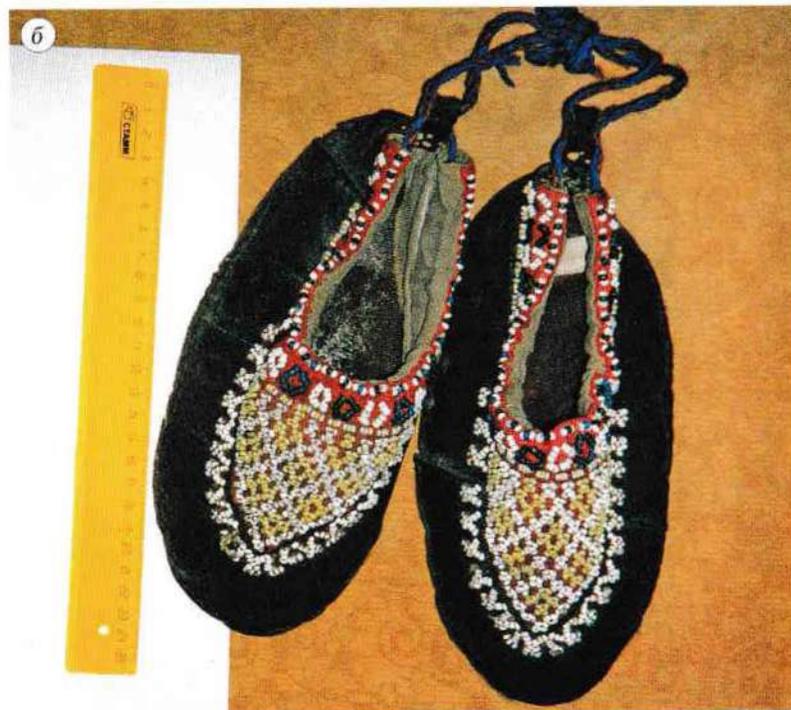

Рис. 16. Женские чирки.

а — южные ханты, конец XIX — начало XX в. (ТГИАМЗ) (фото Н.А. Повод); б — северные ханты, вторая половина XX в. (БИКМ, № 1833) (фото автора).

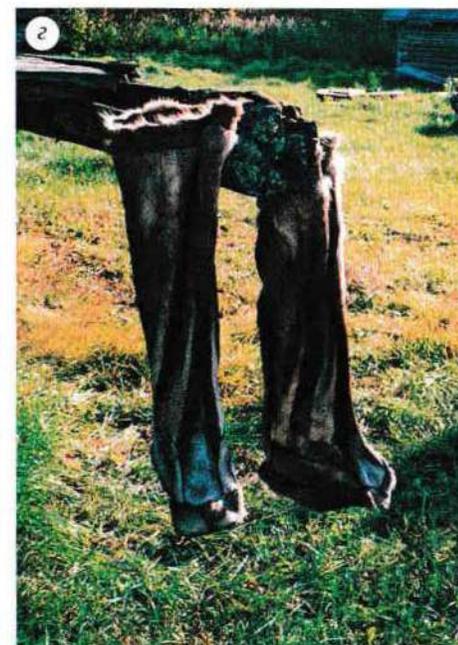
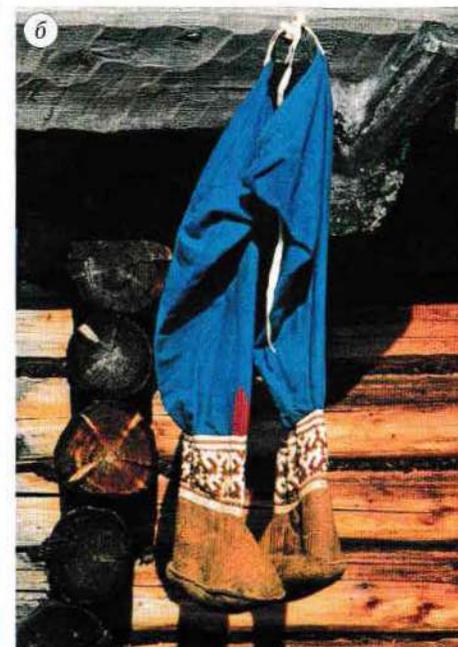
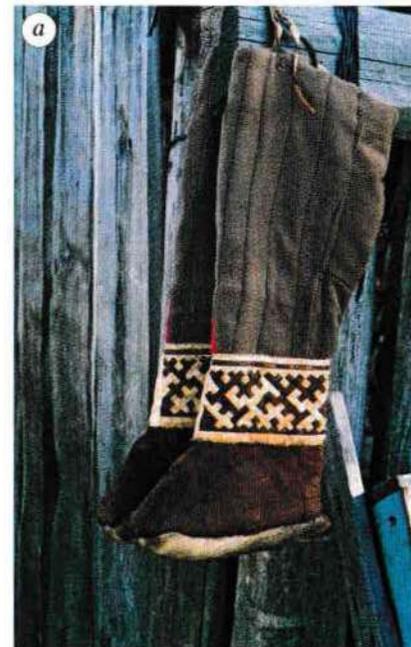

Рис. 17. Обувь восточных хантов, 1999 г. (фото автора).

а-в — башмаковидная женская; г — камусная с союзками, р. Демьянка.

Рис. 18. Женский костюм северных хантов, пос. Саранпауль Березовского района Тюменской области, 1991 г. (фото Ю.А. Речкаловой).

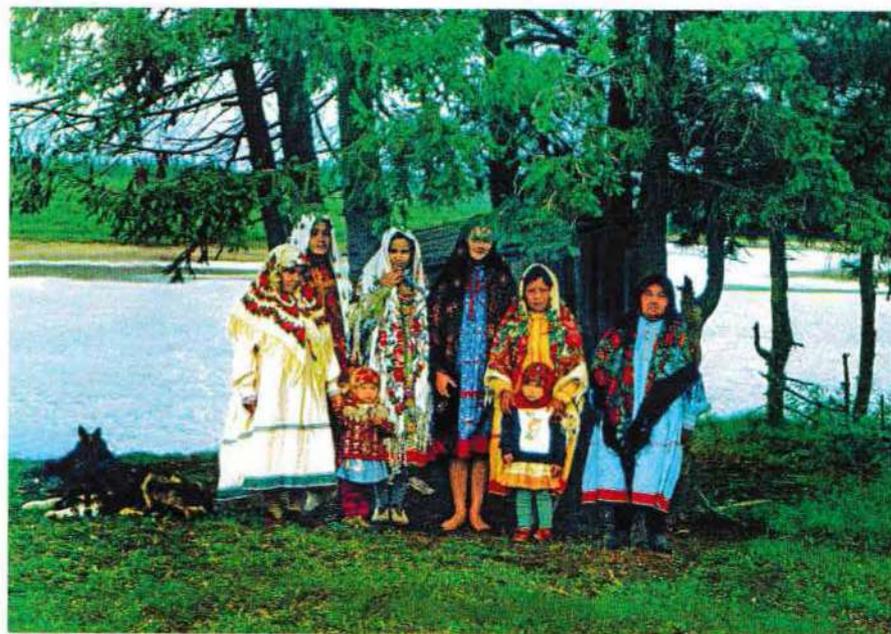

Рис. 19. Мансийские женщины в традиционной одежде, д. Ясунт Березовского района Тюменской области, 1991 г. (фото Ю.А. Речкаловой).

Рис. 20. Традиционный костюм восточных (правобережных) хантов, пос. Русскинские Сургутского района Тюменской области, 1990 г. (фото Н.А. Повод).

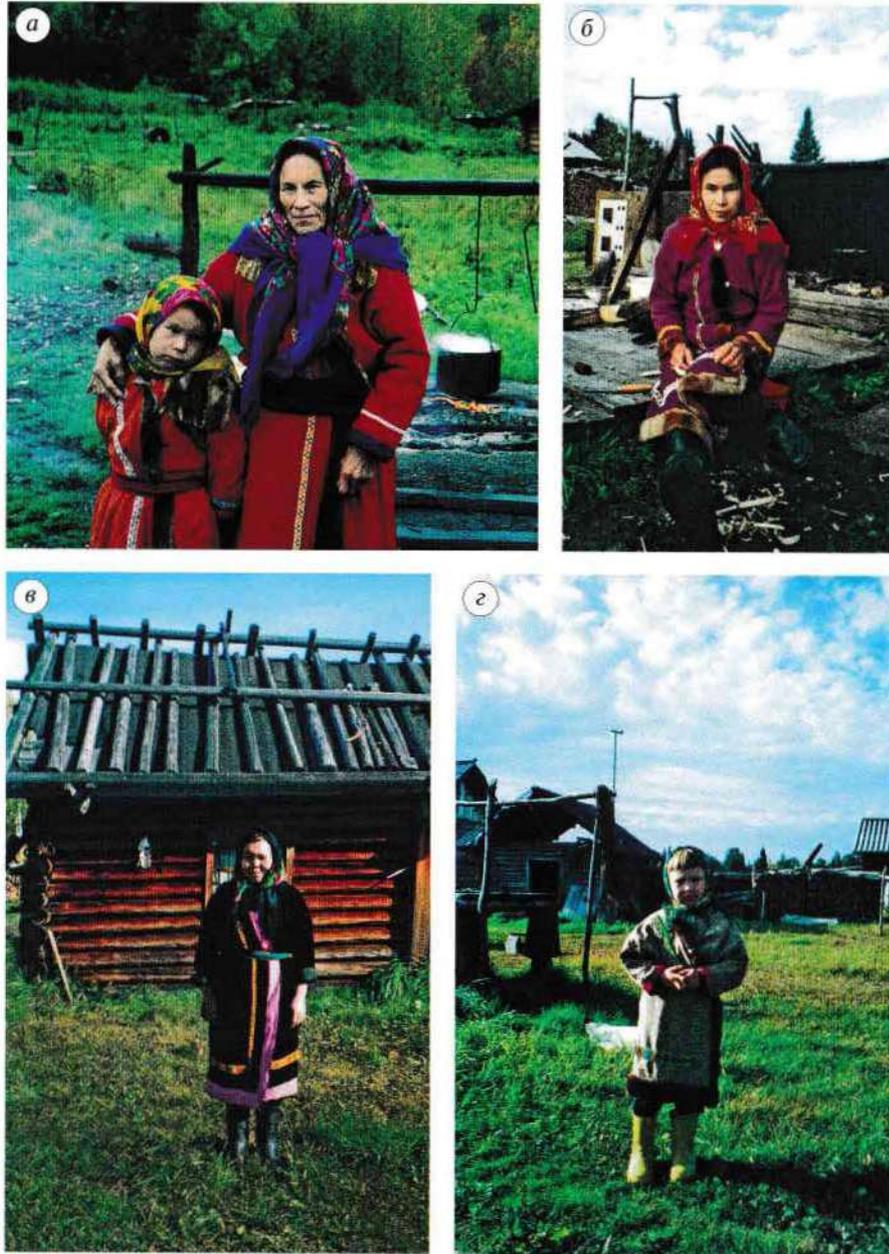

Рис. 21. Традиционный костюм восточных (юганских) хантов, 1999–2000 гг. (фото автора).

а — Анна Когончина с внучкой, ст. Усть-Урна; б — Мария Ярсина; в — Галина Ярсина; г — Зоя Ярсина, ст. Ярсино Уватского района Тюменской области.

кожа, сукно и хлопчатобумажные ткани (см. табл. 7). Кроме того, хантыйские женщины применяли бересту, что нашло отражение в описательном названии пояса — *тонты кась* ‘берестяные штаны’, а северные манси — покупные коровьи и конские шкуры [Гондатти, 1888, с. 11; Прыткова, 1953, с. 167–168]. Его обозначение варьировалось в пределах двух основных слов: *кась* — у манси и *вэрып* — у хантов (см. табл. 8). Оба эти термина использовались и для обозначения штанов. Упоминание этой детали женского костюма в фольклорных материалах, использование бересты, техника и сюжет орнаментации на поясе указывают на происхождение этого вида одежды в среде оседлого таежного охотничьего и рыболовческого населения [Прыткова, 1953, с. 168; Лукина, 1985, с. 155–156; Федорова, 1994, с. 214].

Штаны шили из рыбьей кожи, ровдуги, оленьих шкур, домотканого полотна, хлопчатобумажных тканей (см. табл. 7). Штаны из ровдуги и рыбьей кожи как часть мужского костюма фиксировались с XVIII в. [Георги, 1799, с. 70; Прыткова, 1953, с. 144; Зуев, 1999, с. 144]. У вогулов, по всей видимости, этот вид одежды также попадал под определение «русский», из чего можно заключить, что шили их из ткани [Георги, 1799, с. 62; Лепехин, 1814, с. 28]. В XIX — начале XX в. практически у всех групп были распространены штаны из ткани, а у северных и западных манси, северных и восточных хантов — из оленьих и лосиных шкур, ровдуги. В XX в. стали носить покупные штаны.

Название штанов — *кась* (МСс), *кась* (ХС) — одинаково лишь у северных групп хантов и манси (см. табл. 8). У манси помимо этого существовали такие термины, как *маньсуп* (МЛп, МСс, МОб, МЛз), *ёлысуп*, *елысов* (МСс), *йукарт* (МЮк) [Федорова, 1994, с. 119]. Необходимо отметить, что слово *кась* использовалось для обозначения нижней поясной одежды у всех финно-угорских народов [Федорова, 1994, с. 160; Kalman, 1961, S. 179–180].

У восточных хантов все виды набедренной одежды назывались *ворып*, *ворыв*, что соответствовало названию женского пояса-повязки у других групп и позволило предположить развитие штанов от пояса-повязки [Лукина, 1985, с. 155–157]. В целом разнообразие используемых для штанов обозначений и материалов может свидетельствовать в пользу нескольких путей формирования этого вида одежды у обских угров.

Юбки и фартуки как элементы костюма имели весьма ограниченный ареал бытования (см. табл. 10). В конце XIX — начале XX в. у салымских хантов женщины носили юбки, сшитые из ткани со сборками у пояса, и фартуки без нагрудника [Шульц, 1924, с. 180; Федо-

рова, 2000б, с. 176; Сирелиус, 2001, с. 62, рис. 39, 40]. Такие юбки имели также южные ханты и восточные манси [Прыткова, 1953, с. 174, рис. 54, с. 175, рис. 55].

Обувь. У обских угров выделяются башмаковидный (чирки с голенищем и без), поршневидный (поршни с голенищем) типы обуви, а также башмаковидный тип с союзками и голенищем.

Для изготовления фиксировавшейся с XIX в. у всех групп обских угров головок обуви (чирков) — *нир* (X), *няра* (M) использовали ровдугу и кожу. Последняя чаще всего была покупной. Альтернативными материалами в зависимости от сезона и назначения выступали лосиные, оленьи, коровьи и лошадиные шкуры, а для голенищ — ровдуга, сукно, холст (см. табл. 7). У восточных хантов зафиксирована обувь этого типа из шкурок гагары, оленьих и медвежьих камусов [Лукина, 1985, с. 204, 207]. В XX в. головки чирков стали шить из кожезаменителя, а голенища — из ткани, в том числе из брезента и синтетических материалов.

Рассматривая традицию использования комбинированных материалов для изготовления этого типа обуви у народов Сибири, Г.М. Василевич считала это свидетельством происхождения чирка с голенищем от просто чирка (без голенища) и связывала его формирование с охотниками-рыболовами Верхнего Приобья и территории, прилегающей к верхнему течению Енисея [1963, с. 58]. Соглашаясь с этим выводом, Н.В. Лукина подчеркивает, что обувь типа чирков зародилась южнее территории современного расселения хантов [1985, с. 205]. У обских угров «классическим» вариантом этой обуви признаются чирки из кожи и без голенища, соотносимые с «этническим компонентом, который вошел также в состав финно-угорских народов Среднего Поволжья и Среднего Приуралья» [Федорова, 2000г, с. 251]. На кожу как первичный материал для этой обуви указывает происхождение самого термина *нир*, *няра*, который на основе параллелей в коми и удмуртском языках возводится к общепермскому *n'ar* [Там же, 1994, с. 149].

По этнографическим источникам, территория распространения поршневидной обуви имела более узкие границы (табл. 11). У северных хантов она фиксировалась с XVIII в., у восточных (правобережных) хантов, северных и части западных манси — в XIX–XX вв. [Прыткова, 1953, с. 160; Лукина, 1985, с. 53; Федорова, 1994, с. 149; Зуев, 1999, с. 144]. Предполагается, что она бытовала также у южных хантов, южных и восточных манси, т. е. использовалась на всей территории проживания обских угров [Федорова, 2000г, с. 253].

Таблица 11

Тип обуви и чулок	Ханты				Манси		
	кожные (до нач. XX в.)	восточные	северные	среднеобские	кожные (до кон. XIX в.)	Манси	
						восточные (до нач. XX в.)	западные
С низкой головкой: из кожи, без голенища из шкуры, без голенища с длинным голенищем с вставкой между головкой и голенищем с коротким голенищем С высокой головкой: без голенища с голенищем с голенищем и союзкой	+	(M, Ж) ? ?	+	(M, Ж) ? ?	?	+	(M, Ж) ? ?
	?	(M, Ж) ? ?	+	(M, Ж) ? ?	?	+	(M, Ж) ? ?
С перекрестной шнуровкой С затягиванием над пальцами	?	(M, Ж) ?	+	(M, Ж) ?	?	+	(M, Ж) ?
С двумя рядами союзок С одним рядом союзок	-	(M, Ж) +	+	(M, Ж) +	-	+	(M, Ж) +
Меховые Суконные, ровдужные Вязанные из шерстяных ниток	?	(M, Ж) +	+	(M, Ж) +	-	+	(M, Ж) +
	+	(Ж)	+	(Ж)	?	+	(Ж)

Обувь и чулки обских угров

ОБУВЬ

Башмаковидная

Поршневидная

Камусная с союзками

ЧУЛКИ

Голенище поршневидной обуви делалось из ровдуги, а для подошвы-поршня употребляли ровдугу, лосиные, оленьи, коровьи и конские шкуры (см. табл. 7). Не исключена возможность применения в прошлом и рыбьих кож [Федорова, 2000г, с. 253]. Приоритетное использование ровдуги для изготовления такой обуви обозначено в ее названии — *нюкивей* (ХС), *нюр нир* (ХВ), *совья вай* (М), где *нюки*, *нюр*, *совья* — ‘ровдуга, замша’ (см. табл. 8).

Изучение особенностей поршневидной обуви у народов Сибири позволило Г.М. Василевич прийти к заключению о зарождении ее в среде горных пеших охотников [1963, с. 54]. Исследования обуви восточных хантов показали, что этот тип мог сформироваться у палеосибирского населения, в хозяйстве которого наряду с охотой важное значение имело рыболовство [Лукина, 1985, с. 204]. Отмечается также, что использование ровдуги предусматривало наличие оленеводства, в культурном комплексе которого такая обувь была преимущественно летней [Федорова, 2000г, с. 254].

С XVIII в. у северных хантов, а с XIX в. у восточных (правобережных) хантов, западных, северных и восточных манси фиксировалась башмаковидная обувь с союзками, сшитая из камусов оленя [Гондatti, 1888, с. 12; Прыткова, 1953, с. 160; Лукина, 1985, с. 57; Федорова, 1994, с. 152; Зуев, 1999, с. 144]. Г.М. Василевич считала ее заимствованной обскими уграми у ненцев [1963, с. 59]. Это отражено в ее названии у северных групп хантов и манси — *ёрн вай* (МС), *ёрн вей* (ХС), *йараган нир* (ХЮг) — ‘ненецкая обувь’ (см. табл. 8). Вместе с тем изучение обуви восточных хантов показывает, что в ее формировании могла принимать участие и эта группа хантов [Лукина, 1985, с. 211].

Помимо основных описанных выше типов обуви у некоторых групп использовались и другие. В XX в. широкое распространение получила обувь из камусов длиной до колена и ниже — *бурки*, а также длинные *бродни* из кожи [Прыткова, 1953, с. 165; Федорова, 1994, с. 185].

В способах крепления обуви можно отметить следующие традиции. Повсеместно поршневидная обувь помимо крепления на стопе имела ровдужные ремешки, пришитые спереди к краю голенища, при помощи которых она привязывалась к кольцам на натальном поясе или штанах [Прыткова, 1953, с. 161; Лукина, 1985, с. 53; Федорова, 1994, с. 149]. Таким же образом крепилась и камусная обувь с союзками. У восточных хантов использовались для крепления обуви специальные мужские подтяжки из двух перекрещивающихся на груди и спине ремешков [Лукина, 1985, с. 58]. Рассматривая

традиции крепления обуви, Н.В. Лукина относит подтяжки и кольца для подвязывания обуви к элементам степного кочевнического быта, а прикрепление обуви к поясу полагает субстратной чертой сибирского происхождения [1985, с. 212].

Кроме того, у северных манси, северных и восточных хантов камусную обувь подвязывали под коленом специальными подвязками — *шашкел* (ХС), которые плели из шерстяных ниток или делали из кожаных ремней, полос ткани [Там же, с. 58; Сязи, 2000, с. 29] (ПМА, 1991 г.). Башмаковидную обувь с голенищем подвязывали северные и западные манси, обматывая ее от щиколотки до колена, и восточные ханты — под коленом [Лукина, 1985, с. 55; Федорова, 1994, с. 148].

Чирки носили с вязаными чулками и чулками из сукна, ровдуги, а обувь с союзками — с меховыми чулками, сшитыми ворсом внутрь (см. табл. 7). Зафиксированные у восточных манси чулки из конского волоса, а также чулки из простеганной ткани восточных хантов соотносятся со скотоводческой культурой [Федорова, 2000г, с. 255]. Повсеместно были распространены стельки из сухой травы. Надевание чулок внутрь верхней обуви, а также использование стелек из травы Н.В. Лукина считает южносибирской традицией [1985, с. 213].

Суконные чулки — *ханты вей* (ХС), *манси вай* (МС) применялись в XIX — начале XX в. северными хантами, западными и северными манси [Прыткова, 1953, с. 161; Федорова, 1994, с. 146] (см. табл. 11). По-видимому, у этих же групп бытовали и ровдужные чулки. В источниках XVIII в. у остяков упоминаются чулки из рыбьей кожи [Лукина, 1985, с. 213; Новицкий, 1999, с. 38].

Вязанные из разноцветных шерстяных ниток чулки — *кинч* (ХВ), *сэвум вей*, *сэвау вей* (ХС), *вой*, *вон* (МВ), *хасау вай*, *ётлыу вай* (МС) носили с чирками в XIX–XX вв. южные, северные и восточные ханты, а также северные и восточные манси [Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 197; Лукина, 1985, с. 55; Федорова, 1994, с. 152] (см. табл. 11). При этом чулки с вывязанным горизонтальными полосами орнаментом приспускали и собирали в складки. Манси надевали поверх вязаных чулок и суконные, закрепляя их над коленом завязками [Федорова, 1994, с. 185]. Использование вязаных чулок у восточных хантов Н.В. Лукина связывает с южносибирской традицией и не исключает русского влияния [1985, с. 213].

В XVIII в. северные ханты носили с меховыми чулками башмаковидную обувь из камусов [Зуев, 1999, с. 144]. У других групп, имевших такую обувь, чулки фиксировались более поздними источниками. В обозначении меховых чулок у хантов и манси — *кинч* (ХВ),

кеж (ХС), кенс (МС) — обнаруживается единство, свидетельствующее об общих корнях [Федорова, 1994, с. 153] (см. табл. 8).

Головной убор. В костюмном комплексе обских угров головные уборы представлены налобными повязками, венцами, платками, косынками, шапками и капорами. Наиболее распространенным для женского и мужского костюма элементом был платок. Устойчивой является традиция изготовления платков в домашних условиях из дмотканого полотна, покупных хлопчатобумажных тканей и шелка.

В XVIII в. платки делали из холста [Георги, 1799, с. 62; Лепехин, 1814, с. 28; Новицкий, 1999, с. 38–39; Зув, 1999, с. 144–145]. В XIX — начале XX в. традиция использования холста (в том числе крапивного) для изготовления платков сохраняется. Наряду с этим употреблялись покупные хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные платки, которые обшивались по краям каймой, кистями [Гондатти, 1888, с. 12; Павловский, 1907, с. 24; Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 202–204; Лукина, 1985, с. 218; Федорова, 1994, с. 187; Дунин-Горкавич, 1996, с. 78] (см. табл. 7). Использование хлопчатобумажных и других покупных тканей для платков наблюдалось и в XX в. Предполагается, что традиция применения платка из холста у обских угров имеет общие корни с таковой у тюркоязычных народов Урало-Поволжского и Среднеазиатского регионов, а также сибирских татар [Прыткова, 1953, с. 204; Федорова, 2000г, с. 258].

В то же время названия платка у хантов и манси не совпадали и, более того, различались еще в пределах разных диалектных групп — *ухшам*, *эхшам* (ХС), *охчам* (ХЮ), *суминьтых* (ХВ), *пуңк тёр* (М), *тор* (МС), *орицэнхър* (МЮк) (см. табл. 8). Участвующее в словообразовании *интых* у восточных хантов и *тёр* у манси связывается с обозначением ткани и существовавшим в древности у обских угров обычаем покрывать голову куском ткани [Лукина, 1985, с. 218; Федорова, 1994, с. 189]. Это подтверждают этнографические материалы.

В XIX–XX вв. у всех групп обских угров были широко распространены покупные шерстяные и шелковые шали и платки, особенно с кистями [Лукина, 1985, с. 218; Федорова, 1994, с. 187]. Южные ханты в начале XX в. у покупных платков, которые носили сложенными по диагонали, украшали металлическими подвесками средней угол [Прыткова, 1953, с. 204]. Последние по способу украшения близки косынкам из холста — *хатань охчам* ‘татарский платок’ (ХЮ), украшенным вышивкой и подвесками. Такие косынки, заимствованные, по мнению Н.Ф. Прытковой, у татар, использовали южные и салымские ханты и восточные манси в конце XIX — начале XX в. [Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 203; Федорова, 1994, с. 187] (табл. 12).

Таблица 12

Головные уборы обских угров

Вид, тип головного убора	Ханты				Манси			
	южные (до нач. XX в.)	восточ- ные	север- ные	сред- необ- ские	южные (до кон. XIX в.)	восточ- ные (до нач. XX в.)	запад- ные	север- ные
Платок:								
из холста с вышив- кой	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (Ж)	?	?
из хлопчатобумаж- ной ткани с кай- мой по краям	?	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (Ж)	?	?	+ (Ж)	+ (Ж)
Косынка	+ (Ж)	+ (Ж)	-	?	?	+ (Ж)	-	-
Налобная повязка	+ (Ж)	+ (Ж)	-	?	+ (М, Ж)	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (Ж)
Венец	-	?	+ (Д)	?	-	-	-	?
Шапка:								
конусовидная	+ (М)	+ (М)	+ (М)	+ (М)	?	?	?	+ (М)
круглая	+ (М)	+ (М)	?	?	?	+ (М)	?	?
Капор (тип):								
I	+ (М)	+ (М)	+ (М)	+ (М)	?	?	+ (М)	+ (М)
II	-	+ (Ж)	+ (Ж)	?	-	-	?	+ (Ж)

У обских угров выделяются два основных способа ношения платков. В первом случае платок складывался по диагонали и накидывался на голову, его углы свободно спускались по бокам и спине, при втором — накидывался на голову так, что два его угла спускались на спину, а два других по бокам. Иногда передний край платка подгибали.

Первый способ фиксировался у северных и западных манси, северных, южных и восточных (юганских, пимских, салымских) хантов, второй — у южных и восточных хантов, северных и восточных манси [Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 202–204; Лукина, 1985, с. 218–220; Федорова, 1994, с. 188; Алквист, 1999, с. 37]. Оба этих способа связываются с обычаем избегания, а сама традиция — с влиянием кочевников степи и лесостепи [Лукина, 1985, с. 219; Федорова, 1994, с. 191–192; Соколова, 2000, с. 62]. Остальные способы ношения платка (завязывание концов под подбородком, сзади вокруг шеи, перекрещивание на груди и завязывание на талии и др.) в той или иной мере наблюдались у всех групп обских угров, а их распространение соотносится с влиянием соседей — русских, тюркоязычных народов, коми-зырян [Лукина, 1985, с. 218–219; Соколова, 2000, с. 49].

Женщины у южных и восточных (реки Салым, Аган) хантов, а также у манси под платок надевали налобную повязку — *саравать*

(ХЮ), *пәук'нор* (М), *ойэл* (ХВх) [Пигнатти, 1912, с. 13; Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 204; Лукина, 1985, с. 62; Федорова, 1994, с. 192]. Известны налобные повязки на жесткой основе и мягкие. Кроме того, элементом мужского обрядового костюма у манси служили повязки из ткани с металлическими накладками в виде пластин, чаще серебряных [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 90, 147; Федорова, 1994, с. 193]. У южных манси в XVIII в. отмечено ношение повязки и без платка [Лепехин, 1814, с. 28]. Происхождение традиции использования налобных повязок у обских угров объясняют культурно-генетическими связями, с одной стороны, с иранским регионом, с другой — с тюрками [Прыткова, 1953, с. 229; Федорова, 1994, с. 193–194].

У северных хантов в XVIII–XX вв. фиксируется использование такого головного убора, как *венец* — *веш кел'*, *веш кет* — 'веревочка лица' (ХКз) [Прыткова, 1953, с. 206, 19616, с. 330; Зуев, 1999, с. 145]. От повязки он отличался тем, что налобная часть его сшивалась в виде кольца, к которому сверху пришивались две перекрещивающиеся над макушкой полосы ткани. Венец, как правило, носили без платка.

Шапки, капоры из меха, ровдуги, сукна — *мюл*, *мил* (Х) известны у хантов с XVIII в. [Георги, 1799, с. 71; Кастрен, 1999, с. 75]. В XIX — начале XX в. мужские суконные шапки бытовали у северных и восточных манси, из овчины — у южных и восточных хантов и восточных манси, мужские капоры из меха зверей, птичьих шкурок — у северных манси, женские капоры из оленьего меха — у северных и западных манси [Гондатти, 1888, с. 15–16; Прыткова, 19616, с. 330; Лукина, 1985, с. 60–61; Федорова, 1994, с. 153–155]. Материалы для шапок/капоров делятся на три группы. К первой относятся наиболее распространенные сукно и овчина, ко второй — птичьи шкурки и меха пушных зверей, к третьей — оленьи шкуры (см. табл. 7). Известное название шапок северных манси *кёнт*, *тёнт* (МС) (см. табл. 8) не совпадает с хантыйским и соответствует обозначению капюшона, что позволило предположить существование собственно мансийского головного убора, давно утраченного [Федорова, 1994, с. 155].

Украшения (съёмные). Они являются составной частью костюма обских угров и представлены головными, накосными, наушными, шейно-нагрудными и наручными видами (табл. 13). В технологическом отношении можно выделить украшения, сшитые из ткани или сукна и расшитые бисером, бусами, металлическими бляшками (головные, шейно-нагрудные и накосные); сплетенные из бисера (головные, накосные, серьги, шейно-нагрудные, наручные); отли-

Таблица 13

Виды, типы украшений	Ханты						Манси							
	южные (до нач. XX в.)		восточные		северные		средне-обские	южные (до кон. XIX в.)	восточные (до нач. XX в.)		западные		северные	
	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)			+	(Ж)	+	(Ж)		+
Косники	+	(Ж)	+	(Ж)	?	?	?	?	+	(Ж)	+	(Ж)	?	?
Косоплетки	+	(Ж)	+	(Ж)	?	?	?	?	+	(Ж)	+	(Ж)	?	?
Ложные косы	-		+	(Ж)	+	(Ж)	?	-	-	-	-	-	?	(Ж)
Мужское затылочное украшение	?		?		+		?	-	-	-	-	+	?	+
Бусы, нитки из бисера	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)	+	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)	+
Украшение типа <i>пальсак</i> (МСс, МЛп, МЛэ), <i>магылапс</i> (МКд), <i>сак пал</i> , <i>хорам</i> (ХС)	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)	+	?	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)
Воротник съёмный: стойка	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)	+	?	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)
отложной	?		+	(Ж)	+	(Ж)	?	?	?	?	+	(Ж)	?	?
Нагрудники <i>мальсоус</i> , <i>магисунт</i> (МС), <i>сак пал</i> (ХС)	-		+	(Ж)	+	(Ж)	+	?	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)
Ожерелье <i>тур лонас</i> , <i>сак лонас</i> (ХС), <i>тур лапс</i> (МС)	?		+	(Ж)	+	(Ж)	+	?	+	(Ж)	+	(Ж)	?	+
Кольца	+	(М, Ж)	+	(М, Ж)	+	(М, Ж)	+	+	(М, Ж)	+	(М, Ж)	+	(М, Ж)	+
Браслеты из бисера	+	(Ж)	+	(Ж)	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
Серьги самодельные	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)	?	?	+	(Ж)	+	(Ж)	+	(Ж)

тые из олова или перекованные из меди (кольца). Для декоративного оформления края применяли кисточки из окрашенных шерстяных ниток. К привозным украшениям относятся металлические кольца и серьги.

Использование головных и накосных украшений связано с прической, одной из функций которой была социально-дифференцирующая. У многих народов ношение распущенных волос — более ранняя стадия по отношению к косам [Лебедева, Маслова, 1967, с. 226; Лукина, 1985, с. 227]. Народы Сибири практиковали подстригание волос, ношение их распущенными, плетение кос, а также обмотку пучков волос, которая признается предшествующей собственно плетению [Клюева, Михайлова, 1988, с. 123–124].

Прически. У обских угров они варьировались в пределах локальных и половозрастных групп и представлены тремя основными типами: два обмотанных пучка волос, две косы и стрижка. Из них к наиболее распространенному типу можно отнести двухкосие. Волосы распределялись по прямому пробору на две половины — левую и правую — и заплетались в косы. Такая прическа фиксировалась в XVIII в. у южных манси и хантов [Георги, 1799, с. 71; Лепехин, 1814, с. 28; Зуев, 1999, с. 145]. В конце XIX — начале XX в. плетение двух кос от висков или от ушей практиковали и мужчины, и женщины у восточных, северных и части западных манси, северных, восточных и южных хантов [Лукина, 1985, с. 61; Федорова, 1994, с. 157, 199; Дунин-Горкавич, 1996, с. 79; Носилов, 1997, с. 48; Алквист, 1999, с. 37, 153]. Для этого типа женской прически восточных хантов было характерно также подстригание или выбривание затылочной части и укладывание кос вокруг головы [Лукина, 1985, с. 61; Шатилов, 2000, с. 117]. У восточных и северных хантов, северных манси концы кос сплетались вместе или соединялись веревочкой [Лукина, 1985, с. 61; Зуев, 1999, с. 145].

Свободно висящие концы женских кос украшались косниками и косоплетками, вплетаемыми в косы. Косники из одной или трех скрепленных коротких бисерных полос с кисточками и подвесками в виде кисточек, металлических бляшек, раковин каури вплетались в каждую косу от уха или прикреплялись к концам кос. Они бытовали у южных и восточных хантов, восточных и западных манси [Пигнати, 1912, с. 13; Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 206–207; Федорова, 1994, с. 200; Vahter, 1953, Taf. 117, Abb. 117: 3–7] (см. табл. 13).

Косоплетки представляли собой две длинные расшитые бисером полосы, сплетенные из шерстяных ниток или сделанные из сукна и пришитые к налобной повязке. Полосы соединялись по всей длине

или частично низками из бисера, бус и т. п. Их концы украшались кисточками из бисера и бус и перекидывались через голову так, что соединяющие их низки бисера размещались на шее спереди [Клюева, Михайлова, 1988, с. 109–110]. Косоплетки вплетались в косы и опускались ниже самих кос. В XVIII в. такие украшения носили южные ханты и восточные манси [Описание..., 1982, с. 29]. В конце XIX — начале XX в. таким образом украшали косы южные и восточные ханты, восточные манси [Изделия..., 1911, с. 100; Шульц, 1924, с. 180; Лукина, 1985, с. 229–230].

Можно выделить и локальные варианты косоплеток. Так, в конце XIX — начале XX в. у восточных хантов косоплетки соединялись вместе и при плетении кос их средняя часть, располагавшаяся на затылке, расшивалась бисером, а к концам прикреплялись металлические бляшки, жетоны и т. п. [Сирелиус, 2001, с. 94, рис. 71]. У этой же группы встречались косоплетки, вплетаемые в косы по отдельности [Лукина, 1985, с. 229]. В то же время у восточных манси косоплетки — *эткоалы* (МВ) пришивались к налобной повязке без украшений [Федорова, 1994, с. 199]. В конце XX в. подобного типа украшение надевали по праздникам девочки в возрасте от 5 лет у восточных (аганских) хантов (ПМА, 1997 г.). Оно представляло собой налобную повязку из хлопчатобумажной ткани в форме кольца, расшитую бисером и с аппликацией. Сзади к повязке прикреплялись две длинные ленты из хлопчатобумажной ткани, а иногда жгуты, сплетенные из нескольких разноцветных полос. Их концы украшались разнообразными подвесками. Подобные украшения носили лесные ненцы, проживающие на этой же территории.

Н.В. Лукина приводит сведения о девичьем накосном украшении у пимских хантов в виде двух небольших овальных кусков ткани, расшитых бисером и пуговицами и соединенных между собой цепочкой [1985, с. 61]. Оно присоединялось к лентам, вплетаемым в косы, и закреплялось на теменной части.

По внешнему виду сходной с описанным выше украшением была прическа из двух обмотанных пучков волос. Волосы на голове делились на две части по прямому пробору, соединялись за ушами в пучки, которые обматывали ниткой или веревкой, преимущественно красного цвета. Концы пучков подгибались. Такая прическа фиксировалась как мужская в конце XIX — начале XX в. у северных хантов, северных и части западных манси [Кузнецов, 1887, с. 745; Прыткова, 1953, с. 161; Федорова, 1994, с. 157].

В мужской прическе этого типа использовалось особого рода затылочное украшение — *эх тэс, ох тос* (ХС): овальный кусочек бере-

сты или кожи, обтянутый сукном (чаще красного цвета) с нашитыми на него 4–5 металлическими пуговицами, бисером или бусами [Изделия..., 1911, с. 93; Старцев, 1928, с. 30; Прыткова, 1953, с. 161; Федорова, 1994, с. 157; Носилов, 1997, с. 7] (см. табл. 13). С правой и левой стороны к нему пришивались шнурки, которые обматывались вместе с пучками волос и удерживали украшение на затылке. У северных хантов в конце XIX — начале XX в. такая прическа включала стрижку волос на передней части головы [Прыткова, 1953, с. 162, рис. 43; Клюева, Михайлова, 1988, с. 108, рис. 2].

В XVIII–XX вв. у северных хантов, в XIX–XX вв. у северных манси и в единичных случаях у восточных хантов женская прическа этого типа дополнялась ложными косами — *сев* (ХС), *саль*, *сай*, *сайнос* (МС) [Прыткова, 1953, с. 206; Соколова, 1972, с. 43; Лукина, 1985, с. 229; Народы Севера..., 1986, с. 132; Клюева, Михайлова, 1988, с. 109; Федорова, 1994, с. 200; Зуев, 1999, с. 145]. Они представляют собой два жгута, скрученных из ткани, шерстяных ниток и т. п., либо две полосы сукна, которые вплетались в косы или обматывались вместе с волосами и были скреплены сверху описанным выше затылочным украшением *ах тас* (ХС), *ох тос* (ХКз). Ложные косы были длинными, часто ниже колен. Их концы украшались различными подвесками: бубенчиками, бусинами, бляшками, колокольчиками, кожаными треугольниками, пуговицами и т. п., а также нередко скреплялись между собой металлическими цепочками, бусами, бисерными нитями и т. п.

В целом в прическе обских угров преобладало разделение волос на две части — левую и правую — путем обмотки пучков волос и плетения двух кос. Тесно с этими типами причесок были связаны накозные украшения (косники, косоплетки, ложные косы, затылочное украшение), форма которых изначально предполагала оформление двух составных частей. В этом проявляется единство основных типов причесок и сопровождающих их накозных украшений. Преобладание у обских угров двухкосной женской прически отражает тенденцию, характерную для большинства народов Сибири [Клюева, Михайлова, 1988, с. 124]. В то же время наличие двухкосия у мужчин свидетельствует о половой недифференцированности такой прически [Там же].

В способах украшения кос у хантов и манси прослеживаются две традиции: первая связана с ношением ложных кос и обмоткой волос, вторая — с использованием бисерных косников и косоплеток [Там же, с. 110]. Н.В. Лукина считает, что традиция ношения ложных кос у народов Сибири и Поволжья имеет южное происхождение [1985, с. 229]. Н.И. Клюева и Е.А. Михайлова, определяя первую тра-

дицию как северную, а вторую — как южную, отмечают, что ложные косы могли появиться в результате наложения нескольких традиций: косоплетения, вплетения имитирующих материалов и обмотки волос [1988, с. 110, 124]. Действительно, наблюдаемое сходство ложных кос северных групп обских угров и ненцев позволяет говорить о местных корнях этого элемента [Федорова, 2000г, с. 262]. Неоднозначность приведенных точек зрения отражает лишь степень малоизученности вопроса. Дальнейшее его рассмотрение возможно на основе привлечения широкого круга материалов по традиционным прическам народов Сибири, Средней Азии и Поволжья.

С начала XX в. повсеместно среди обских угров распространилась женская прическа в виде распущенных волос, а среди мужского населения — стрижка [Дунин-Горкавич, 1995, с. 101, рис. 17; Шатилов, 2000, с. 275; Сирелиус, 2001, с. 63, рис. 41–43, с. 172–173, рис. 164–166; и др.]. Встречаются единичные сообщения о плетении одной косы и многокосии у девушек, которое было в большей степени характерно для южных районов Сибири [Георги, 1799, с. 62; Лукина, 1985, с. 228; Клюева, Михайлова, 1988, с. 124; Федорова, 1994, с. 199]. Повсеместное распространение стрижки у народов Сибири объясняется влиянием русского населения, но не исключается и существование местной традиции частичного подстригания волос [Клюева, Михайлова, 1988, с. 124–125]. Так, Н.В. Лукина считает, что у хантов традиция удаления волос в передней части и вокруг по голове «вынесена с южных территорий» [1985, с. 228].

В качестве наушных украшений использовались самодельные серьги, которые фиксируются источниками в XVIII в. у северных хантов, в конце XIX — начале XX в. у манси, восточных и южных хантов [Прыткова, 1953, с. 207–208; Лукина, 1985, с. 232; Федорова, 1994, с. 199; Зуев, 1999, с. 146] (см. табл. 13). Серьги представляли собой плетенную из бисера полосу (шириной 2,5–4 см), нижний край которой украшался кисточками из шерстяных ниток, монетами и т. п. На ухе серьги крепились при помощи металлического крючка или петли из нитки. Иногда у северных и восточных хантов серьги в длину достигали плеч и скреплялись под подбородком [Прыткова, 1953, с. 208; Лукина, 1985, с. 232]. В XIX–XX вв. стали широко применять покупные серьги, которые постепенно вытеснили самодельные.

В монографии Т. Vahter опубликована фотография украшения *kuškoalt*, которое бытовало у кондинских манси [1953, Taf. 125, Abb. 125: 1]. Это налобная повязка с прикрепленными у висков двумя узкими бисерными лентами, которые, спускаясь на грудь, пере-

крещиваются. К височной части повязки пришиты металлические бляхи. Отмечая следы этого украшения на куклах северных манси, Е.Г. Федорова не исключает параллели с каракалпакским головным убором замужних женщин и предполагает его широкое бытование в прошлом [1994, с. 197].

Шейно-нагрудные украшения у обских угров представлены бусами и низками из бисера, несколькими типами нагрудных украшений, съёмным воротником и ожерельем (см. табл. 13). Бусы и низки из бисера, ожерелья из металлических пуговиц, колец, бляшек и т. п. являлись самыми простыми по технологии изготовления и бытовали у всех групп обских угров [Лукина, 1985, с. 62; Федорова, 1994, с. 197; Сязи, 2000, с. 37]. В конце XIX — начале XX в. южные ханты и восточные манси из числа крещеных к бусам и низкам из бисера прикрепляли крестики.

Нагрудное украшение *пальсак* (МСс, МЛп, МЛз), *мăгыллапс* (МКд), *сак пал*, *хорам* (ХС) состояло из двух плетенных из бисера полос (шириной 3–6 см), спускавшихся на грудь и соединенных сзади на шее нитками или куском ткани. К концам таких полос прикреплялись подвески из бисера, кисточек из шерстяных ниток, монет, металлических бляшек, пуговиц и т. п. Концы могли соединяться на груди низками из бисера. Кроме того, иногда сверху к этим двум основным полосам прикреплялись еще небольшие узкие плетенные из бисера полосы. Это украшение было известно в XIX — начале XX в. практически у всех групп обских угров [Прыткова, 1953, с. 208; Лукина, 1985, с. 62–63; Народы Севера..., 1986, с. 132–133; Федорова, 1994, с. 195; Сязи, 2000, с. 36–37]. Его надевали поверх рубах или халатов из домотканого полотна, кафтанов, сочетая с бусами, низками и ожерельем из бисера. В XX в. у северных групп хантов и манси такое украшение носили поверх халата из хлопчатобумажной ткани и рубахи-платья.

У северных манси и восточных хантов бытовало нагрудное украшение, сходное по форме и оформлению с вышеописанным [Прыткова, 1953, с. 208; Федорова, 1994, с. 197–198]. Оно состояло из перекидываемой через шею суконной полосы, концы которой расширялись бисером, бусами и металлическими бляшками, к ним по краям прикреплялись подвески из бисера и бус. Шейная часть украшения оставалась без нашивок, что подчеркивает ее основную функцию — соединять спускающиеся на грудь лопасти. Скорее всего, это украшение было лишь вариантом вышеописанного типа *пальсак* (МСс, МЛп, МЛз), *мăгыллапс* (МКд), *сак пал*, *хорам* (ХС). Е.Г. Федорова предполагает, что оно могло сформироваться на основе удлинения и расширения лопастей ажурного съёмного воротника [1994, с. 198].

Со второй половины XX в. у северных манси, северных и восточных хантов используется нагрудное украшение, которое, судя по названию *пальсак* (МС), является модификацией вышеописанного. Оно представляет собой плетенную из бисера полосу (шириной 2–3 см), концы которой сплетаются вместе или же соединяются посредством бисерной перемычки (КГКМ, № 039/5, 127). К этой разновидности можно отнести нагрудное украшение восточных (тромьеганских) хантов конца XX в. (КГКМ, № 013/9, 018/4, 068). Его делали из бисерных цепочек (3–5 шт.), которые сплетались в нескольких местах, образуя внизу на груди медальон (см. цв. вкл., рис. 9). Такие украшения носят с рубахами-платьями.

Съёмные воротники представляют отделяемую часть плечевой одежды. Можно выделить два их типа. Основу первого составляла полоса (шириной 2,5–4 см) ткани или сукна, часто на жесткой подкладке (кожа, береста, холст). Поверхность воротника украшалась вышивкой бисером, металлическими пуговицами, бляшками и т. п. По форме изделие напоминает воротник-стойку. Его носили с женской рубахой из холста и суконными кафтанами южные, восточные ханты и восточные манси в конце XIX — начале XX в. [Прыткова, 1953, с. 208; Федорова, 1994, с. 198; Рындина, 1995, с. 34; Федорова, 2000, с. 174; Vahter, 1953, Taf. 112, Abb. 112: 2, 3] (см. табл. 13). У северных манси такие воротники являлись частью нагрудника [Федорова, 1994, с. 198].

Воротник второго типа был отложным. Его основу составляла широкая (5–10 см) полоса сукна, ткани, поверхность расшивалась бляшками, бисером, бусами, пуговицами. Такие воротники надевали поверх женских халатов из сукна в конце XIX–XX в. северные и восточные ханты. В XX в. металлические нашивки стали заменять пластмассовыми пуговицами.

Со съёмными воротниками связано происхождение и другого нагрудного украшения, бытовавшего у восточных хантов и северных манси — нагрудников *мальсоупс*, *магисунт* (МС): к узкой суконной петле прикреплялся прямоугольник из того же материала, иногда с нагрудным разрезом на пуговках [Федорова, 1994, с. 195–196] (см. табл. 13). Нагрудник и петля украшались бисером (см. цв. вкл., рис. 10). У тромьеганских хантов нагрудник подобной формы в конце XX в. расшивался пластмассовыми пуговицами, бисером, бусами, а к верхнему краю его иногда прикреплялись подвески из низок бус (КГКМ, № 550, 565).

Ожерелья — *тур лопас*, *сак лопас* (ХС), *тур лапс* (МС) сплетались из бисера, имели полукруглую или луновидную форму и под-

разделялись на два варианта — с полосой ткани, охватывающей шею, и без нее. Этот вид украшения бытовал в конце XIX—XX в. у северных манси и северных и восточных хантов [Лукина, 1985, с. 231; Федорова, 1994, с. 195; Сязи, 2000, с. 37]. У васюганских хантов отмечено женское украшение в виде «полосы с нашитыми пуговицами и бляшками, проходящей по верхней части груди наискось от левого плеча под правую руку», аналогичное женской перевязи народов Поволжья [Лукина, 1985, с. 232].

Наручные украшения у обских угров представлены кольцами и браслетами. При этом кольца из белого металла — *туля* (МСс, МЛп, МОб, МЛз), *lujwǎy* (ХВх), *tújwǎy* (ХСл) носили по 10–15 шт. на каждой руке, надевая их чаще всего на три средних пальца [Старцев, 1928, с. 30; Дунин-Горкавич, 1996, с. 79]. Ношение колец практиковалось у всех групп обских угров.

Обычай надевания нескольких колец на один палец у обских угров соотносится с древней традицией ношения спиралевидных колец, так же как использование бисерных браслетов в качестве украшения манжеток связано с металлическими браслетами [Федорова, 2000г, с. 266]. В конце XIX — начале XX в. женские бисерные браслеты отмечены у южных хантов, в середине XX в. детские — у восточных хантов [Патканов, 1999, с. 74].

Дополнительные элементы костюма. К ним относятся рукавицы, налобник, боа и охотничьи очки. Рукавицы у разных групп обских угров шились из холста, хлопчатобумажных тканей, оленьих, конских и собачьих шкур, шкурок пушных зверей, овчины, ровдуги и вязались из шерстяных ниток (см. табл. 7). Кроме того, в фольклоре северных манси упоминаются рукавицы из осетровой кожи [Мифы..., 1990, с. 366].

Суконные и меховые рукавицы — общераспространенный элемент костюма обских угров в XIX—XX вв. [Прыткова, 1953, с. 195–196; Лукина, 1985, с. 201; Федорова, 1994, с. 186; Дунин-Горкавич, 1996, с. 79]. Меховые рукавицы часто пришивали к верхней плечевой одежде, а суконные надевали поверх меховых и вязаных рукавиц. Суконные рукавицы с аппликативными или мозаичными орнаментами являлись в XX в. обязательным атрибутом мужского костюма на медвежьем празднике.

Вязаные рукавицы изготавливали из овечьей шерсти, реже из собачьей, иногда их обшивали сукном, тканью, ровдугой, кожей или носили с чехлом. Они бытовали в конце XIX — начале XX в. у восточных, среднеобских и южных хантов, восточных, северных и западных манси, а в конце XX в. и у северных хантов [Шульц, 1924,

с. 181; Прыткова, 1953, с. 196; Лукина, 1985, с. 202; Федорова, 1994, с. 186; Молданова, 1999, с. 24].

Налобник представлял собой шнурок с нанизанными беличьими хвостами или шкурками и служил для защиты глаз от солнца и ветра, иногда для тепла его надевали на шею в качестве боа. Такие уборы фиксировались в конце XVIII — начале XX в. у южных, восточных и северных хантов [Гондатти, 1888, с. 16; Прыткова, 1953, с. 166; Зиннер, 1968, с. 76; Лукина, 1985, с. 61; Дунин-Горкавич, 1996, с. 80].

Охотничьи очки делали из сукна с подкладкой из ткани или беличьих шкурок. В отверстия для глаз вшивали или вставляли пластины из слюды или жести с узкими прорезями. Очки крепились при помощи завязок на затылке и украшались вышивкой бисером, мозаикой и аппликацией. Их использовали для защиты глаз от яркого солнца и ветра во время охоты северные и восточные ханты в конце XIX — первой половине XX в. [Старцев, 1928, с. 29–31; Прыткова, 1953, с. 166; Лукина, 1985, с. 61; Дунин-Горкавич, 1996, с. 80; Швецов, 1998, с. 95].

***

Таким образом, изучение состава костюмного комплекса обских угров показывает, что на всем протяжении рассматриваемого периода он был достаточно устойчив и включал рубаху, халат, кафтан, шубу, малицу, парку, лузан, гусь, наверхницу, пояс, штаны, женский пояс-повязку, обувь (башмаковидную, поршневидную и с союзками), чулки, платок, шапку и капор, венец, налобную повязку, наконные украшения, серьги, шейно-нагрудные украшения (бусы, нагрудники и ожерелья), кольца, рукавицы, охотничьи очки, налобник и боа. В конце XIX в. этот комплекс дополняется кофтами и юбками, а в начале XX в. — рубахой-платьем, что связывается с началом широкого применения хлопчатобумажных тканей.

Среди этих элементов выделяются общераспространенные и локальные предметы одежды, обуви, головных уборов и украшений. Так, в XVIII в. к числу *общераспространенных* относились рубахи из холста; в XIX в. — распашная одежда из сукна (кафтан, халат и др.), кожаный пояс, обувь из ровдуги, суконные рукавицы, украшения: бусы, *пальсак* (МС), *магыллапс* (МКд), *сак пал*, *хорам* (ХС), кольца; в XX в. — рубахи и рубахи-платье из тканей (хлопчатобумажные, шелковые, трикотажные) и распашная одежда (халат) из тканей и сукна, кожаный пояс, обувь из ровдуги, суконные

рукавицы, украшения: *пальсак* (МС), *мāгыллапс* (МКд), *сак пал*, *хорам* (ХС).

По материалам XVIII в. у хантов фиксируются еще три вида плечевой одежды — «кажаны» и «кавтаны» из рыбьей кожи и летние «малицы» из сукна. Если кафтаны из сукна и сукманины известны по материалам XIX — начала XX в. и относятся к распашному типу одежды, то «кажаны» упоминаются лишь в XVIII в. и установить их существование в более позднее время возможно лишь при сопоставлении покроя и функции этих видов одежды с другими. Бытовавшая у северных хантов летняя «малица» из сукна сопоставима с суконными видами одежды у обских угров: *навершницей*, *гусем*.

Одежда из рыбьей кожи в большей степени была распространена у хантов, период ее употребления ограничивался рамками XVIII–XIX вв. и у отдельных групп — началом XX в. Помимо плечевой одежды из рыбьей кожи шили штаны и, возможно, чулки. Реконструкция внешнего вида одежды из рыбьей кожи возможна на основе сравнительного анализа покроя близких ей по функциональным признакам видов одежды из других материалов.

В костюмном комплексе выделяются элементы, для которых характерно использование определенных видов материала. Так, для изготовления парки и обуви (*йараган нир*, *ёрн вей*, *ёрн вāй*, *вāй*) употреблялся только олений мех, который был основным для малицы и мехового гуся. Но если обувь четко соотносится с оленеводческим хозяйством, то малица и меховой гусь могли формироваться и в таежных условиях у охотников на крупных копытных, т. е. таким же образом, как и парки. С культурой охотников и рыболовов тайги связано происхождение и таких видов одежды, как *шуба* (*колег*, *лѣпы чоп*) из оленьих шкур, *лузан*, женский *пояс-повязка*.

Достаточно четко в одежде обских угров прослеживается традиция использования материалов домашнего производства — тканей для рубаш, халатов, кафтанов, штанов, платков, шапок, рукавиц, кожи для поясов и чирков, шерстяных ниток для вязания чулок, рукавиц и плетения поясов. Перечисленные элементы костюма были распространены в той или иной степени на всей территории проживания обских угров, что позволяет считать их наиболее древними, сформировавшимися в период культурного и языкового единства хантов и манси.

Однако и в этом комплексе есть предметы, происхождение которых носит неоднозначный характер. Так, помимо тканей для шитья рубаш, халатов, кафтанов, штанов, чулок использовались рыба кожи, для шапок — шкурки птиц и пушных зверей, что свидетельствует об их принадлежности к таежному охотничье-рыбо-

ловческому комплексу. Штаны, обувь (*нир*, *няра*, *нюкивей*, *совья вай*), чулки, шапки, рукавицы, кроме того, шились из оленьих шкур и ровдуги, что возможно в условиях существования постоянных источников этого материала, т. е. оленеводческого хозяйства.

На протяжении трех веков практически неизменным оставался состав материалов для шуб. Это олений мех, шкурки птиц и пушных зверей и их части, т. е. материалы, связанные с хозяйством таежно-тундровой зоны. Применение для изготовления шуб продукции животноводства (овчины, коровьих и лошадиных шкур) ограничено территорией южных и восточных манси, южных и части восточных хантов. В единичных экземплярах одежда из этого материала была известна у северных хантов и манси, что может служить подтверждением наличия традиции использования этих материалов у данных групп.

Определенное единство традиции наблюдается в съемных украшениях костюма, которые изготавливали из бисера, бус и металла. Однако и здесь можно выделить разные тенденции. Так, в конце XIX — начале XX в. у восточных манси, южных и салымских хантов больше применялся бисер, у северных манси, северных и восточных хантов — металл. Во второй половине XX в. происходит постепенное вытеснение украшений из металла бисерными, металлические нашивки в ряде случаев замещаются пластмассовыми (пуговицами, бляхами и т. п.).

Проявляющаяся у большинства элементов костюма вариативность материала связана с их формированием, с одной стороны, в среде аборигенного населения таежно-тундровой зоны, а с другой — в хозяйственно-культурном комплексе скотоводов лесостепи. Это говорит о сложности и многолинейности процесса складывания костюма и позволяет продолжить его исследование на основе изучения и анализа покроя базового комплекса: плечевой и поясной одежды, головных уборов и обуви.

ТИПОЛОГИЯ ЭЛЕМЕНТОВ КОСТЮМА ПО ПОКРОЮ (ОДЕЖДА, ОБУВЬ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ)

Сложность или простота покроя того или иного предмета одежды определяется количеством и формой составляющих ее деталей, что связано с используемым материалом и развитием кроильного искусства. В технологическом отношении несшитая одежда признается наиболее архаичной. На ее основе происходило формирование шитой одежды, изучая покрой которой можно установить этапы ее развития. Значимым в этом отношении является исследование расположения и характера украшений, которые в ряде случаев отражали своеобразие покроя, традиционную архитектуру. По топонимике

украшений можно определить, каким образом шло преобразование кроя того или иного вида одежды.

Разнообразие материалов, применяемых обскими уграми для одежды, свидетельствует о формировании большинства элементов костюма на многокомпонентной основе, обусловленной преобладанием у той или иной группы комплекса занятий — охотничье-рыболовческого или оленеводческого — и сохранением элементов культуры скотоводов лесостепи. Каждому из комплексов соответствовал определенный покрой одежды, отвечающий условиям хозяйственной деятельности и связанным с ней образом жизни. Рассматривая базовые линии в покрое отдельных элементов костюма, попробуем выяснить, для каких предметов одежды они характерны и с каким хозяйственно-культурным комплексом связаны.

Плечевая одежда. У обских угров такая одежда по расположению конструктивных швов подразделяется: 1) на глухую — без разреза, надеваемую через голову, и распашную — с разрезом; 2) туникообразную и с плечевыми швами; 3) обертывающую стан (без боковых швов) и с боковыми швами.

Основным признаком плечевой одежды народов Сибири Н.Ф. Прыткова предложила считать наличие вертикального разреза спереди, т. е. деление одежды на глухой и распашной типы [1961а, с. 227]. Длительное время в литературе преобладала точка зрения, основанная на концепции Г. Хатта об исключительности в арктическом и субарктическом регионах одежды глухого покроя как наиболее приспособленной к условиям Севера [Симченко, 1976, с. 173]. Позднейшие исследования показали, что оба типа одежды могли развиваться на базе общей основы [Там же, с. 182; Соколова, 1980а, с. 104–105; Федорова, 2000г, с. 233].

Формирование глухой одежды определяется тремя направлениями, каждое из которых в основе своей связано с употреблением шкур [Федорова, 2000г, с. 233–234]. Первое представляет одежда из накинута на плечи шкуры. Особенности такого покроя обнаруживаются в парке и суконном гусе. Второе связано с применением шкуры, в которой вырезалось отверстие для головы. Так появилась туникообразная одежда типа лузана. Третье направление сформировалось на основе двух соединенных на плечах шкур, закрывающих перед и спинку. Н.Ф. Прыткова, изучив верхнюю глухую одежду народов Сибири, отметила ее локализацию в районах Крайнего Севера и выделила три типа мужской и два типа женской одежды этого покроя [1961а, с. 238]. Глухая одежда (малица, гусь, парка) обских угров вместе с ненецкой была отнесена ею к приуральскому типу, характеризующемуся одина-

ковым покроем спинки и переда, между которыми иногда вставлялись боковины [Там же]. Однако при этом Н.Ф. Прытковой были рассмотрены не все виды глухой одежды обских угров. Собранные материалы дополняют имеющуюся информацию.

Одежда глухого покроя у обских угров имеет локальное распространение и представлена лузаном, паркой, гусем, малицей, наверхшницей, рубахой и рубахой-платьем. По материалу они делятся на три группы. К первой относятся лузан и гусь, которые шьются из меха, сукна или ткани, ко второй — парка и малица, для изготовления которых используют шкуры, третью группу составляет одежда из ткани — наверхшница, рубаха, рубаха-платье. Каждый из этих предметов представлен несколькими типами покроя, внутри которых по наличию отдельных деталей различаются варианты.

Лузан относится к наиболее простой в конструктивном плане одежде, близкой к несшитой (накидной). У обских угров лузан является мужской промысловой верхней плечевой одеждой, представляющей собой прямоугольный или овальный, сшитый из нескольких частей или целый кусок главным образом ткани с вырезанным отверстием для головы в центре (рис. 9). У мансийских лузанов из ткани с внутренней стороны пришиты карманы и завязки, а на спинке — петли для топора [Федорова, 1994, с. 136–137].

По способу покроя можно выделить два типа лузана (табл. 14). Первый, туникообразный имеет два подтипа. К первому подтипу относится туникообразный лузан, сшитый из целого куска сукна. Выделяется два варианта этого подтипа: с капюшоном, затылочная часть которого делается из полукружия, вырезанного под отверстие для головы в центре лузана (северные манси), и без капюшона (западные манси) [Там же, с. 137] (рис. 9, а). На капюшоне пришивается кулиска, в которую вдеается тесемка для затягивания капюшона вокруг лица. У северных хантов встречается лузан второго подтипа, сшитый с вертикальным швом по середине переда и спинки из двух перекидываемых через плечи шкур ворсом наружу [Симченко, 1976, с. 175] (рис. 9, б). Лузан второго типа сшит из двух оленьих шкур ворсом наружу, имеет плечевые и боковые швы, использовался у северных хантов [Там же] (рис. 9, в). Все типы лузана соотносятся с различными направлениями развития глухой одежды и, вероятно, отражают общие тенденции формирования такой одежды у обских угров.

По способу выкраивания капюшона с первым типом лузана сходен гусь (совик), или кумыш, для которого такой покроем капюшона является характерным признаком (рис. 10; см. цв. вкл., рис. 11, а). Этот признак прослеживается у гусей из оленьего меха, хлопчатобу-

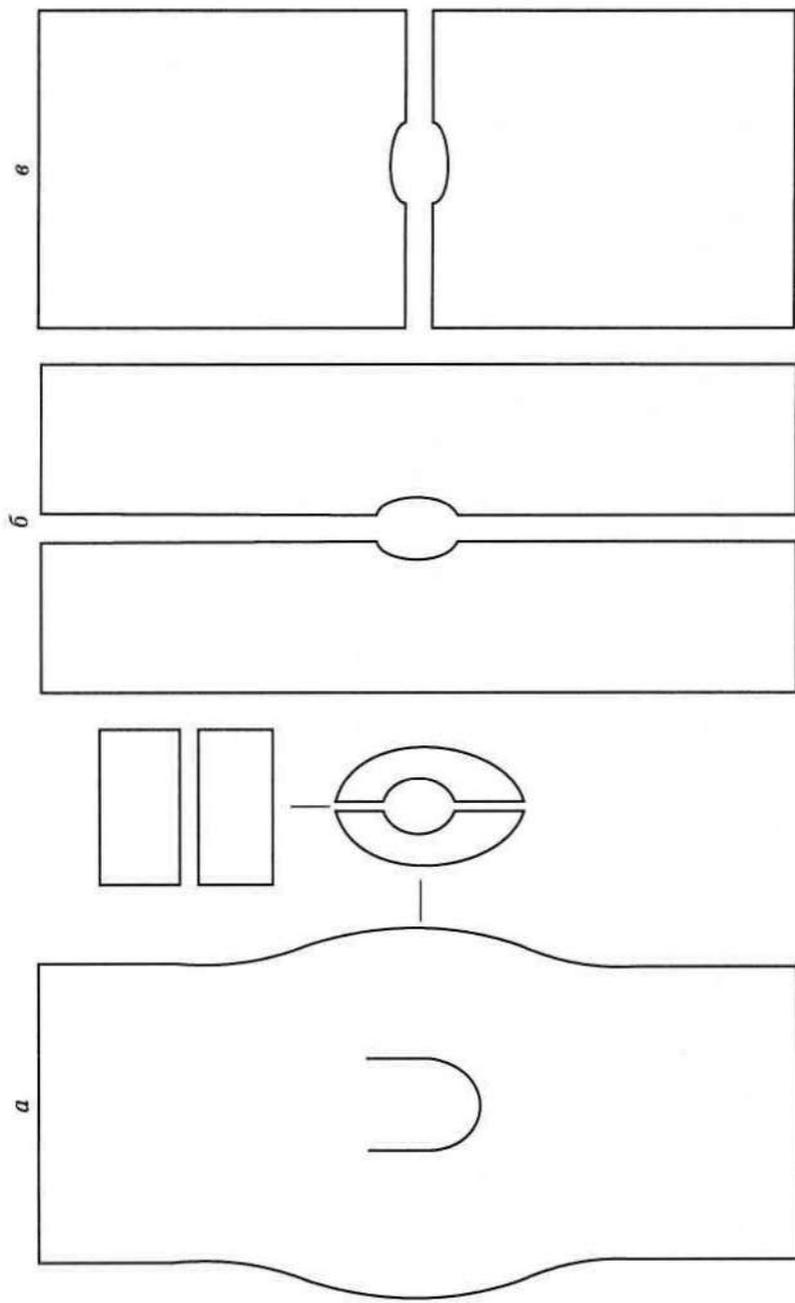

Рис. 9. Способы раскроя лузанов.

а — северные и западные манси (по Федоровой [1994, с. 137, рис. 13]); б, в — северные ханты (по Симченко [1976, с. 175–177]).

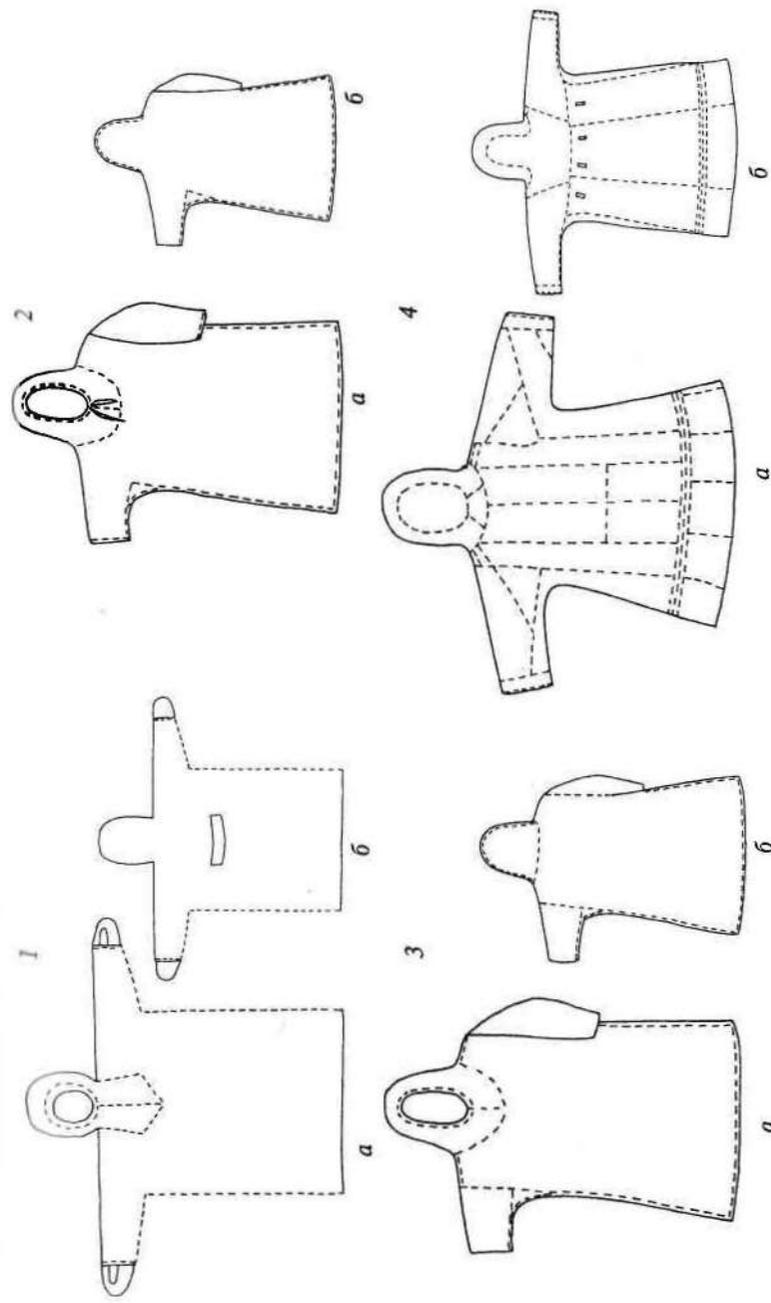

Рис. 10. Покрой гуся (кумыша) обских утров (а — перед, б — спинка).

1 — северные (среднесибирские) манси (по Федоровой [1994, с. 133, рис. 12]); 2, 3 — северные (нижнеобские) ханты (по Сязи [2000, с. 171, рис. 5]); 4 — восточные (ваховские) ханты (по Кулемзину, Лукиной [1977, с. 85, табл. IX-7]).

Таблица 14

Верхняя плечевая одежда обских утров

Вид, тип одежды	Ханты			Манси		
	южные (до нач. XX в.)	восточные северные	средне- обские	южные (до кон. XIX в.)	восточные (до нач. XX в.)	западные северные
<i>Глухой покрой</i>						
Лузан:						
I. Туникообразного покроя: без вертикального шва с вертикальным швом	- - -	? ? +	? - -	- - -	- - -	+ (М) - -
II. С плечевыми швами	-	+	?	-	?	?
Гусь меховой:						
I. С вертикальным швом по середине переда	?	+	?	-	?	?
II. Без вертикального шва: с боковыми швами и широкой надстав- кой по подолу с боковыми вставками	? ?	? +	? ?	- -	? ?	? + (М)
Гусь из ткани:						
I. С вертикальным швом	?	+	?	-	?	?
II. Без вертикального шва: с плечевыми швами туникообразного покроя	? ?	+(М) +(М)	? ?	- ?	+(М) ?	- +(М)
Парка:						
I. С боковинами	-	?	?	-	-	+(М)
II. Без боковин	-	?	?	-	-	?
Малица:						
I. С вертикальным швом спереди	-	+	-	-	-	-
II. Без вертикального шва спереди: с боковыми вставками без боковых вставок	? ?	- +(М)	? ?	- -	? ?	+(М) +(М)

Гл. II. Классификация и типология одежды

Типология элементов костюма по покрою

Навершника:						
I. Туникообразная: с боковыми вставками без боковых вставок	- -	? +(М)	? ?	- -	? ?	+(М) ?
II. С плечевыми швами	-	+(М)	?	-	?	?
<i>Распашной покрой</i>						
Халат:						
I. Туникообразный: из холста из хлопчатобумажной ткани из сукна	+ (Ж) - -	+ (Ж) ? -	? +(Ж) -	? +(Ж) -	? - -	- +(Ж) +(Ж)
II. С плечевыми швами: с надставкой полочек и стыкующимися полами без надставки и с запахивающимися по- лочками	? +	+(Ж) +(Ж)	? ?	? ?	? +	+(Ж) +(Ж)
III. С кокеткой	+	+	?	+	+	+
Кафтан:						
I. С прямоугольными вставками от талии	+	+	?	+	+	+
II. Без вставок (с кокеткой или пелериной)	+	+	?	+	+	+
Шуба:						
I. С боковыми швами: из оленьего меха из составного меха	? ? ?	+(Ж) +(Ж) +(М)	? +(Ж) ?	- +(Ж) ?	? ? ?	+(Ж) +(Ж) +(М)
II. Без боковых швов	?	+	?	-	?	-

мажных тканей, птичьих шкурок. Во второй половине XX в. у тромъеганских хантов задняя часть капюшона и центральная часть спинки детского гуся из лебединых шкурок делались из одной шкуры лебедя. При этом на капюшон приходилась шкурка с головы лебедя (КГКМ, № 036/7). Следует отметить, что у восточных хантов встречался гусь (кумыш) с пришитым капорообразным капюшоном и вертикальным швом по середине переда, что рассматривается как пережиточные черты распашной одежды с шапкой [Лукина, 1985, с. 192, 195].

К числу других значимых конструктивных признаков этой одежды можно отнести кулиску по краю капюшона с вставленным в нее шнурком для затягивания вокруг лица, прямую пройму и широкие рукава с ластовицами. По покрою стана среди меховых гусей выделяются два основных типа. Это гуси с вертикальным швом по середине переда и без него. Первый тип, сформировавшийся на базе распашной одежды, фиксируется у восточных хантов и западных манси, второй — у северных и восточных хантов, северных и западных манси [Там же, с. 192; Народы Севера..., 1986, с. 91; Федорова, 1994, с. 134; Сязи, 2000, с. 23] (см. табл. 14).

У меховых гусей второго типа различаются два подтипа: 1) с боковыми вставками, перегнутыми на боках (восточные ханты, северные манси) [Лукина, 1985, с. 192; Федорова, 1994, с. 132]; 2) из двух шкур, составляющих спинку и перед, с боковыми и плечевыми швами и с широкой надставкой по подолу в виде полосы, выкроенной также из двух шкур (северные ханты) [Сязи, 2000, с. 21]. У северных групп обских угров бытовали меховые гуси на подкладке, которая изготавливалась из оленьих шкур и соединялась с верхом сухожильными нитками. У мехового гуся край обшивается белым мехом оленя, собаки или песца. Обычно меховой гусь делают без рукавиц, но у восточных хантов и чердынских вогулов были известны гуси с пришитыми рукавицами [Глушков, 1900, с. 25; Швецов, 1998, с. 93; Шатилов, 2000, с. 113]. У северных хантов обшлага сшиты мехом внутрь, окрашены охрой или расшиты аппликацией из сукна [Сязи, 2000, с. 21]. Меховой гусь восточные и северные ханты украшали кисточками из разноцветных полосок сукна или оленьего меха, нашивая их на спинку двумя вертикальными параллельными рядами [Лукина, 1985, с. 193; Сязи, 2000, с. 117] (КГКМ, № 477).

В конце XIX — начале XX в. северные ханты и манси украшали края рукавов и подола гуся аппликацией из сукна или ткани, окантовкой из цветной ткани или меха [Народы Севера..., 1986, с. 91; Федорова, 1994, с. 134]. Во второй половине XX в. нижнеобские ханты стали украшать только рукавицы гуся [Сязи, 2000, с. 23].

В покрое гуся из ткани также выделяются два типа: 1) с вертикальным швом по середине переда (восточные ханты); 2) без вертикального шва (манси, северные и восточные ханты). Во втором типе различается два подтипа: первый — с цельнокроеными рукавами и станом (туникообразного покроя) и петлей на спине для топора и других грузов (манси) [Федорова, 1994, с. 134]; второй — с плечевыми швами (северные и восточные ханты) [Сязи, 2000, с. 23] (ПМА, 2000 г.). У северных хантов и манси суконные гуси имеют пришитые рукавицы из камусов [Федорова, 1994, с. 134; Сязи, 2000, с. 23]. Гуси летние из хлопчатобумажной ткани рукавиц не предполагают.

Сходство в покрое мехового и суконного гуся, наблюдавшееся у разных групп и заключавшееся в наличии вертикального шва спереди (связь с одеждой распашного типа), боковых вставок, цельнокроеных спинки и капюшона, а также анализ их названий позволяют предположить, что их формирование происходило на единой основе.

По способу выкраивания капюшона (вместе со спинкой) близок к лузану и гусю еще один предмет одежды глухого покроя — меховая парка с длинными рукавами и капюшоном (рис. 11; см. цв. вкл., рис. 11, б). Особенность покроя капюшона парки — затылочная часть из шкуры с головы оленя с ушками, глазами и отверстиями от рогов. Стан парки сшит из двух шкур, составляющих перед и спинку. Различаются парки с боковыми вставками и без них. Первые фиксируются в конце XIX — начале XX в. у северных хантов, северных и западных манси, вторые — в конце XX в. у северных хантов [Прыткова, 1953, с. 153–154; Федорова, 1994, с. 129–131; Сязи, 2000, с. 22] (см. табл. 14). К нижнему краю стана парки пришита широкая полоса меха, часто собранная из отдельных прямоугольных кусков. Рукава сделаны широкими, иногда с манжетами. Парка может быть с ластовицами и без них. В последнем случае рукава кроются с подмышечным мысиком [Сязи, 2000, с. 22].

Отличительными признаками парки являются полосы меховой мозаики вдоль края подола, спереди вдоль боковых швов, вдоль плечевых швов и на капюшоне. Манжеты и полоса по краю подола у манси сделаны иногда из меха контрастного цвета по отношению к основному фону. К ушкам на капюшоне мансийских парок пришиты кисточки *паль хорам* 'красивые ушки' (МЛп, МСс) из разноцветного сукна [Федорова, 1994, с. 129]. В конце XX в. у северных хантов количество орнаментированных полос сокращается, парку украшают лишь узкими полосками меха контрастного цвета на подоле [Сязи, 2000, с. 22].

Парка — *пõрха* (МСс, МЛп, МОб, МЛз), *порха* (ХС) имеет одинаковое название у хантов и манси. Н.Ф. Прыткова его происхождение

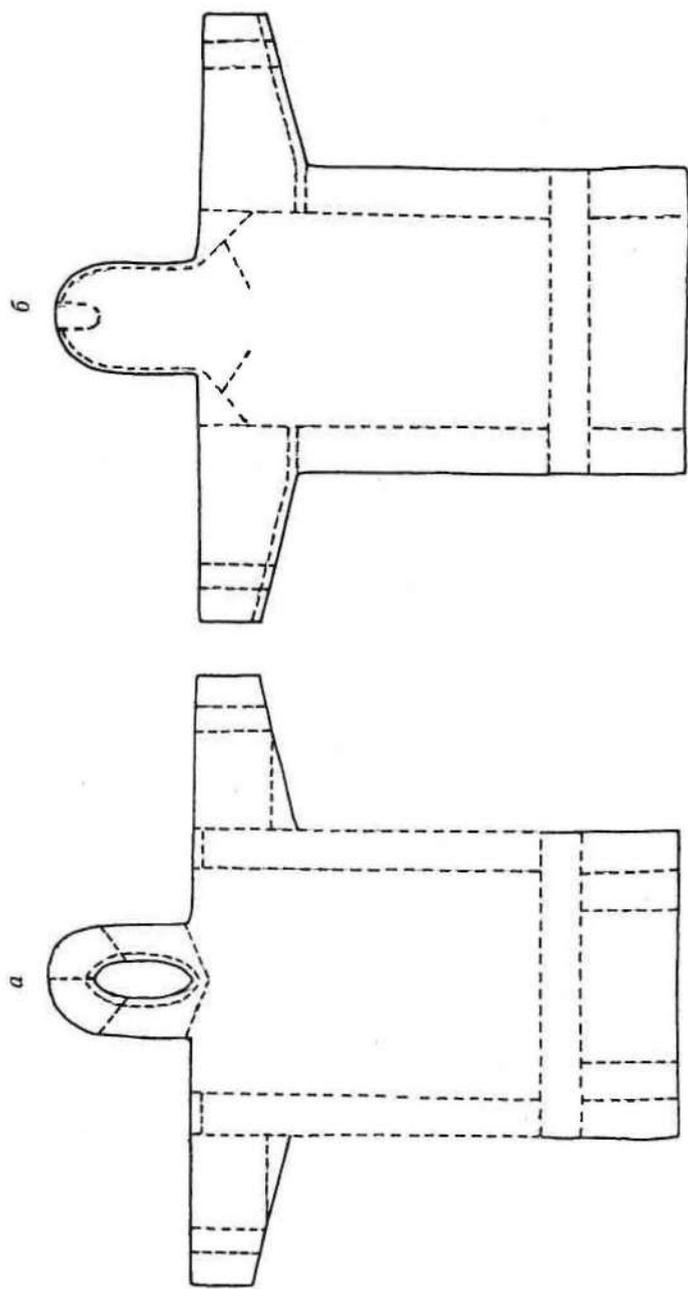

Рис. 11. Покрой парки.
Северные манси (по Федоровой [1994, с. 130, рис. 11]).
а — перед; б — спинка.

связывает с мансийским *nõrx* 'туловище' [1970а, с. 14] (см. табл. 8). В то же время результаты сравнительного анализа названий одежды, сходных с паркой у самодийцев и финно-угров, позволили Ю.Б. Симченко говорить о глубоких, идущих с периода уральского языкового единства корнях парки и применении данного термина для обозначения одежды в целом [1976, с. 182]. Генетически покрой парки восходит к шкуре животного (олени), накинутой на плечи. Особенности покроя парки указывают на ее развитие из охотничьей одежды-скрада, а технология украшений говорит об окончательном сложении этого вида одежды в оленеводческой среде, вероятно, во второй половине II тысячелетия н. э. [Федорова, 2000г, с. 236–237].

Малица — верхняя плечевая одежда из меха, преимущественно оленьего, сшитого ворсом внутрь (рис. 12). Положение меха выделяет малицу среди остальных видов меховой одежды глухого покроя. Упоминаемая Н.Ф. Прытковой детская малица северных хантов, сшитая мехом внутрь и наружу, вероятно, представляла собой двойной меховой гусь или гусь, надеваемый поверх малицы [1953, с. 219].

Малица имеет трапециевидный силуэт, расширяющийся книзу, длинные рукава, зауженные к манжетам, с рукавицами из камусов мехом наружу. К подолу малицы пришита широкая двойная полоса из оленьего или собачьего меха ворсом внутрь и наружу. Длинной малицу делают ниже колен. При подпоясывании ее поддегивают выше колен, в результате чего над поясом образовывается пазуха, которую используют как карман для различных вещей. Подол спинки малицы кроится длиннее переда. З.П. Соколова приводит данные о бытовании у манси малицы с меховой оторочкой в виде хвоста на подоле спинки [1982, с. 68].

По покрою стана у обских угров выделяются два основных типа малицы: 1) с вертикальным швом по середине переда (восточные ханты); без вертикального шва (см. рис. 12, табл. 14). Во втором типе различается два подтипа. К первому относится малица, перед и спинка которой сшиты из двух шкурок пешки (без боковин) и надставлены по нижнему краю неплюем (северные группы хантов и манси, восточные ханты) [Прыткова, 1953, с. 150; Федорова, 1994, с. 124] (КГКМ, № 006/1, 052) (рис. 12, 1). Второй подтип малицы (с боковинами) отличается тем, что стан состоит из двух шкур — переда и спинки, а по бокам к ним пришиты прямоугольные вставки (северные манси) [Федорова, 1994, с. 122] (рис. 12, 2). У восточных хантов фиксируется также малица с горизонтальным швом на спинке, который конструктивно не обусловлен и, вероятно, связан с необходимостью надставки спинки (рис. 12, 3). Как правило, малицы

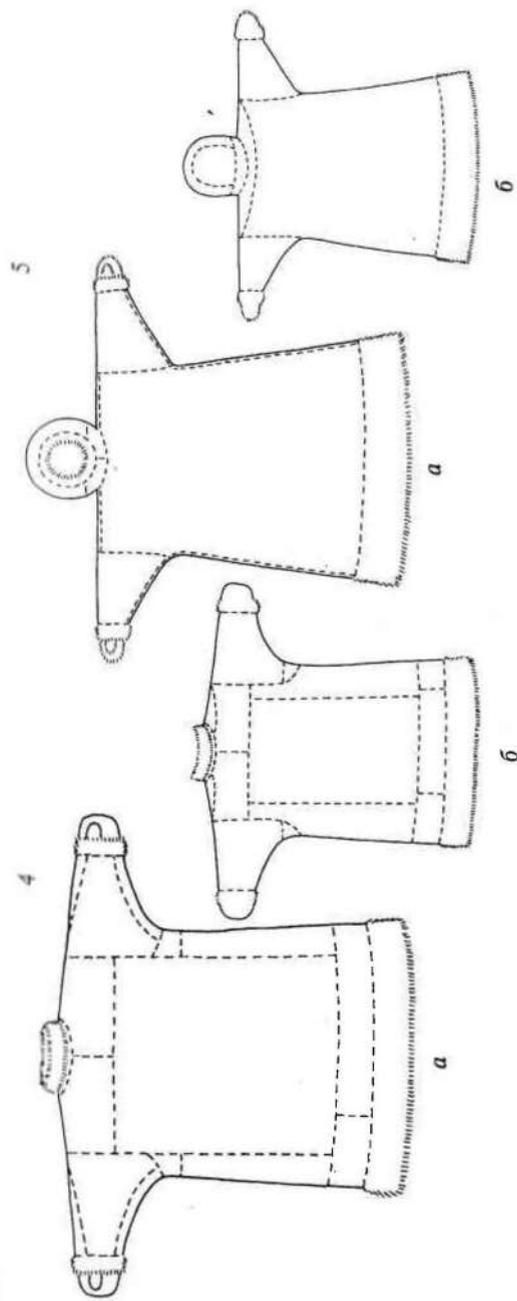
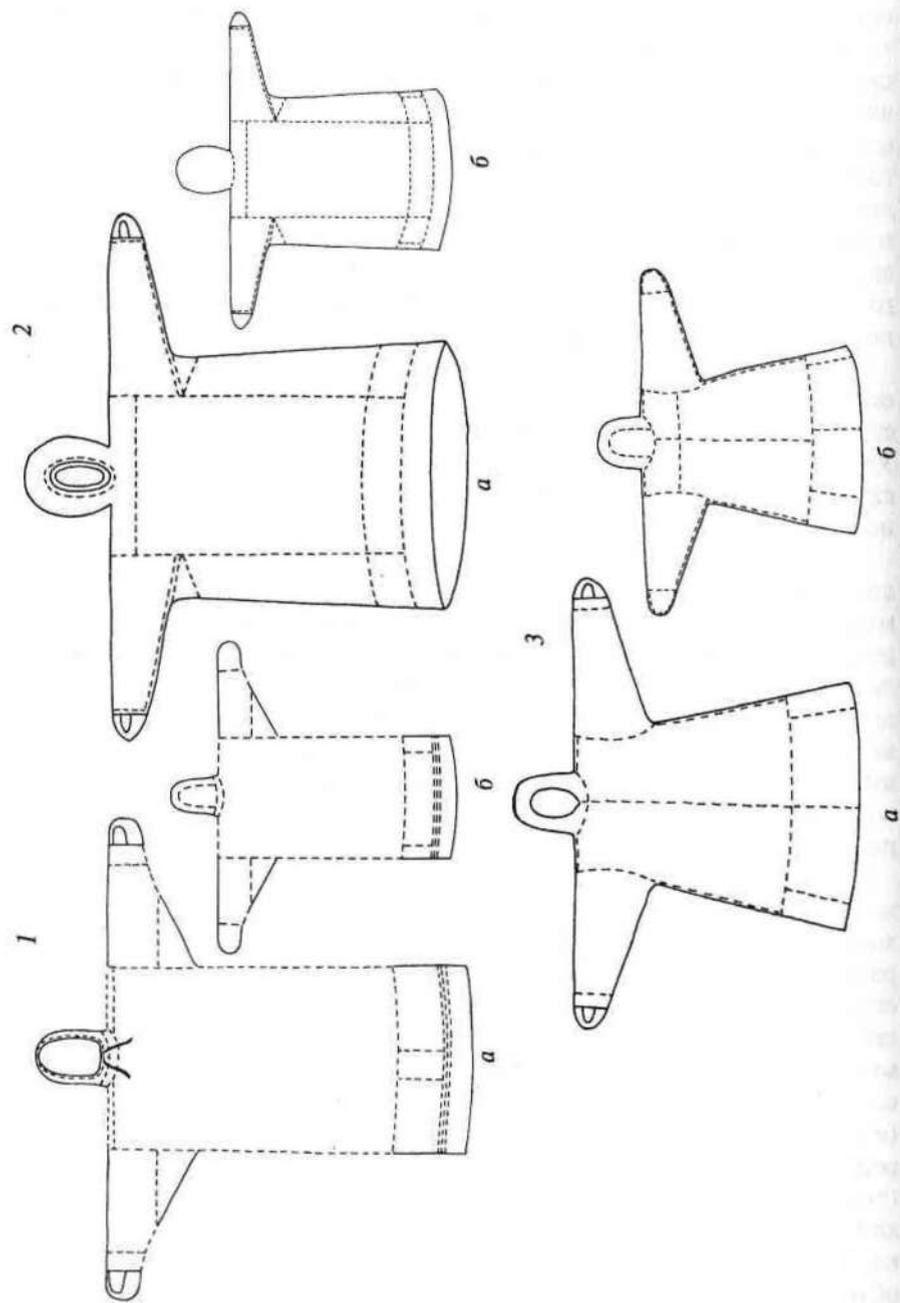

Рис. 12. Покрой малицы обских угров и ненцев (а — перед, б — спинка).
 1 — восточные (громьеганские) ханты (КТКМ, № 052/1); 2 — северные и западные манси (по Федоровой [1994, с. 123, рис. 10]);
 3 — восточные (ваховские) ханты (по Кулемзину, Лукиной [1977, с. 85, табл. IX-5]); 4 — I тип ненецкой малицы (по Прытковой [1970а, с. 9, рис. 1]); 5 — II тип ненецкой малицы (по Прытковой [1970а, с. 13, рис. 3]).

имеют ластовицы квадратной или ромбовидной формы. Однако у восточных и северных хантов отмечено бытование малицы без ластовиц [Лукина, 1985, с. 187; Сязи, 2000, с. 20].

Известны малицы с капюшоном и без него. Предполагается, что для малицы, бытовавшей у хантов в XVIII в., существенным признаком было отсутствие капюшона [Прыткова, 1953, с. 152]. Малицы без капюшона были зафиксированы в XVIII в. у северных хантов [Зуев, 1999, с. 144]. В конце XIX–XX в. капюшон малицы, как правило, выкраивался из шкурки пешки, неплюя или выдры и состоял из затылочной части в виде усеченного овала и пришитой к ней полосы, закрывающей теменную и боковые части головы. У восточных хантов капюшон детской малицы шит из шкурки пешки, снятой целиком с головы с ушками и глазными отверстиями [Лукина, 1985, с. 191]. По краю капюшона делают кулиску из меха, в которую вдеается ровдужный или шерстяной шнурок для затягивания капюшона вокруг лица.

По способу крепления капюшона к стану можно выделить несколько вариантов малицы. У северных манси капюшон пришит к прямоугольной вставке на плечах [Федорова, 1994, с. 124], у северных и восточных хантов — к вороту [Прыткова, 1953, с. 150; Лукина, 1985, с. 187] (КГКМ, № 006/1, 052, 520), у северных хантов — к вороту и ромбовидным клиньям, вшитым в плечевые швы [Сязи, 2000, с. 21]. Различаются и способы крепления рукавиц. У северных хантов и манси рукавицы пришиты по всему краю рукава [Прыткова, 1953, с. 150; Федорова, 1994, с. 124]. Такие рукавицы имеют поперечный разрез на ладони для вынимания кисти руки. У восточных хантов рукавицы прикреплены лишь с одной стороны края рукава таким образом, что остается проем для вынимания кисти руки (КГКМ, № 006/1, 052, 520).

Основное украшение малицы — суконный кант, который вставляют практически во все швы. Суконные полосы также нашивают поверх швов. Для этого используют сукно преимущественно красного или синего цвета. У северных манси бытовали малицы с мозаикой на манжетах [Соколова, 1982, с. 68].

Конструктивные особенности малицы отражены в ее названии, имеющем сходное звучание у хантов и манси — *молсау* (МСс, МЛп, МВл), *молси*, *молсянг* (ХС), *мальт'и*, *мольтси* (ХВ) (см. табл. 8). Происхождение самого термина связывается с ненецким *мал*, *малда* 'укутать с головой' или *мал* 'замкнутый со всех сторон, целый, сплошной' [Прыткова, 1970а, с. 12; Хомич, 1976б, с. 88]. Н.В. Лукина, рассматривая связанную с малицей терминологию в языке хантов, пришла к выводу, что эти слова у хантов и ненцев могли формироваться по одному пути и иметь общее происхождение [1985, с. 191–192].

Разнообразие покроев малицы у обских угров может свидетельствовать о различных путях генезиса этой одежды. Наличие вертикального шва на малице восточных хантов позволяет говорить о формировании малицы на основе распашной одежды [Симченко, 1976, с. 179; Лукина, 1985, с. 189; Козьмин, 2000, с. 143].

Навершница, или маличная рубаха, является верхней плечевой одеждой, надеваемой поверх малицы для предохранения от сырости, и шьется из ткани или сукна. Она имеет округлый ворот, длинные рукава, ластовицы. Иногда навершницу делают с воротником-стойкой. Края подола и рукавов украшают аппликацией из контрастной ткани. Восточные ханты прокладывают швы навершницы суконным кантом [Лукина, 1985, с. 194].

По покрою стана выделяются два типа навершницы. Первый представляют туникообразные навершницы, сшитые из целого куска ткани, перегнутого на плечах. Существуют два варианта этого типа: с клиньями, вставленными в боковые швы (северные ханты, северные и западные манси), и без клиньев (северные и восточные ханты) [Прыткова, 1953, с. 153, рис. 34; Федорова, 1994, с. 129; Сязи, 2000, с. 21] (КГКМ, № 006/1, 052, 520). Второй тип фиксируется у восточных хантов и аналогичен бытующей здесь малице с плечевыми швами, а иногда и с вертикальным швом спереди [Лукина, 1985, с. 193–194] (см. табл. 14).

Как можно заметить, второй тип навершницы сходен с покроем не только малицы, но и гуся (кумыша) восточных хантов и отражает особенности развития одежды глухого типа у этой группы. Первый тип навершницы в целом соотносится с покроем нижней плечевой одежды из ткани — туникообразных рубах.

Рубахи обских угров по покрою разделяются на несколько типов: туникообразные, косоворотки, с кокеткой, с поликами и женские рубахи-платья (табл. 15).

Туникообразные рубахи изготовлены из крапивного, конопляного или льняного холста и хлопчатобумажных тканей. Основу стана составляет полотнище ткани, которое путем перекидывания через плечи образует перед и спинку. В центре такого полотнища вырезается ворот и делается нагрудный разрез. К боковым краям пришиваются рукава. Туникообразные рубахи из холста и рубахи из хлопчатобумажных тканей у хантов и манси отличаются по покрою.

Покрой туникообразных рубах из домотканого полотна определяется шириной используемой ткани, которая зависит от ширины берда ткацкого станка. Стан рубахи шит из трех частей: двух боковых и среднего полотнищ, рукав — из двух частей: верхней, представляющей перегнутое посередине прямоугольное полотнище, и

Таблица 15

Нижняя плечевая одежда (рубаха) обских утров

Тип рубахи	Ханты				Манси			
	южные (до нач. XX в.)	восточ- ные	север- ные	сред- необ- ские	южные (до кон. XIX в.)	восточ- ные (до нач. XX в.)	запад- ные	север- ные
Туникообразная: из холста	+ (М, Ж)	+ (Ж)	?	+ (Ж)	?	+ (Ж)	?	?
из хлопчатобумажной ткани	?	+ (М, Ж)	+ (Ж)?	?	?	?	?	?
с верхней частью из хлопчатобумажной ткани	+ (Ж)	+ (Ж)	?	?	?	?	?	?
Кимонообразная	?	?	+ (Д)	?	?	?	?	?
С кокеткой	?	+ (М)	+ (М)	+ (М)	?	?	+ (М)	+ (М)
Косоворотка	+ (М)	?	?	+ (М)	?	+ (М)	?	+ (М)
С поликами	+ (М)	+ (М, Ж)	-	+ (М)	?	?	?	?
Рубаха-платье	-	+ (Ж)	+ (Ж)	+ (Ж)	-	?	+ (Ж)	+ (Ж)

нижней — в виде клина, составляющего по ширине одну треть рукава. Нижняя часть рукава может состоять из целого куска ткани, перегнутого посередине (в месте перегиба делался разрез, посредством которого рукав соединялся с ластовицей и боковиной), или из нескольких кусков ткани. Между боковинами и рукавом вшиты ластовицы треугольной или квадратной формы. Мужские и женские туникообразные рубахи из холста различаются по дополнительным деталям, оформлению ворота, длине и архитектонике украшений.

Женские туникообразные рубахи из холста имеют округло вырезанный ворот с нагрудным разрезом посередине (см. рис. 4). К вороту иногда пришивается прямоугольный воротник, вышитый бисером. Края нагрудного разреза застегиваются на пуговицы. Женские рубахи длиннее мужских и по покрою стана делятся на два варианта. К первому относятся рубахи, стан которых сшит из прямых полотнищ ткани без скосов [Прыткова, 1953, с. 170] (ТГИАМЗ, № 7881) (см. рис. 4, 1–7). При этом центральное полотнище может состоять из нескольких горизонтальных частей [Там же] (ТГИАМЗ, № 7823, 7846, 7879, 7853) (см. рис. 4, 5–7). Подвариантом можно считать рубаху с узкими клиньями, вставленными со стороны спинки между боковинами и центральным полотнищем (ТГИАМЗ, № 7110, 7807, 7853, 7879, 7846, 7823, 7805) (см. рис. 4, 1–3). Второй вариант представлен рубахами с боковинами, выкроенными по косой [Прыткова, 1953, с. 172] (см. рис. 4, 8) и сшитыми из нескольких частей [Там же, с. 170–171; Федорова, 1994, с. 166] (ТГИАМЗ, № 7818) (см. рис. 4, 8). Особо выделяются рубахи с «обрезанным» станом, т. е. длиной до та-

лии, или надставленные от талии другой тканью [Прыткова, 1953, с. 170; Vahter, 1953, Taf. 35–38, Abb. 35–38].

Женские туникообразные рубахи из домотканого полотна украшены вышивкой шерстяными разноцветными нитками и бисером (см. цв. вкл., рис. 12, 1). Бисером, нашитым на полоски ткани, или сплетенными бисерными полосками декорированы края рукавов, нагрудного разреза и плечевые швы. Бисерные полоски нашиты также вдоль рукава от плеча до локтевого сгиба (ТГИАМЗ, № 7805, 7807) (см. рис. 4). Нередко края рукавов и нагрудный разрез обшиты узкой полосой ткани, чаще шерстяной, красного, синего, черного или желтого цвета. На некоторых рубахах красной или красно-коричневой шерстяной нитью, иногда с нанизанным на нее бисером, обшиты края рукавов снаружи, а также швы клиновидных вставок на спинке (ТГИАМЗ, № 7805, 7807, 7879).

Как правило, вышивкой украшен край подола рубахи. В конце XIX — начале XX в. женские туникообразные рубахи южных хантов и восточных манси по расположению вышивки совпадали лишь в двух вариантах: с вышивкой вдоль верхней части рукавов, на груди и на плечах (ТГИАМЗ, № 7879) (см. рис. 4, 5, 6); с вышивкой вдоль нагрудного разреза, на плечах и на локтях и по краям рукавов [Федорова, 1994, с. 166; Рындина, 1995, с. 22–27, 253; Vahter, 1953, Taf. 35–36, 66–67, Abb. 35–36, 66–67]. У хантов по степени заполнения вышивкой поверхности рубахи выделяются еще три варианта: с полностью вышитым передом и бордюрами вдоль передних боковых швов (ТГИАМЗ, № 7805, 7110, 7807) (см. рис. 4, 1–4); с вышивкой вдоль нагрудного разреза, по краям рукавов и в области локтевого сгиба (см. рис. 4, 7); с вышивкой по краям рукавов и нагрудного разреза [Рындина, 1995, с. 22–27].

По общим деталям кроя, а также по архитектонике украшений близки к этим туникообразным рубахам женские рубахи с плечевыми швами и боковинами, сшитыми из двух косокроенных полотнищ [Прыткова, 1953, с. 172–173]. Помимо вышивки на верхней части рукава и груди такие рубахи декорированы также аппликативными полосками из хлопчатобумажной ткани, которые располагаются вдоль края подола, по среднему шву рукава, шву проймы и шву, соединяющему рукав и боковину (ТГИАМЗ, № 7818) (см. рис. 4, 8).

Мужские холстяные туникообразные рубахи, которые фиксируются по материалам конца XIX — начала XX в. у южных хантов и предположительно бытовали у южных и восточных манси, имеют воротник-стойку с застежкой и нагрудный разрез с правой или левой стороны [Федорова, 1994, с. 120–121; Рындина, 1995, с. 35–36; Vahter, 1953, Taf. 105, Abb. 105: 1, 2] (рис. 13, 1). Вышивка разноцветными шерстяны-

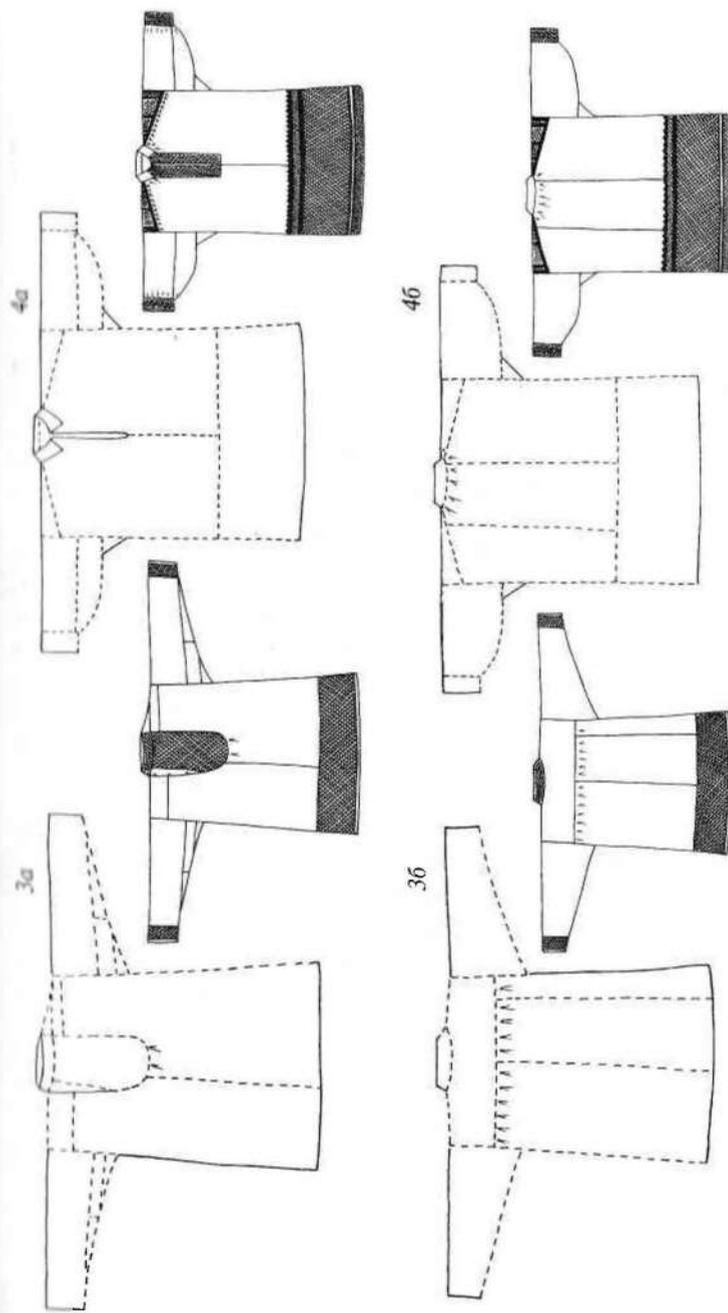
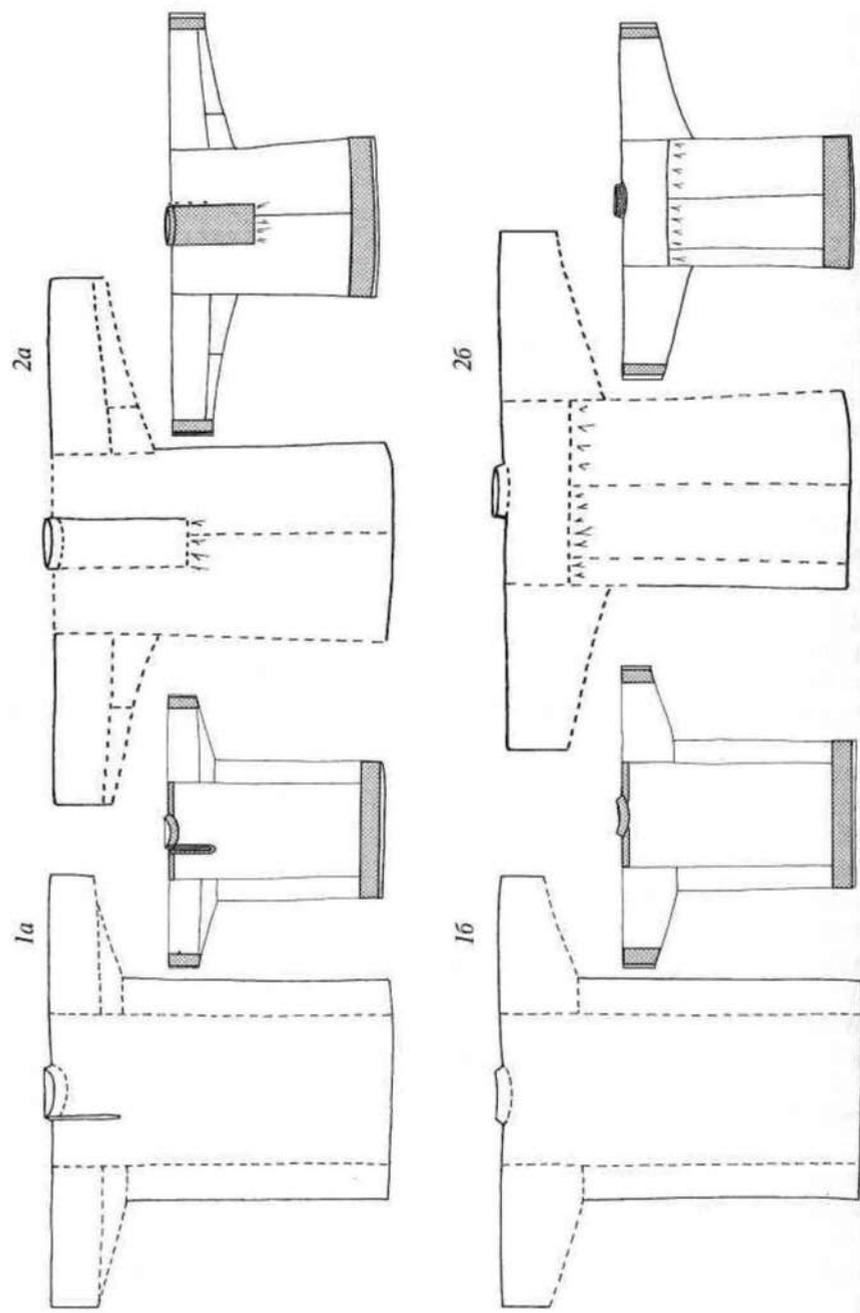

Рис. 13. Покрой и архитектура украшений мужских рубашек из домотканого полотна, конец XIX — начало XX в. (а — перед, б — спинка).
 1 — иргышские ханты (по Vähter [1953, Taf. 105, Abb. 105: 1, 2]); 2 — северные (?) ханты (ТТИАМЗ, № 7105); 3 — южные (малоат-
 лымские) ханты (ТТИАМЗ, № 7887); 4 — восточные (?) ханты (ТТИАМЗ, № 7260).

ми нитками располагается в виде бордюров по краю подола, на воротнике, вдоль нагрудного разреза, по краям рукавов, а также на плечах.

Туникообразные рубахи из хлопчатобумажных тканей фиксировались в конце XIX — начале XX в. у северных и восточных хантов [Прыткова, 1953, с. 173–174; Лукина, 1985, с. 38]. Покрой женских рубах в общих чертах совпадает с покроем рубах из холста, но за счет большей ширины применяемой ткани подол рубахи получался шире. Основные отличия заключаются в покрое рукава, который выкраивали из целого куска ткани, и способах декора. Рубахи из хлопчатобумажных тканей украшены вышивкой бисером или аппликативными полосками вдоль нагрудного разреза, по краям рукавов, а также аппликацией по краю подола. У среднеобских хантов фиксируются рубахи, у которых аппликацией в виде волнистых поперечных полосок расшиты вся поверхность рукава и плечи [Прыткова, 1953, с. 177, рис. 57; Рындина, 1995, с. 78] (рис. 14, 1). У сургутских хантов рубахи этого покроя имели широкий отложной воротник из ткани другого цвета [Прыткова, 1953, с. 173–174; Лукина, 1985, с. 38].

Сравнительный анализ женских туникообразных рубах позволяет говорить о зависимости покроя от характера используемой ткани. Так, рубахи с прямыми боковинами и клиньями на подоле спинки сшиты из холста (см. рис. 4). Рубахи с боковинами, состоящими из нескольких частей, сделаны в том числе и из хлопчатобумажных тканей, а рубахи с боковинами, скроенными по косой, — преимущественно из хлопчатобумажных тканей (см. рис. 14). В XX в. на основе туникообразных рубах сформировались рубахи-платья, отличительной особенностью которых является кокетка (см. рис. 8).

Таким образом, наблюдается процесс постепенного изменения кроя вследствие применения тканей фабричного производства. Промежуточное место между рубахами из холста и фабричных тканей занимают женские рубахи, верхняя часть (стан до пояса и рукава) которых сшита из хлопчатобумажных тканей, а нижняя — из холста. Н.Ф. Прыткова считает, что такие изменения произошли под влиянием русских [1953, с. 170]. Возможно, это сочетание связано с постепенным замещением вышитых зон на рубахах фабричными тканями с рисунком [Богордаева, 2001, с. 59]. Рубахи с верхом из хлопчатобумажных тканей использовались в начале XX в. у южных и восточных хантов [Шульц, 1924, с. 180; Прыткова, 1953, с. 170].

Мужские туникообразные рубахи, сшитые из покупных тканей, имеют существенные отличия в покрое стана, рукавов, ворота, длине и способах украшения. Стан рубахи сделан из одного полотнища ткани, к нему пришиты рукава, под которыми находятся квадратные лас-

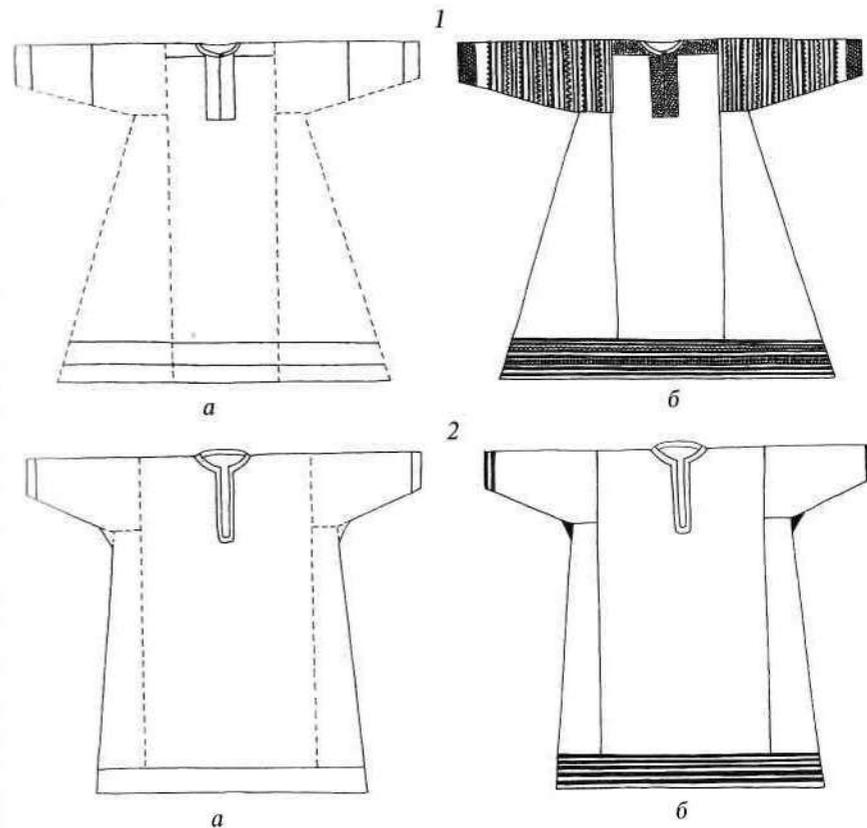

Рис. 14. Покрой (а) и украшение (б, аппликация — волнистые и прямые полосы, бисерные нашивки — штриховка крест-накрест) рубах из хлопчатобумажных тканей (по Прытковой [1953, с. 177–178, рис. 57, 58]).

1 — среднеобские ханты; 2 — северные ханты.

товицы. Длинной рубаха выше колен. По оформлению ворота выделяются два варианта рубах: первый — с нагрудным разрезом посередине и широким прямоугольным отложным воротником; второй — с воротником-стойкой и нагрудным разрезом сбоку [Прыткова, 1953, с. 146–147; Лукина, 1985, с. 38; Дунин-Горкавич, 1996, с. 77].

У восточных хантов обшлага, отложной воротник и ластовицы таких рубах сделаны из ткани другого цвета. Воротник вышит подшейным волосом оленя. Использование этой техники украшения ставит рубахи особняком и позволяет предположить существование

в прошлом другой одежды, украшенной таким же образом, с которой позднее и была перенесена эта техника. Мужские туникообразные рубахи из хлопчатобумажных тканей бытовали в конце XIX — начале XX в. у восточных и северных хантов и фиксировались в конце XX в. у восточных хантов (КГКМ, № 014/18).

Близки к туникообразным и сходны между собой по покрою стана мужские холщовые рубахи-косоворотки и хлопчатобумажные рубахи на кокетке. Рубахи-косоворотки изготовлены из холста и украшены вышивкой шерстяными нитками (рис. 13, 2, 3). Длиной они выше колен. По таким признакам, как расположение нагрудного разреза сбоку, наличие воротника-стойки, покроя рукава, они близки к вышеописанным туникообразным мужским рубахам. Особенности этих рубах заключаются в покрое ворота, к которому пришит воротник-стойка, и оформлении нагрудного разреза (находится с правого или левого бока и к нему пришит широкий клапан). Еще одна особенность покроя — кокетка на спинке. При этом рубаха может быть как с плечевыми швами, так и без них (полотнище, составляющее перед, перекидывалось через плечи, образуя кокетку). Нижняя часть спинки сшита из 2–3 прямоугольных деталей, а перед — из двух деталей. При этом одна из частей переда перегибается сбоку и образует часть спинки. В верхней части такого полотнища делается разрез для проймы. На спинке рубаха имеет два вертикальных шва, из которых один проходит обязательно посередине. Это дает возможность предположить, что он является частью конструктивных особенностей покроя рубахи. Передний шов может быть слегка сдвинут набок, в сторону нагрудного разреза. На спинке, в месте соединения с кокеткой сделаны сборки. Кокетка рубах имеет подкладку из льняных и хлопчатобумажных тканей. Рукава рубахи, зауженные к краям, состоят из трех деталей: прямоугольной верхней, составляющей заднюю часть рукава и две трети передней части, и пришитых к ней двух нижних трапециевидной формы. Воротник и нагрудный разрез имеют застежку на пуговицы.

Воротник, нагрудный клапан украшены вышивкой цветными шерстяными нитками. В виде широких бордюрных полос вышивка располагалась по краям рукавов и краю подола. Рубахи этого покроя фиксировались в конце XIX — начале XX в. у южных и среднеобских хантов [Прыткова, 1953, с. 146] (ТГИАМЗ, № 7105, 7887). Вероятно, территория их бытования была шире: известно, что холщовые рубахи, украшенные вышивкой, носили южные, восточные и часть западных манси [Федорова, 1994, с. 120–121].

Отличительный признак другого типа рубах — кокетка спереди и на спинке. Рубахи с кокеткой изготавливаются преимущественно из покупных хлопчатобумажных тканей. При этом кокетка могла быть с плечевыми швами или туникообразная. Стан рубахи составляют кокетка и пришитые к ней в сборку полотнища. Рубахи имеют прямую пройму, широкие рукава с ластовицами и манжетами, стоячий или отложной прямоугольный воротник и посередине — нагрудный разрез с планкой и застежкой. У северных и восточных манси локальные особенности проявляются в форме туникообразной кокетки (прямоугольной или трапециевидной) и длине спинки — длиннее переда или одинаковой с ним длины [Там же, с. 120]. Рубахи декорированы аппликацией по воротнику, планке нагрудного разреза, манжетам, краю подола. Они бытовали в конце XIX–XX в. в качестве нижней мужской плечевой одежды у северных и восточных хантов и северных манси [Прыткова, 1953, с. 147; Соколова, 1972, с. 45; Лукина, 1985, с. 39; Федорова, 1994, с. 120].

Вариантом рубахи с туникообразной кокеткой можно считать женскую рубаху-платье, по покрою близкую мужской рубахе на кокетке. Отличия заключались в длине. Как правило, рубаха-платье длиннее мужской рубахи (до середины голени и ниже), имеет длинные рукава на манжете, квадратную ластовицу и стоячий или отложной прямоугольный воротник (см. рис. 8). Нагрудный разрез сделан по середине кокетки и ниже, оформлен планкой с застежкой на левую сторону.

Рубахи-платья различаются по наличию широкой оборки, пришитой к краю подола, форме и высоте кокетки, по покрою нижней части стана (см. рис. 8). Для рубах-платьев восточных и северных хантов характерна широкая оборка по краю подола (см. рис. 8, 5). У северных и западных манси выделяются рубахи-платья с прямоугольной и трапециевидной кокеткой [Федорова, 1994, с. 161] (см. рис. 8, 1, 2). По высоте различаются бытовавшие в XX в. у северных, западных манси, восточных и северных хантов рубахи-платья с кокеткой до середины груди и до талии, используемые нижеобскими хантами во второй половине XX в. [Сязи, 2000, с. 36] (см. рис. 8, 3–4). Отличительными признаками последних являются нагрудный разрез до пояса и отсутствие ластовиц.

По покрою нижней части стана выделяется несколько вариантов рубах-платьев: с боковыми швами, из двух целых или нескольких сшитых полотнищ, составляющих перед и спинку (северные и восточные ханты) [Народы Севера..., 1986, с. 97] (КГКМ, № 012/2, 551, 013/16; ТОКМ, № 8114, 9140) (см. рис. 8, 3, 5); из двух разных по ширине полотнищ, из которых узкое образует часть переда, а ши-

рокое перегибается с правого бока, закрывает спинку и сшивается с передним на левом боку (восточные ханты) (КГКМ, № 001/4, 013/17); из двух полотнищ, из которых одно составляет перед и перегибается по бокам на спинку, где к нему пришито второе, представляющее собой среднюю часть спинки (восточные ханты) (КГКМ, № 181); со швом на левом боку, из одного целого полотнища прямоугольной формы, перегнутого с правого бока и сшитого на левом боку (восточные ханты) (КГКМ, № 308); из трех полотнищ — двух, составляющих спинку со швом посередине, и одного переднего, при этом боковые швы заходят на перед (северные манси) [Федорова, 1994, с. 163].

Рубахи-платья северных манси отличает спинка, которая длиннее переда [Там же]. У северных манси и восточных хантов рубахи-платья делаются с небольшим карманом, в котором обычно хранят спички. У северных манси карман находится под ластовицей, у восточных хантов — на груди (пришивается с изнанки к кокетке) (КГКМ, № 001/4, 308) (ПМА, 1991 г.).

Украшены рубахи-платья аппликацией и вышивкой бисером. При этом наиболее распространена аппликация в виде полосок. Так декорированы платья северных и восточных хантов, северных и западных манси. Аппликация расположена по периметру кокетки, на воротнике, планке нагрудного разреза, манжетах, подоле. У северных и восточных хантов полоски сочетаются с аппликативными орнаментами. Для этих же групп характерно нашивание бисера на воротник, манжеты, нагрудный разрез, край подола рубах-платьев. Украшенные бисером рубахи-платья известны и северным манси [Федорова, 1994, с. 161]. У северных и восточных хантов используются рубахи-платья, у которых рукава, манжеты, кокетка, ластовицы сделаны из разного по цвету материала [Соколова, 1972, с. 40; Лукина, 1985, с. 39; Сязи, 2000, с. 36].

Рубахи-платья фиксируются с начала XX в. у северных и восточных хантов, северных и части западных манси [Прыткова, 1953, с. 173; Лукина, 1985, с. 39; Федорова, 1994, с. 161]. Их появление вызвано широким распространением хлопчатобумажных тканей фабричного производства в конце XIX — начале XX в. Со второй половины XX в. для их шитья применяют шелк, трикотаж и синтетические ткани.

Формирование рубах с кокеткой и рубах-платьев связывается с развитием и усложнением покроя туникообразной нижней плечевой одежды [Лукина, 1985, с. 163; Федорова, 2000г, с. 240; Богордаева, 2001, с. 60]. Если учесть наличие кокетки и у рубах-косовороток, то

можно говорить о едином пути генезиса этой одежды и общей для нее туникообразной основе. Близки по покрою к туникообразным детские рубахи кимонообразного покроя из тканей фабричного производства северных хантов, зафиксированные в первой трети XX в. [Прыткова, 1953, с. 212].

Принципиально от вышеописанных отличается рубаха с поликами, стан которой сшит из четырех полотнищ холста одинаковой ширины — двух передних и двух задних, к вороту пришит отложной воротник (см. цв. вкл., рис. 12, 2). Спереди посередине оставлен нагрудный разрез. У ворота сделаны сборки. К нижнему краю рубахи пришита целая поперечная полоса ткани. Рубаха имеет прямые проймы и широкие рукава на манжетах. Воротник, нагрудный разрез, манжеты, подол и полики украшены вышивкой шерстяными нитками и аппликацией в виде полос.

Холщовые рубахи с поликами, оформленные вышивкой и аппликацией, фиксировались в XIX — начале XX в. в качестве мужской нижней плечевой одежды у восточных, южных и среднеобских хантов, хлопчатобумажные женские рубахи — у восточных хантов [Прыткова, 1953, с. 145; Лукина, 1985, с. 162] (см. табл. 15). Н.В. Лукина считает, что покроем рубах с поликами, так же как и туникообразных, стал базовым для рубах на кокетке [1985, с. 163]. Необходимо отметить, что покроем рубах с поликами считается достаточно древним и соотносится с общеславянскими корнями [Куфтин, 1926, с. 24; Лебедева, Маслова, 1967, с. 218]. Кроме того, они представляют собой другую, отличную от туникообразной линию покроя плечевой одежды. В традиционной одежде обских угров она, вероятно, появилась под влиянием русских. У восточной группы хантов исследователи отмечали бытование в конце XIX — начале XX в. женской кофты с воротником-стойкой, расшитым бисером или оловянными бляшками, а также с вышитыми бисером нагрудным разрезом, плечами и обшлагами [Шульц, 1924, с. 180].

Таким образом, в нижней плечевой одежде хантов и манси четко прослеживается туникообразная линия покроя, основанная на использовании ткани домашнего производства и давшая при ее замене привозными тканями начало таким видам одежды, как рубахи на кокетке, рубахи-платья, кимонообразные детские рубахи. У обских угров происхождение туникообразной одежды связывается с индоиранскими корнями [Федорова, 2000г, с. 239].

Помимо туникообразной линии покроя, имеющей общее происхождение прежде всего с одеждой из ткани (рубахи), в глухой одежде обских угров прослеживаются следы меховой одежды-скрада, выра-

жающиеся в выкраивании затылочной части капюшона вместе со спинкой (лузан, гусь, или кумыш, парка), элементы, свидетельствующие о ее развитии из меховой одежды распашного типа (лузан, гусь, или кумыш, малица), а также признаки, характеризующие развитие собственно меховой одежды глухого покроя (малица) — от двух скрепленных на плечах шкур. В последнем случае можно говорить о приуральском типе одежды [Прыткова, 1961а, с. 238].

Распашная одежда у обских угров представлена халатами, кафтанам и шубами. Для этих видов одежды характерно использование покупных тканей, преимущественно сукна. Кроме того, халаты делались и из домотканины.

Халаты хантов и манси по способу покроя стана подразделяются на три типа: туникообразные, с кокеткой и с плечевыми швами. Туникообразные халаты — *тор сахи* (М), *шешкан-сах* (ХС) являются верхней женской распашной одеждой, сшитой из домотканого полотна и однотонных хлопчатобумажных тканей (ТГИАМЗ, № 7101, 7845, 7883; ТОКМ, № 4229). Основу стана халата составляет перегнутое на плечах полотнище, к которому между спинкой и передом пришиты боковины. Боковые вставки могут быть как цельнокроеными, так и сшитыми из нескольких клиньев. Посередине центрального полотнища сделан вырез для ворота, от которого проходит разрез. Полочки халата выкроены одинаковой ширины. Вверху по бокам к центральному полотнищу пришиты рукава. Они также могут быть цельнокроеными или состоять из нескольких частей, как правило одной широкой и одной или нескольких узких, пришитых к ней и расширяющих рукав. Отличительная черта этого типа халата — отсутствие ластовиц. Ворот халата имеет округлый или V-образный вырез. Туникообразные халаты из холста и хлопчатобумажных тканей различаются между собой длиной и способами декорирования.

Туникообразные халаты из холста украшены вышивкой шерстяными нитками, бисером и аппликацией из хлопчатобумажных тканей. По способу декорирования выделяются два варианта туникообразных халатов из холста. В первом варианте сплошной вышивкой шерстяными нитками декорированы задняя часть рукава и передняя до середины (см. рис. 5, 1). Края полочек оформлены прямоугольными горизонтально расположенными друг над другом бордюрами. Бордюрная вышивка располагается спереди вдоль боковых швов и вдоль края подола. Вышивкой в виде треугольников орнаментированы нижние углы полочек. Бисер нашит на края рукавов. Аппликативные полоски пришиты на край подола параллельно вышивке, а также на

швы рукава, края полочек, на швы, соединяющие боковины и полочки, нижнюю часть рукава и боковин (ТГИАМЗ, № 7845).

Для второго варианта халатов из холста характерно применение в качестве украшений аппликации и бисера (ТГИАМЗ, № 7101) (см. рис. 5, 2). Параллельными аппликативными полосками, расположенными поперек, полностью расшиты задняя и передняя (до середины) части рукава, а также края подола и полочек. Полосы ткани нашиты и на плечи. Дугообразными полосами декорированы нижние углы полочек, плечи спереди и сзади. Бисером на полосках ткани оформлены края рукавов.

Туникообразные халаты из холста бытовали в конце XIX — начале XX в. у восточных (салымских), среднеобских, северных и южных хантов, восточных манси [Шульц, 1924, с. 179; Прыткова, 1953, с. 174; Федорова, 1994, с. 182; Рындина, 1995, с. 28; Дунин-Горкавич, 1996, с. 79] (см. табл. 14). Такие халаты у восточных манси фиксируются по коллекциям конца XIX в. (ТГИАМЗ, № 7845, 7101). Вероятно, ранее они бытовали также и у южных манси.

Туникообразные халаты из хлопчатобумажных тканей представлены двумя вариантами. Халаты первого варианта по покрою стана и архитектонике украшений были близки туникообразным халатам из холста (ТГИАМЗ, № 7883) (см. рис. 5, 3). Стан состоит из центрального, перегнутого на плечах полотнища, к которому пришиты боковины из двух косо скроенных частей. При этом боковой шов заходит на спинку. Рукав сшит из целого куска ткани и имеет манжеты. Халат украшен аппликацией и вышивкой бисером. Бисером декорированы манжеты. Аппликацией в виде поперечных зигзагообразных и прямых линий расшиты рукава. Узкие аппликативные полосы расположены вдоль края подола и полочек, вдоль швов на боковинах, рукавах, плечах и проймах.

Халаты второго варианта короче первых, имеют короткие рукава и три четверти, чтобы были видны манжеты платья (см. рис. 5, 4–6). В остальном покроем их совпадает с халатами первого варианта. У северных манси халаты этого варианта могут быть и с плечевыми швами, а у северных хантов такие халаты имеют кокетку, цельнокроеную спинку и ластовицы [Федорова, 1994, с. 181; Сязи, 2000, с. 35]. Халаты также украшены аппликацией (по краям полочек, подола и вдоль боковых швов) и бисером (по краю полочек). Они фиксируются в XX в. у северных манси и хантов [Прыткова, 1953, с. 175; Соколова, 1972, с. 40–41; Федорова, 1994, с. 181].

У восточных хантов также отмечено бытование сшитого из покупных тканей женского халата с туникообразной кокеткой [Луки-

на, 1985, с. 45]. По своему покрою халат напоминает рубаху с туникообразной кокеткой и имеет также широкую оборку по краю подола, присборенные у кокетки спинку и полочки одинаковой ширины, прямую пройму, зауженные к краю рукава, ластовицы, отложной широкий воротник (см. рис. 5, 7). Полочки соединены при помощи петель на правой поле и пуговиц на левой. Концы воротника расширены бисером, пуговицами и т. п. Полочки, подол и рукава декорированы аппликацией.

Топография украшений на халатах из холста и хлопчатобумажных тканей обнаруживает сходство и преемственность в основных принципах (см. рис. 5). По архитектонике украшений и способу покроя полочек близки к халатам этого типа и хлопчатобумажные халаты на туникообразной кокетке северных хантов [Соколова, 1972, с. 41; Сязи, 2000, с. 35, 192, рис. 26, 1]. У восточных хантов появление халатов на кокетке связано с их развитием из рубахи-платья, о чем свидетельствуют оборка по краю подола, отложной воротник и расположение аппликативных орнаментов [Лукина, 1985, с. 45].

Халаты с плечевыми швами сшиты в основном из сукна и плотных покупных тканей (см. рис. 7). По покрою они подразделяются на два основных подтипа с вариантами. Первый подтип халатов — *нуй сах* (ХС), *нуй сахи* (МС) сходен в крое с шубой из оленьего меха. Основу стана составляют спинка и полочки. Спинка широкая и иногда надставлена по бокам от плеча дополнительными полосами материала. Кроме того, к каждой полочке по краю пришита широкая полоса, слегка расширяющаяся книзу. Эта полоса может быть и цельнокроеной, образующей ворот халата. Нижний край спинки и полочек обшит широкой полосой. Халат имеет зауженные к краю рукава с обшлагами и ластовицами и отложной меховой или суконный воротник с закругленными концами. Полы соединяются встык при помощи завязок.

В целом топография украшений на халатах этого подтипа аналогична расположению украшений на шубах из оленьего меха. Халаты декорированы аппликативными полосами из сукна, вышитыми бисером, а также суконным кантом, вставленным в швы. Наиболее распространенный тип украшения — аппликация. Она располагается вдоль края полочек и подола, на обшлагах и воротнике, вдоль проймы, боковых и плечевых швов. Встречаются халаты с воротниками и обшлагами, декорированными бисером или нашиваемыми металлическими бляшками и пуговицами.

Такие халаты отмечены в XX в. у северных хантов, северных и части западных манси [Федорова, 1994, с. 178–179; Сязи, 2000,

с. 33–34] (см. табл. 14). У некоторых групп они имеют локальные особенности, выраженные в покрое отдельных деталей и способах их украшения. У северных (приуральских) хантов стан халата расширяется книзу за счет клиньев, вставленных от полосы на подоле в боковые швы, а также в разрезы на спинке и полочках [Сязи, 2000, с. 33]. У северных манси стан и рукава халатов этого подтипа выкроены из целого куска сукна, на котором посередине сделаны вырез для ворота и разрез для полочек [Федорова, 1994, с. 178–179] (см. рис. 7, 4). В этом случае в вырез на плечах вставляются узкие треугольные клинья, а спинка делается длиннее переда. У верхнелозьвинских и нижнесосьвинских манси халаты подобного покроя имеют плечевые швы и ластовицы [Там же, с. 179].

Особенности покроя халатов второго подтипа заключаются в наличии плечевых и боковых швов (ТГИАМЗ, № 7811; ТОКМ, № 6135/7) (см. рис. 7, 1–3). Спинка и полочки сделаны из отдельных кусков ткани. Пройма и рукава прямые. Под рукава вставлены четырехугольные ластовицы. Ворот имеет V-образную форму. Халаты этого подтипа могут быть без воротника или с отложным воротником, прямоугольные лопасти которого спускаются на грудь. Правая поля халата запахивается на левую и, как правило, больше украшена. Полочки соединяются при помощи завязок, нашитых на край правой полочки и наискосок, по середине левой полочки. К рукавам халатов иногда пришивают рукавицы из оленьих камусов. По покрою стана халаты этого подтипа подразделяются на два варианта: без боковых клиньев и с боковыми клиньями, расширяющими спинку.

Украшения мужских и женских халатов второго подтипа различны. У женских халатов края рукавов, подола и правой полочки декорированы вышивкой бисером, плетеными бисерными полосами, обшивкой из меха, металлическими бляшками или пластмассовыми пуговицами, у мужских халатов — только мехом. Такие халаты фиксируются в качестве мужской и женской одежды у восточных хантов, которые используют их также в качестве верхнего покрытия для шуб из птичьих шкур, оленьего меха и овчины [Прыткова, 1953, с. 193; Лукина, 1985, с. 41–44; Тахтуева, 1993, с. 9] (КГКМ, № 002/3, 577, 518) (см. цв. вкл., рис. 13). В конце XIX — начале XX в., вероятно, такая одежда бытовала и у хантов, которые называли ее *шабурами*, *сукманами*, *азямами*, *зипунами* [Шульц, 1924, с. 179; Прыткова, 1953, с. 157; Шатилов, 2000, с. 111].

У северных манси известна суконная распашная одежда, сходная по покрою с туникообразными халатами [Федорова, 1994, с. 178–179]. По расположению и форме украшений она аналогична бытовавшим в

XX в. у северных хантов суконным халатам, имеющим плечевые швы [Сязи, 2000, с. 33–34, 188, рис. 22, с. 189, рис. 23]. Сходство туникообразных халатов из сукна и первого подтипа халатов с плечевыми швами, прослеживающееся в основных принципах украшений, соединении полочек, покрое деталей (воротник, обшлага) и в целом во внешнем виде, указывает на их единые истоки. Обязательное пришивание аппликативных полосок на плечах, по линии предполагаемого шва, у туникообразных халатов, по мнению Е.Г. Федоровой, свидетельствует в пользу происхождения этой одежды от халатов с плечевыми швами, а появление их туникообразного покрова объясняется использованием нового материала — сукна [2000г, с. 240].

Второй подтип халатов с плечевыми швами значительно отличался от остальных по способам и топографии украшений. Рассматривая распашную одежду с плечевыми швами восточных хантов, Н.В. Лукина [1985, с. 173] соглашается с мнением Н.Ф. Прытковой о североалтайском происхождении ее основы, которая являлась туникообразной, а появление плечевого шва связывает с местной традицией. Отмечая существование общей терминологии и повсеместное бытование халатов, Е.Г. Федорова относит их к древним элементам обскоугорского костюма, а наличие запаха и выделение правой полочки рассматривает как тюркское влияние [2000г, с. 245].

Кафтан — верхняя женская одежда из сукна — имеет стыкующиеся полочки и длинные рукава. Рукава заужены к краям. Ворот спереди вырезан полукругом. По покрою, способам и архитектонике украшений выделяются два типа кафтаны.

Особенность покрова кафтана первого типа заключается в наличии боковых трапециевидных вставок, вшиваемых от талии со стороны спинки и расширяющих подол (ТГИАМЗ, № 7102, 7810) (см. рис. 6). Такие кафтаны могут быть с небольшим стоячим воротником либо без него. На нижние углы и края полочек кафтана этого типа, на воротник и обшлага, на плечевые швы, на рукав у локтя, край подола и швы вставок, а также на спинке от плеч до талии нашит бисер. Вдоль края полочек, подола и на обшлагах такие бисерные полосы часто сочетаются с металлическими бляшками и пуговицами. Воротник украшен бисером или металлическими бляшками. С изнаночной стороны кафтан обшит хлопчатобумажной или другой тканью. Этот тип кафтана фиксируется в качестве женской одежды у южных и восточных (салымских) хантов, восточных манси в XIX — начале XX в. [Инфантьев, 1910, с. 191; Прыткова, 1953, с. 184; Лукина, 1985, с. 45; Федорова, 1994, с. 180; Алквист, 1999, с. 144–146; Кастрен, 1999, с. 45] (см. табл. 14).

Отличительный признак кафтаны второго типа — трапециевидная вставка на спинке от плеча или широкий воротник типа пелерины, закрывающий плечи. Кафтаны этого типа имеют, кроме того, ластовицы. Полы соединяются при помощи завязок и украшены тесьмой, оловянными бляшками, медными пуговицами и бусами, а подол, воротник и обшлага — оловянными бляшками и бусами. По краю пелерины нашиты подвески из бус и металлических бляшек. Кафтаны этого типа бытовали в качестве женской демисезонной одежды у северных хантов до середины XX в. [Прыткова, 1953, с. 183].

Как можно заметить, между собой типы кафтаны различаются. Основными сближающими их признаками являются материал (сукно), из которого они изготовлены, и украшения — бисер и металлические бляшки. В остальном наблюдается полное несовпадение, что свидетельствует о различном происхождении этих кафтаны. При сравнительном анализе кафтаны второго типа можно наблюдать ряд параллелей в покрое и расположении украшений с суконными халатами первого подтипа с плечевыми швами. Учитывая виды применяемых для этого типа кафтаны украшений (металлические бляхи, бусы и бисер) и период бытования (до середины XX в.), его можно считать более архаичным. Возможно, что этот тип кафтаны стал основой для одного из направлений, по которому происходило формирование суконных халатов обских угров.

Первый тип кафтаны представляет иную линию развития одежды. Прежде всего это проявляется в покрое, который в полной мере соответствует обозначению этой одежды. Кафтаном называют двубортную суженную в талии одежду, что достигается специфическим кроем деталей или вставками от талии, расширяющими подол [Лебедева, Маслова, 1967, с. 244]. Кафтаны со вставками имели широкий ареал распространения. У обских угров они представляют самостоятельную линию развития плечевой одежды, изучение происхождения которой возможно на основе привлечения широкого круга этнографических материалов по другим народам.

Часто распашная одежда из ткани служит верхним покрытием для меховой одежды — шуб, которые у обских угров представлены двумя основными типами, различающимися покроем стана: с боковыми швами и с цельнокроеными спинкой и полочками, т. е. без боковых швов (обертывающего типа).

Шубы шьются из меха ворсом внутрь или наружу, с плечевыми швами, прямой проймой и с длинными рукавами (рис. 15). Северные и восточные ханты, северные и западные манси к рукавам

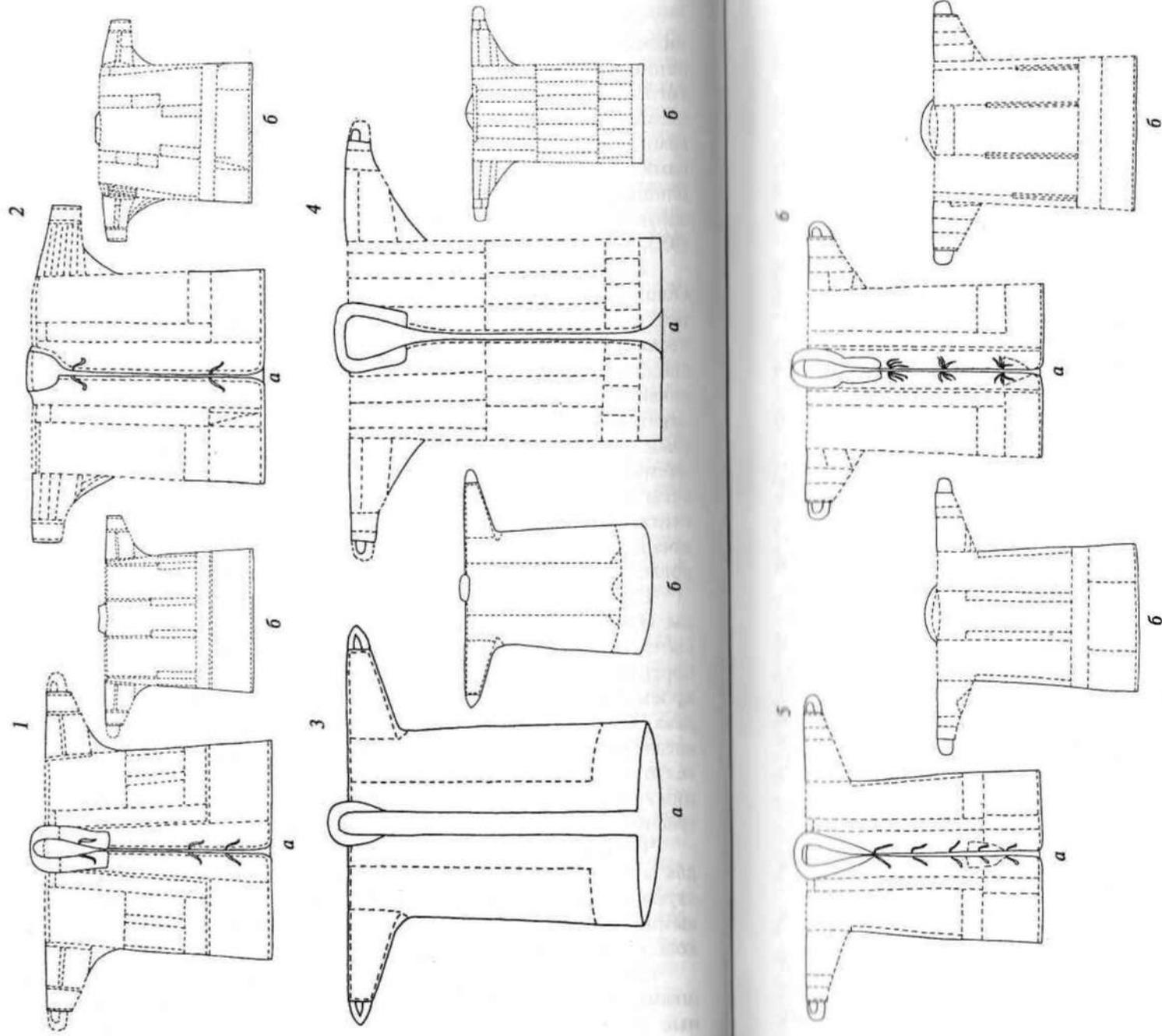

Рис. 15. Покрой женских шуб обских угров (а — перед, б — спинка).

1, 2 — из оленьего меха, восточные ханты (КГКМ: 1 — № 0265, 2 — № 0254); 3 — из оленьего меха, северные и западные манси (по Федоровой [1994, с. 175, рис. 19]); 4 — из лебяжьих шкурок, восточные ханты (КГКМ, № 041/1); 5, б — из оленьего меха, северные ханты (ТОКМ: 5 — № 8117/8, 6 — № 8737/1).

шубы пришивают рукавицы. По способу соединения пол выделяются шубы однобортные с запахом на левую сторону и двубортные, полы которых соединяются встык. Кроме того, шубы могут быть с подкладкой и без нее.

Шуба с боковыми швами шьется из оленьего меха (*сак* (X), *выл'и сах* (XC), *сах* (M)), заячьих шкурок ворсом внутрь (*чеурсак* (XЮГ)), лебяжьих шкурок ворсом внутрь (*хотаң сов сахи* (МОБ, МНс), *хотынг* (XC)), шкурок бурундука (*кйт'яр сөк сәк* (ХТр)), овчины (*ач ни* (X), *орих* (МКд)), беличьих шкурок (*лап'и* (ХВс)) [Прыткова, 1953, с. 189–190; Федорова, 1994, с. 177]. Стан состоит из выкроенных отдельно спинки и полочек, а также дополнительных надставок в виде широких полос, пришитых вдоль края подола и по краям полочек (см. рис. 15). Такая шуба имеет полочки одинаковой ширины, прямую пройму, спущенное плечо, зауженные к краю рукава с обшлагами и отложной воротник. Полы соединяются при помощи завязок либо встык, либо запахиваясь справа налево. Шубы этого типа могут быть с пришитой или отделяемой подкладкой того же покроя, что и сама шуба. Часто подкладка используется как отдельная одежда. Отличительной чертой ее является воротник, который выпускается поверх шубы. Шуба нижеобских хантов имеет ластовицы [Сязи, 2000, с. 31].

Женские шубы из оленьего меха украшены орнаментированными мозаичными полосами, кантом и суконными аппликативными полосками, вышитыми бисером (см. цв. вкл., рис. 14, б). Орнаментированные мозаичные полосы и суконный кант вставлены в основные конструктивные швы: плечевые, боковые, между надставками подола и полочек, между рукавом и обшлагом. На плечевые швы нашиты аппликативные полоски из сукна. Шубы из оленьего меха известны с XVIII в. в качестве женской одежды у северных хантов, в XIX–XX вв. у северных и части западных манси и восточных хантов [Прыткова, 1953, с. 189–193; Лукина, 1985, с. 44; Федорова, 1994, с. 174; Зуев, 1999, с. 144–145].

При наличии общих черт в покрое шуб существуют особенности, связанные с материалом, из которого они изготовлены. Так, покрой шубы из составного меха обусловлен тем, что основные детали сшиты из шкурок мелких пушных зверей (белки, заяц), частей шкуры животных (оленьи уши, овчина) и птиц (лебедя, гагары). Как правило, птичьи шкурки одинакового размера соединяются по ширине в горизонтальные полосы, из которых затем собирают стан и рукава (рис. 15, 4). Чередуя при составлении полос шкурки разного цвета, получают узор. Обычно шубы из беличьих шкурок, оленьих

ушек и т. д. сделаны ворсом наружу, а шубы из более крупных шкурок — зайца, овцы — ворсом внутрь. Нередко они подшиты тканью. Кроме того, поверх шубы, сшитой ворсом внутрь, надевают халат из ткани или сукна, а к рукавам пришивают рукавицы из оленьих камусов (см. цв. вкл., рис. 15). Часто шубы, выполненные из составного меха ворсом внутрь, служат подкладкой для шуб из оленьего меха. При этом рукава подкладки делают из пешки или короткошерстного неплюя, а нижний край спинки — из птичьих шкурок или длинношерстного неплюя.

Шубы из составного меха отмечаются в XIX–XX вв. у восточных, северных хантов и северных манси [Соколова, 1972, с. 42; Федорова, 1978, с. 204; Дунин-Горкавич, 1996, с. 78] (см. табл. 14).

Шубы обертывающего типа с цельнокроеными полочками и спинкой — *колег* (X), *көлөк* (XB), *көлөк-ни* (XB), *көләу* (XBx, XBc), *кәлә* (XCл), *лөпы чоп* (XBx), *лунг сах* (XC) сшиты из шкуры оленя или лося ворсом внутрь или наружу, полы с запахом закреплены завязками, края подола, одной (правой?) полочки, рукавов обшиты полосой окрашенной шкуры. Украшением *колега* служат узкие полоски ткани, вышитые бисером и вертикально нашитые на край правой полочки и на середину подола спинки [Изделия..., 1911, с. 33, 37]. Поверх *колега*, сшитого из шкур ворсом внутрь, нередко надевался халат.

Колег использовался в конце XIX — начале XX в. у восточных хантов в качестве мужской охотничьей одежды [Прыткова, 1953, с. 163–165; Терешкин, 1981, с. 119; Лукина, 1985, с. 176–177; Шатилов, 2000, с. 114, 116]. У ваховских хантов в конце XIX — начале XX в. зафиксирован *колег* с боковыми швами, а также короткая шуба *лөпы чоп*, сшитая из одной шкуры, без боковых швов [Дунин-Горкавич, 1996, с. 80; Лукина, 1985, с. 177]. Использование мужской зимней охотничьей одежды *колег* из овечьих шкур отмечено у хантов р. Демьянка (ПМА, 1999 г.). Он сделан с боковыми и плечевыми швами, имеет трапецевидный, расширяющийся книзу силуэт, полочки одинаковой ширины, зауженные к концам рукава и отложной воротник с прямоугольными лопастями. Поверх *колега* надевается халат из хлопчатобумажной ткани синего, а зимой белого цвета.

У северных хантов зафиксирована и другая одежда обертывающего типа — женская шуба *лунг' сах* (XОб) из оленьих шкур. Она имеет полочки одинаковой ширины, вшитые в разрезы-проймы прямые рукава с клином в нижней части, вытачки, образующие фалды на спинке, воротник из оленьего меха и полосу из пешки, пришитую по краю подола [Прыткова, 1953, с. 186]. Края шубы (вдоль

ворот, подола и полочек) окрашены в красный цвет. Эта шуба двусторонняя, т. е. ее можно носить как ворсом внутрь, так и наружу.

Особенности покроя шуб и его связь с применяемым материалом нашли отражение в названии этой одежды. Так, помимо уже известного и общераспространенного обозначения верхней распашной одежды, в том числе и шубы, словом *sak* у восточных хантов использовались и другие термины (см. табл. 8). Это — *колег*, *лёпы чоп*, а также названия, образованные с помощью форманта *ни*, добавляемого к материалу, напр.: *ач ни* 'шуба из овчины', *тёгар ни* 'шуба из зайца' и др. [Лукина, 1985, с. 169, 176]. Для шитья *колега* и *лёпы чоп* применялись, как правило, оленьи шкуры. Н.Ф. Прыткова, связывая термин *колег* с *kêle*, *kêlz*, *kolley*, употреблявшимися иртышскими и юганскими хантами для обозначения малицы, полагала, что одежда с таким названием являлась «древнейшим примитивным типом распашной одежды, сшитой из шкур дикого оленя или лося» и предшествовала одежде из рыбьих кож [1953, с. 157]. Н.В. Лукина также отмечала связь этого термина с одеждой, сшитой из оленьей шкуры [1985, с. 178].

Сравнительный анализ покроя шуб показывает, что его особенности были связаны с используемыми материалами. Наибольшие возможности в этом отношении давали оленьи шкуры, которые благодаря своим размерам и качественным характеристикам меха позволяли варьировать крой в заданных рамках. Именно в одежде из оленьего меха прослеживаются две основные линии развития шуб. Первая, представленная шубами с плечевыми швами у северных и восточных хантов, северных и западных манси, восходит к туникообразному крою. По типологии Н.Ф. Прытковой он относится к западносибирскому типу распашной одежды оседлых земледельцев и обнаруживает культурно-генетические связи между народами Северного Алтая и обскими уграми [1961а, с. 237].

Вторая линия развития, характеризующаяся изготовлением спинки и полочек из одной, перегнутой на боках, шкуры, нашла отражение в шубах типа *колег*, *лёпы чоп* у восточных хантов. Этот покрой одежды у народов Сибири был признан Н.Ф. Прытковой одним из самых древних, «специфически сибирских», принадлежащих охотникам и рыболовам и обозначен по территории распространения как «енисейский» [Там же].

Поясная одежда. У обских угров эта одежда представлена женским поясом-повязкой, штанами и натазником (рис. 16). Для их изготовления употребляли бересту, ровдугу, кожу, мех, но чаще — ткани.

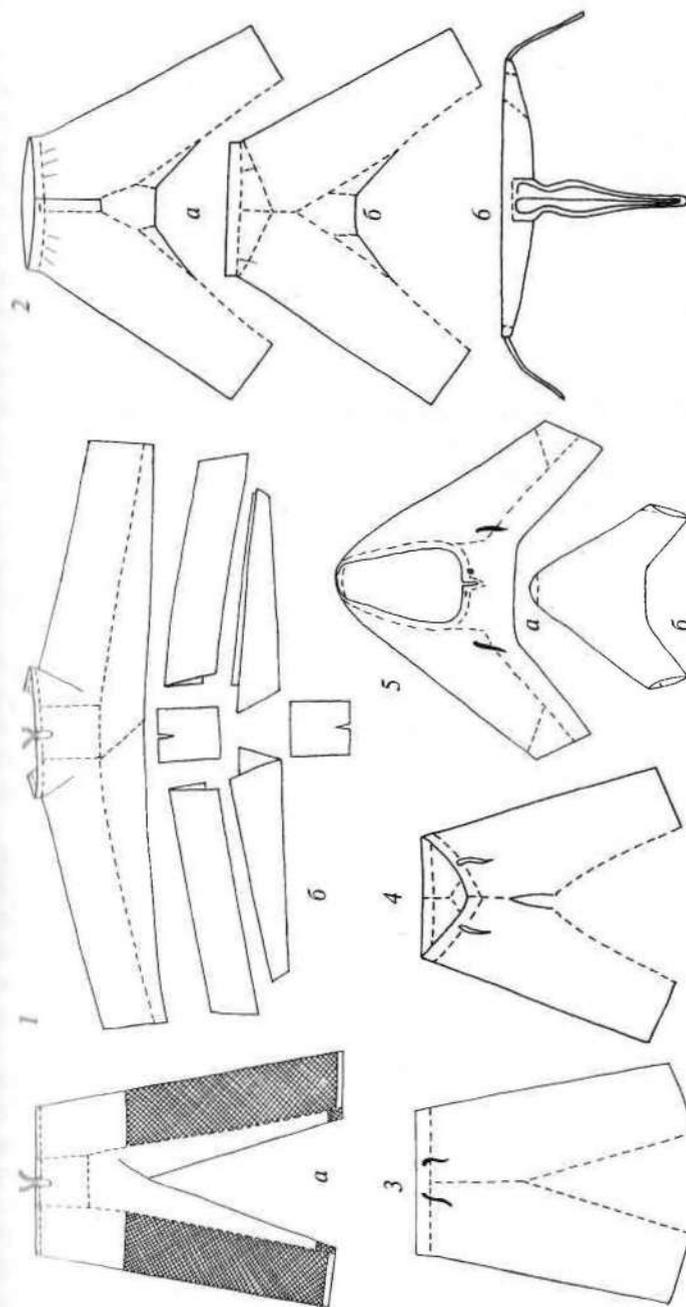

Рис. 16. Поясная одежда обских угров.

1 — женские штаны южных хантов (а — покрой и украшение, б — раскрой, ТТИАМЗ, № 1254); 2 — покрой мужских штанов восточных хантов (а — вид спереди, б — вид сзади, КГКМ, № 016/5); 3 — покрой детских штанов восточных хантов (по Лукиной [1985, с. 346, рис. 19, 5]); 4 — покрой детских штанов северных хантов (по Прытковой [1953, с. 216, рис. 101]); 5 — натазники мужские северных хантов (а — вид спереди, б — вид сзади, по Прытковой [1953, с. 146, рис. 25]); 6 — женский пояс-повязка северных манси (по Федоровой [1994, с. 160, рис. 16]).

Женский пояс-повязка является нижней поясной женской одеждой, изготовленной из коровьей или оленьей кожи, ровдуги, сукна, хлопчатобумажной ткани, бересты. Он состоит из собственно пояса, фиксирующегося на талии, и прикрепленной к нему сзади полосы, проходящей между ног и закрепляющейся спереди при помощи завязок или металлического кольца-пряжки (рис. 16, б). Украшениями для пояса служат бисер, бусы, колокольчики, а для берестяного пояса-подвязки — выскобленный орнамент [Прыткова, 1953, с. 168; Лукина, 1985, с. 37].

Штаны по покрою разделяются на четыре типа (см. табл. 10). Короткие штаны I типа, или натазники, бытовали в конце XIX — начале XX в. как мужские и женские у всех групп хантов и только как мужские — у северных и западных манси [Прыткова, 1953, с. 145; Лукина, 1985, с. 157–158; Федорова, 1994, с. 118; Дунин-Горкавич, 1996, с. 77] (рис. 16, 5). Основу натазников составляет кусок материала (шкура, ткань, ровдуга), который перегибается пополам по диагонали или горизонтали. Соединяющиеся стороны сшиты таким образом, что образуют штанины с мотней на перегибе. В некоторых случаях поясная или передняя часть натазников, а также штанины надставлялась. Покрой натазников соотносится с монгольской традицией, попавшей на территорию проживания обских угров, как предполагается, достаточно рано с волной южного населения или через самодийцев [Лукина, 1985, с. 160; Федорова, 2000г, с. 250].

Тип II представлен мужскими штанами из рыбьих кож или холста. В основе покроя — штанины из двух перегнутых по вертикали четырехугольных полотнищ, с внутренней стороны к которым узким концом вниз пришиты соединяющие клинья. От пояса спереди и сзади сделаны две прямоугольные вставки (ТГИАМЗ, № 7121) (рис. 16, 1). У штанов из холста вышивкой шерстяными нитками украшены штанины. Штаны из рыбьей кожи окрашивались.

Происхождение покроя этих штанов, бытовавших в конце XIX — начале XX в. у восточных, южных и среднеобских хантов и предположительно у манси, связывается с поясом-повязкой [Лукина, 1985, с. 156; Федорова, 2000г, с. 249]. Отмечая широкое распространение штанов такого покроя у среднеазиатских народов, Н.В. Лукина не исключает возможности их неместного происхождения (среднеазиатского, иранского) и внедрения через пришлое мужское население [1985, с. 157]. Выявляя определенное сходство штанов II типа с III, свидетельствующее о единстве их происхождения, Е.Г. Федорова относит тип II к исконному для обских угров [2000г, с. 249].

Штаны III и IV типов тоже мужские и сшиты из тканей. К III типу относятся штаны, каждая штанина которых сделана из целого куска ткани. Между штанинами вставлен ромбовидный кусок ткани и треугольный клин у поясницы (рис. 16, 2). Штаны этого типа носили в конце XIX — начале XX в. восточные ханты [Прыткова, 1953, с. 145; Федорова, 2000г, с. 249]. У этой же группы фиксируется и IV тип штанов — без вставки между штанин и без расширяющих клиньев (рис. 16, 3). Их покрой возводится к несшитым штанинам-ноговицам, а его появление у хантов связывается с культурным влиянием саяно-алтайских тюрков [Лукина, 1985, с. 157; Федорова, 2000г, с. 249]. По-видимому, наиболее архаичный вариант этих штанов представляют детские штаны северных и среднеобских хантов с разрезом между штанин [Прыткова, 1953, с. 213] (рис. 16, 4).

Кроме того, по сведениям Н.Л. Гондатти, у северных манси в конце XIX в. использовались женские штаны *эва соуэ кась* или *ом-ельмь*, которые имели нагрудник и были длиннее мужских [1888, с. 12]. Учитывая ареал их распространения, включающий контактную с ненцами территорию, можно говорить об их заимствованном от ненцев характере.

Обувь. У обских угров она подразделяется на три основных типа — башмаковидный, поршневидный и с союзками (унтовидный) [Василевич, 1963, с. 42; Лукина, 1985, с. 52–53; Федорова, 1994, с. 145–146]. Первый и второй типы объединяет использование ровдуги в комбинации со шкурами. Для обуви с союзками основным материалом были оленьи шкуры.

Главными деталями башмаковидной обуви являются отдельно выкроенные из оленьих, лосиных, конских шкур подошва и головка. Голенище шьется из ровдуги, холста и других тканей. Такую обувь раскрашивают, украшают аппликацией, вышивкой — подшейным волосом оленя и сухожильными нитками, бисером. Способ украшения башмаковидной обуви варьируется в зависимости от пола и возраста владельца, а также от района бытования.

У обских угров башмаковидная обувь по высоте головки подразделяется на два подтипа — с низкой головкой и высокой. Обувь с низкой головкой имеет три варианта по наличию и размерам голенища и материалу, из которого изготавливается. Первый вариант — обувь без голенища *нир* (X), *няра* (M) (чирки) — из кожи, имеет кулиску, в которую протягивается шнурок для крепления обуви на щиколотке. Чирки бывают как мужскими, так и женскими. Как правило, женская обувь украшается больше (см. цв. вкл., рис. 16). Бисерная сетка покрывает всю поверхность обуви, при этом треугольником выделен но-

сок или же бисерным треугольником украшен только носок, как и у мужских экземпляров. У северных хантов бисерную вышивку на обуви постепенно сменила аппликация [Прыткова, 1953, с. 197]. Чирки фиксируются с XVIII в. на территории проживания всех групп хантов и манси [Прыткова, 1953, с. 161; Лукина, 1985, с. 204, 207; Федорова, 1994, с. 185; Кастрен, 1999, с. 45].

Ко второму варианту относится обувь с длинным голенищем — *кантага-нир* (ХВ), *ханда-нвир* (ХСл), *лунты* (ХВх), *тупри няра* (М). Материал для изготовления этой обуви комбинировался в зависимости от ее сезонной принадлежности (см. цв. вкл., рис. 17). Для подошвы применяли кожу, камусы лося или оленя, для голенища — холст, ткань, сукно, ровдугу, камус, простеганную ткань. У восточных хантов такая обувь имеет вставку между головкой и голенищем в виде пришитой полосы из ткани другого цвета или орнаментированной ровдуги, а также нашитый спереди над вставкой треугольник, обычно из ткани красного цвета (см. цв. вкл., рис. 17, а, б). У этой же группы головку обуви (раньше и ровдужное голенище) окрашивали растительной краской, а у праздничной — рисованным орнаментом, обшитым по контуру подшейным волосом оленя. Орнамент на мужской и женской обуви различается [Лукина, 1985, с. 56]. Такая обувь отмечается в конце XIX–XX в. у северных и западных манси и восточных хантов [Шульц, 1924, с. 178; Прыткова, 1953, с. 198; Лукина, 1985, с. 55; Федорова, 1994, с. 146].

Третий вариант представляет мансийская обувь с коротким голенищем (до середины голени) — *няра* (МС) [Федорова, 1994, с. 146]. Головки ее сделаны из камусов лося или оленя мехом наружу, а голенище — из сукна. Голенище имеет разрез, края которого запахиваются при обувании и закрепляются шнурком, продетым сквозь кожаные петли на головке.

Обувь с высокой головкой из шкур и длинным голенищем (из сукна или камусов) — *поккы* (ХВ) зафиксирована у восточных хантов (см. табл. 11). Она использовалась в качестве зимней мужской и украшалась вставленным в швы суконным кантом, а также спереди на меховом голенище — продольными полосками белого меха [Лукина, 1985, с. 56].

В конце XIX в. у сургутских хантов фиксируется башмаковидная обувь без голенища, вероятно, с высокой головкой, сшитая из оленьих или лосиных шкур. Ее надевали в сильные морозы поверх меховой обуви [Швецов, 1998, с. 93].

Поршневидная обувь состоит из подошвы-поршня, треугольной вставки на подъеме и голенища с косым срезом верхнего края. По-

дошва делается из лосиной, оленьей, коровьей или конской шкуры, а голенище — из ровдуги. У северных и восточных хантов, северных манси такая обувь декорируется окрашиванием треугольной вставки на подъеме и нижнего, а иногда и верхнего края голенища. У восточных хантов, кроме того, полосы краски и орнамента наносятся вдоль швов и по краю голенища. Особенностью поршневидной обуви обских угров признается наличие клиновидной вставки (носка) над пальцами и подъемом, а также способы украшения и шнуровки [Василевич, 1963, с. 44; Лукина, 1985, с. 203]. По технике украшения обувь поршневидного типа северных и восточных хантов близка башмаковидной обуви восточных хантов [Прыткова, 1953, с. 160–161; Лукина, 1985, с. 53]. Эта обувь отличается влагоустойчивостью и фиксируется с XVIII в. у северных хантов, в XIX–XX вв. у восточных хантов, северных и части западных манси [Прыткова, 1953, с. 160; Лукина, 1985, с. 202; Федорова, 1994, с. 149; Зуев, 1999, с. 144].

Обувь с союзками (унтовидная по классификации Н.В. Лукиной) состоит из подошвы, голенища и вшитых между ними союзок (см. цв. вкл., рис. 17, з). Голенище сделано из нескольких (от 5 до 7) полос оленьих камусов и имеет косой срез верха. Между голенищем и подошвой вставлены союзки. По их количеству выделяются два варианта камусной обуви: 1) с одним рядом союзок (у восточных (правобережных) и северных хантов); 2) с двумя рядами союзок (у северных, восточных и западных манси, северных и восточных хантов) [Василевич, 1963, с. 49–50; Лукина, 1985, с. 209, 211; Федорова, 1994, с. 152]. Такая обувь часто доходит до верхней части бедра. Край голенища обшивается полосой меха.

Украшением обуви с союзками служат разноцветные суконные канты, вставленные в швы. Оформление передней части и носка имеет отличия по половозрастному принципу. Кроме того, у северных и восточных хантов такая обувь декорируется вдоль основных швов полосами меховой мозаики [Прыткова, 1953, с. 160; Лукина, 1985, с. 210]. У северных хантов на женской обуви меховая мозаика проходит спереди вдоль голенища посередине [Сязи, 2000, с. 38]. Такую обувь носят с вкладышем в виде чулка, сшитого из меха ворсом внутрь.

Чулки. Чулки из сукна и ровдуги делаются с подошвой, клином или носке и длинным голенищем с кососрезанным краем [Прыткова, 1953, с. 197; Федорова, 1994, с. 150]. У восточных хантов известен и другой тип чулок — с головкой и голенищем, между которыми иногда вставляется орнаментированная полоса [Лукина, 1985, с. 52].

Близкими по покрою к обуви башмаковидного и поршневидного типов являются чулки из сукна, меха или в более позднем варианте — из простеганной ткани. Сходство в покрое поршневидной обуви и суконных чулок наблюдается у северных и западных манси, северных хантов [Прыткова, 1953, с. 199, рис. 81; Федорова, 1994, с. 150]. Меховые чулки хантов и манси не отличались четкими конструктивными особенностями, в их покрое много сходного как с поршневидной обувью, так и с башмаковидной [Лукина, 1985, с. 213; Федорова, 1994, с. 152].

Головные уборы. К ним относятся платки, косынки, шапки, капоры, различающиеся материалом, формой, способами украшения.

Платки обских угров по покрою и приемам украшения делятся на два типа. К первому относятся женские платки из целого куска ткани, обшитые по краям полосами ткани и кистями из льняных, крапивных, шерстяных или шелковых ниток. Углы выделены квадратами, вышитыми шерстяными нитками или вшитыми кусками цветной ткани. Существует два варианта таких платков: из холста с вышивкой и из покупной ткани, обшитые каймой и кистями. Первые зафиксированы в конце XIX — начале XX в. у восточных манси, вторые — в XIX–XX вв. у западных и северных манси, северных и восточных хантов [Прыткова, 1953, с. 204; Соколова, 1972, с. 43; Лукина, 1985, с. 218; Федорова, 1994, с. 187]. Ко второму типу относятся женские платки южных хантов, сшитые из двух с половиной полос холста и вышитые по краям, углам и вдоль основных швов шерстяными нитками [Прыткова, 1953, с. 204]. Повсеместно мужчины в качестве нашивных и головных носили платки из четырехугольного куска ткани, без украшений. Уже в конце XIX — начале XX в. среди мужской части населения широко употреблялись покупные платки и шали [Дунин-Горкавич, 1996, с. 78].

Косынка обских угров имеет форму равнобедренного треугольника, составленного из трех кусков холста — двух трапециевидных и одного треугольного [Прыткова, 1953, с. 203]. На соединительные швы нашиты полоски ткани, вышитые бисером. Средний угол косынки украшен вышивкой, а также подвесками из бисерных лент, кисточек и металлических блях. Косынки бытовали в конце XIX — начале XX в. у южных и восточных хантов и восточных манси [Шульц, 1924, с. 181; Прыткова, 1953, с. 203; Федорова, 1994, с. 187]. По мнению Н.Ф. Прытковой, хантыйские косынки были заимствованы у татар [1953, с. 229].

Шапки обских угров представлены двумя типами: конусовидным (островерхие) и круглым с отверстием или околышем. Конусо-

видные шапки являются обрядовыми мужскими головными уборами и имеют форму колпака, сшитого, как правило, из сукна. По покрою выделяются два варианта конусовидных шапок. К первому относятся шапки, собранные из вертикальных полосок сукна, ко второму — сшитые на угол из одного куска ткани или меха. К верхушке суконных шапок пришивают кисточки из полосок сукна или кусок меха, край обшивают мехом или окантовывают тканью. Иногда полосы ткани орнаментируют в технике мозаики. Бытование таких шапок отмечено повсеместно [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 74, 147; Федорова, 1994, с. 209; Карьялайнен, 1995, с. 48; Молданова, 1999, с. 23]. Они также входят в состав жертвенной одежды духов-покровителей, о чем свидетельствуют материалы мансийских святилищ [Гемуев, Бауло, 1999, с. 169]. В целом происхождение конусовидных (островерхих) шапок обских угров связывается с традициями, пришедшими с юга [Лукина, 1985, с. 224].

У восточных хантов в середине XIX — начале XX в. зафиксированы еще два варианта конусовидной шапки — из сукна с лопастьями, спускающимися на уши, и шлемовидный с козырьком [Лукина, 1985, с. 224; Кастрен, 1999, с. 75]. По всей видимости, подобный первому варианту головной убор, но с пришитым широким куском ткани, закрывающим уши и затылочную часть и спускающимся до плеч, использовался в качестве ритуального у манси [Мифология манси, 2001, рис. 32]. По материалам северомансийских святилищ известны также шапки трапециевидной формы, сшитые из нескольких кусков ткани и украшенные кисточками из суконных полосок по двум верхним углам [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 39, рис. 36]. В этнографической литературе упоминаются также шапки из лисьего и собольего меха, однако установить их покрой не представляется возможным [Федорова, 1994, с. 209].

Шапки круглой формы из тканей (сукна) часто имели меховые околыши. Они бытовали у южных, восточных хантов и восточных манси [Лукина, 1985, с. 61, 223]. У восточных хантов вообще наблюдается большое разнообразие шапок. Так, здесь фиксируются имеющие предположительно южносибирское происхождение шапки из ткани «с мягкой круглой тульей, собранной на макушке под нашитый кружок из холста» и войлочные — с отогнутыми вверх полями [Там же, с. 224–225]. В конце XIX — начале XX в. среди мужского населения были широко распространены фуражки (картузы) русского образца, а в XX в. — шапки-ушанки из меха пушных зверей.

Капор, сшитый из шкур и ткани, в отличие от шапки полностью облегает голову и состоит из затылочной части и частей, прикрываю-

щих шею и темя. Как правило, капор имел длинные уши, которые украшались разноцветными кантами или мозаичным орнаментом, либо завязки. У обских угров по способу покрою выделяется два типа капора.

Конструктивными особенностями капора I типа, сделанного из меха пушных зверей, птичьих шкурок или неплюя, являются выкроенная полукругом затылочная часть и пришитая к ней теменная, часто собранная из отдельных кусочков меха. По краю лицевой части капора сделана кулиска, в которую вдет шнурок для затягивания вокруг лица. Часто край капора обшивается полосой сукна с опушкой из меха. Варианты этого типа — капор с треугольными вставками между затылочной и теменной частями над ушами и капор, теменная часть которого пришита перпендикулярно к затылочной части, а над ушами прикреплены завязки [Лукина, 1985, с. 222; Федорова, 1994, с. 155] (рис. 17, 1).

Капоры I типа в XIX — начале XX в. носили мужчины северных и западных манси, восточных и южных хантов [Васильев, 1929, с. 28; Прыткова, 1953, с. 162; Прыткова, 1961б, с. 330; Лукина, 1985, с. 60; Федорова, 1994, с. 155; Дунин-Горкавич, 1996, с. 78]. Локальные отличия наблюдаются в способах декора и оформления ушей капора: у восточных хантов кожаные завязки украшались кистями из бус и суконными кисточками [Прыткова, 1953, с. 162, рис. 45]. У северных хантов встречаются капоры без ушей, их нижние подбородочные края соединены прямоугольным куском оленьей шкуры [Народы Севера..., 1986, с. 104–105].

По типологии головных уборов народов Сибири, предложенной Н.Ф. Прытковой, этот капор обских угров относится ко II типу, который, по ее мнению, в большей степени характерен для западных групп эвенков [1961б, с. 338]. Предполагается также, что он мог сложиться и в обскоугорской среде [Лукина, 1985, с. 223]. На это указывают широкий ареал распространения этого типа капора у хантов и манси, материал для изготовления, способы декорирования.

Ко II типу относятся женские капоры, затылочная часть которых имеет форму усеченного овала и сшита из шкуры с головы оленя либо имитирующей ее декором [Прыткова, 1953, с. 204–205; Лукина, 1985, с. 60]. Затылочная часть такого капора сшита из двух частей — нижней и верхней. Лицевой край капора обшит длинношерстной опушкой из оленьего, собачьего, лисьего или песцового меха. К затылочному краю пришиты подвески из бус, бисерных лент, металлических бляшек и цепочек. Как правило, такой капор

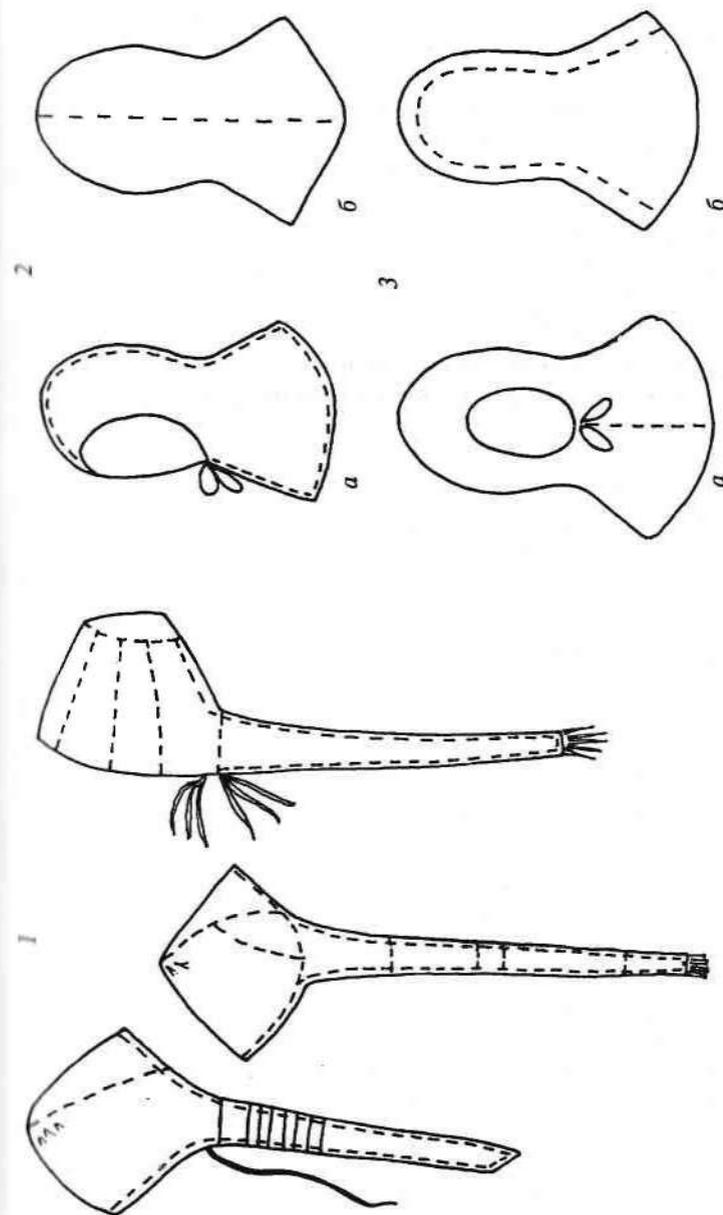

Рис. 17. Покрой мужских головных уборов (а — лицевая часть, б — затылочная).

1 — капоры северных (верхнесосвинских) манси (по Федоровой [1994, с. 154, рис. 15]); 2, 3 — шапки от комаров северных (нижнеобских) хантов (по Сэзи [2000, с. 173, рис. 7]).

может иметь подкладку и завязки из ровдужных ремешков или тесьмы. Если капор сделан из шкуры с головы оленя, то глазные отверстия на затылочной части оформлены аппликацией из цветного сукна или кантом, а к основаниям ушек прикреплены суконые кисточки. У капоров северных хантов аппликацией украшаются также прорези от ушек и рожек [Сязи, 2000, с. 33].

Капор II типа фиксируется с XVIII в. у северных хантов, а в XIX–XX вв. — у восточных хантов и северных манси [Гондатти, 1888, с. 16; Прыткова, 1953, с. 204–205; Лукина, 1985, с. 60]. Этот тип соотносится с I типом капоров народов Сибири и считается заимствованным обскими уграми у ненцев [Прыткова, 1961б, с. 338]. У северных манси в единичных экземплярах встречается капорообразная женская шапка из сукна, имеющая подкладку из оленьего меха и опушку из собачьей шкуры, с ровдужными завязками и прикрепленными сзади металлическими подвесками [Федорова, 1994, с. 194].

У северных групп обских угров фиксируются накомарники — специальные мужские головные уборы в виде капоров, сшитых из ткани и меха [Федорова, 1994, с. 156; Сязи, 2000, с. 24] (рис. 17, 2, 3). У северных манси затылочная часть накомарника сшита из меха, а теменная — из ткани. К нижнему краю прикреплен кусок ткани, закрывающий плечи. У северных хантов накомарник полностью делается из ткани и закрывает плечи. У этой же группы в конце XX в. использовался накомарник *пилла мил* 'шапка от комаров', состоящий из двух одинаковых, выкроенных из ткани частей — левой и правой — и имеющий шов по середине головы [Сязи, 2000, с. 24]. Накомарник из ткани фиксируется и у восточных хантов, которые использовали для этих целей платок [Лукина, 1985, с. 219].

* * *

В целом можно отметить следующие особенности покроя отдельных элементов костюма и их распределения в составе комплекса. Туникообразный покрой являлся ведущим для нижней плечевой и верхней распашной со стыкующимися полами одежды. Этот покрой был характерен прежде всего для одежды из холста, что позволяет идентифицировать вышитые рубахи из домотканины, известные по письменным источникам XVIII в., как туникообразные. На основе туникообразного покроя сформировались такие виды одежды, как рубахи, рубахи с кокеткой, рубахи-платья, халаты и, вероятно, шубы с боковыми вставками из оленьего меха. Одежда этого покроя соотносится с комплексом скотоводов лесостепной зоны, к ко-

торому относятся такие базовые элементы костюма, как штаны II и III типов, башмаковидная обувь, платки, островерхие шапки.

Определение базового комплекса не означает, что формирование других элементов костюма происходило именно на его основе. Так, к элементам, сложившимся в условиях таежно-тундровой зоны, у обских угров относятся парка, гусь, колег, поршневидная обувь и обувь с союзками, капоры I типа.

ДИНАМИКА ЛОКАЛЬНЫХ КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Общие и локально распространенные предметы одежды образуют костюмный комплекс или единый ансамбль, объединяющий плечевую и поясную одежду, обувь, головные уборы, украшения и т. п. У обских угров его основу составляют плечевая и поясная одежда, головные уборы и обувь, в материале, покрое и декоративной отделке которых наблюдается большая вариативность. По сочетанию разнообразных предметов одежды, их типов и вариантов выделяется локальная специфика костюма. Определение и изучение особенностей костюмных комплексов различных групп в динамике позволяют рассмотреть процесс их формирования и причины их появления.

Мы выделяем три хронологических периода, которые характеризуются общими тенденциями, связанными с употреблением для одежды и украшений новых материалов и, вследствие этого, изменением покроя и формированием новых предметов одежды. Первый период охватывает XVIII в., второй — XIX — начало XX в., третий — с начала и до конца XX в.

Первый период (XVIII в.). Источники этого времени немногочисленны и не позволяют детально проанализировать особенности костюма отдельных групп. Тем не менее они показывают, что костюм обских угров в рамках географических ареалов не был однородным. Мы выделяем четыре локальных комплекса: североостяцкий, восточноостяцкий, южноостяцкий и вогульский.

В североостяцком комплексе, представленном одеждой остяков Березовского уезда, выделяются оленеводческий и охотничье-рыболовческий костюмы. Отдельные детали каждого из них могли использоваться и оленеводами, и охотниками-рыболовами. Каждый из костюмов имел отличия по составу предметов одежды.

Мужской костюм оленевода включал малицу с наверхницей (маличной рубахой), гусь, парку, ровдужные штаны, шубу (домашняя одежда), поршневидную (летнюю) и камусную с союзками (зимнюю) обувь, чулки; женский костюм — зимнюю шубу из оленьего или «бельего» меха, пояс-повязку, камусную (с союзками) и порш-

невидную обувь, головную повязку, «у коей концы назаде долгие и расшиты разными медными фигурками», платок-покрывало, серги [Георги, 1799, с. 70; Андреев, 1947, с. 98; Описание..., 1982, с. 172; Зуев, 1999, с. 144–146, 189; Новицкий, 1999, с. 38–40]. У богатых остяков, по сведениям В.Ф. Зуева, такой костюм дополняла нижняя рубаха из холста [1999, с. 144]. Мужчины имели прическу с бритыми ото лба и «вкруг головы» волосами и двумя косами, а женщины — две длинные косы или вплетаемые ложные косы [Там же, с. 145].

У населения, занимавшегося охотой и рыболовством, мужской костюм состоял из рубахи, штанов, зимней шубы «из птичьих гусиных, гагарьих и утечьих кож... из оленьих же и из белых шкур, подложенных заечьими и белыми мехами» или из овчины [Описание..., 1982, с. 172–173]. Летом мужчины использовали старые, изношенные шубы с облезлым ворсом, а также «корноваго разного цвету и сераго сукон кафтаны, называемые армеки», «кожаны» из рыбьей кожи, обувь — «сапоги, коты или чарки и чулки и своего рукоделия из рыбных осетровых кож коты ж, а из налиных голенища» [Там же]. Упоминающиеся «кожаны», вероятно, представляли одежду глухого покроя типа наверхницы или суконного гуся. Обувь, называемая «коты», возможно, имела поршневидный покрой.

В состав женского костюма этой группы населения входили «голевые фанзовые китайчетые и холшевые» рубахи, такие же, как у мужчин, шубы, «разных цветов суконные» халаты («однорядки») с нашитыми «по полам и подолу» оловянными бляхами, платки («вокшимы») «голевые и из шелковых, холшовых» тканей, обшитые по краям «другими обшивками и вкруг же оных нитяные и шерстяные бахромы» [Там же].

Восточноостяцкий комплекс, который составляла одежда остяков Сургутского уезда, мало отличался от североостяцкого охотничье-рыболовческого комплекса. У мужчин зафиксированы вышитые рубахи, шубы «у кого есть, из оленьих кож», суконные халаты, у женщин — вышитые рубахи, «из гагарьих шкур и заичьи шубы», суконные халаты («покром весьма сходно с русскими»), украшенные «кругом воротника по борту... вылитыми из олова простыми бляшками, на подобие позумента» [Там же, с. 179]. Можно предположить, что мужской и женский костюмы дополнялись штанами, обувью, а женский — платком.

Из «Описания Тобольского наместничества» следует, что одежда сургутских остяков изготавливалась в основном из оленьих шкур, птичьих шкурок, ткани, сукна. Отсутствуют сведения о применении рыбьей кожи, что составляет главное отличие восточного комплекса

от северного. Кроме того, у ближайших соседей сургутских остяков — селькупов — рыбы кожи употреблялись для одежды еще в XIX в. [Пелих, 1972, с. 41], из чего следует, что либо в источнике описывается какая-то конкретная группа сургутских остяков, не использовавших рыбью кожу, либо в XVIII в. этот материал здесь не применялся, либо территория его распространения у остяков ограничивалась Березовским уездом.

К южноостяцкому костюмному комплексу относится одежда иртышских, демьянских и кондинских остяков, имевших комплексное хозяйство, ориентированное на занятие охотой, рыболовством и содержание небольшого количества домашнего скота [Описание..., 1982, с. 65; Мартынова, 1998, с. 43]. Отмечается, что «покром своего платья мужеской пол носит равно так, как и руския» [Описание..., 1982, с. 64–65].

Сведения об этом костюме немногочисленны. У мужчин фиксируется вышитая рубаха из крапивного полотна, у женщин — «покром платье... наподобие татарок и сверх всего вплетают в косу шерстяную плетеную косоплетку, на оную навешивают ширкунцов... Платье и рубахи вышивают шерстью ж и бисером. И голову накрывают платом белым, называя вокшимом, и вышивают шерстью ж и бисером» [Там же]. Под упоминаемым в источнике платьем, вероятно, понимается распашная хлопчатобумажная или суконная одежда (халат, кафтан), которая в XVIII в. входила в состав женского костюма татарок [Сулова, Мухамедова, 2000, с. 33]. Таким образом, остяцкие женщины носили вышитые рубахи из крапивного полотна, расшитый бисером и шерстяными нитками (?) халат или кафтан, бисерные косоплетки и платок.

Труднее восстановить основные предметы мужского костюма, который, как отмечалось выше, был сходен с русским. В «Описании Тобольского наместничества» приводятся лишь данные по русскому костюму мужчин Ишимского уезда, которые носили рубахи-косоворотки из холста, обшитые «снурками», сермяжные или суконные «зипуны з борами», кафтан «из корноваго сукна и китайки», домотканые пояса, «шляпы... круглыя с высокою тульею», зимние «того ж покромю» «нагольные» шубы и «шапки, называемыя асички, чебаки и треухи, крытые сукном и опушенные мерлушкой и овчиной», кожаные чирки и сапоги [Описание..., 1982, с. 270].

Отсюда можно заключить, что мужской костюм южных остяков состоял из упомянутой вышитой рубахи-косоворотки из крапивного полотна (отдельное упоминание этой детали говорит о том, что она была специфичной, т. е. собственно остяцкой принадлежностью

костюма), суконного кафтана или зипуна, «нагольной» шубы, пояса, круглой шапки, кожаной обуви (чирки, сапоги). Таким образом, специфика южноостяцкого комплекса заключается в применении одежды большей частью из ткани (крапивного полотна, сукна), украшенной вышивкой нитками и бисером.

При этом следует учитывать, что процесс «вогулизации» в бассейне р. Конда в рассматриваемый период отразился и на одежде проживавших здесь остяков, однако проследить это на конкретных материалах трудно. В отличие от остяцкого костюма одежда вогулов XVIII в. предстает единообразной, что объясняется малочисленностью источников. Тем не менее имеющиеся сведения позволяют отделить ее от перечисленных остяцких комплексов и считать самостоятельным — вогульским.

Вогульский комплекс в источниках XVIII в. характеризуется отрывочными описаниями одежды туринских и тавдинских вогулов, которые помимо охотничье-рыболовного промысла занимались земледелием [Лепехин, 1814, с. 18]. Вероятно, представление о костюме вогулов этого периода сложилось на основе сведений об их южной группе, проживавшей в бассейнах рек Тавда, Тура, Ница, Тагил, средняя Кама и Чусовая.

Вогульское население этой территории к XVIII в. было значительно ассимилировано татарами и русскими, что нашло отражение и в деталях их костюма [Долгих, 1960, с. 34; Соколова, 1983, с. 97–98]. Женская и девичья одежда была представлена «подпоясываемой, пестрой» рубахой, вероятно из домотканины, штанами и лаптями (?) [Георги, 1799, с. 62]. Девушки заплетали волосы в несколько кос и не покрывали головы, женщины носили «унизанные копейками» головные повязки и накидывали на голову вышитый платок-покрывало, «висящий по татарскому обыкновению, через плечи и волосы закрывающий» [Там же]. Костюм дополняли серьги, перстни и кольца. В зимний период к этому прибавлялась «мужская шуба» [Там же]. В Тарском округе вогулки носили «вышитые разным цветом шерстью платки вместо покрывала» и рубашки, также вышитые по холсту узорами, а «в прочем никакой отмены более не имеют, кроме одного своего вогульского языка» [Описание..., 1982, с. 160].

Для вогульского комплекса было характерно бытование своеобразных, схожих с чувашскими и татарскими женского и девичьего костюмов и сходство мужской одежды с «русской» [Георги, 1799, с. 62; Лепехин, 1814, с. 28]. Выше при рассмотрении костюмов южноостяцкого комплекса, у которого также есть общие черты с татарской и русской одеждой, были приведены сравнительные материалы

по ним. Очевидно, что в этом отношении костюмы вогулов и южных остяков, проживавших поблизости, были сходны.

Для выявления параллелей с чувашским женским костюмом приведем его описание по источнику XVIII в., в котором говорится, что плечевая одежда чувашской женщины была сходна с черемисской (марийской) и состояла из штанов и вышитой рубахи, поверх которой — халат из сукна, а «зимой надевают на рубахи таким же почти образом сделанные шубы, или суконные разные цветом охабни», пояса, «от которого пускают на обоих боках по одной, бахромкою обшитой, лопасти», «покрытой корольками и мелкими... серебрянными монетами» шапки, под которую надевают «фату», или головной повязки с «небольшим хвостом», висящим на спине, и чересплечной перевязи [Георги, 1799, с. 27–28, 36]. Таким образом, в мужской костюм вогулов входили рубаха-косоворотка, штаны, халатообразная одежда (зипун, кафтан) из сукна, шуба (зимой) и меховая или суконная шапка с околышем, кожаная обувь, в женский, помимо вышитой рубахи, штанов, головной повязки и платка, — распашная одежда (халат, кафтан) из сукна или других тканей и пояс.

По ряду признаков в рассматриваемых остяцких и вогульском комплексах наблюдается сходство не только у территориально близких, но и у отдаленных друг от друга групп. Так, очевиден обскоугорский комплекс женского костюма — вышитая рубаха из крапивного холста, шуба, головная повязка, платок-покрывало. Практически у всех групп фиксируется использование распашной женской одежды из сукна, при этом у остяков она украшалась металлическими бляшками. В мужском костюме к числу общих элементов относятся вышитая рубаха и шуба.

Второй период (XIX — начало XX в.). Этот период характерен большим сводом источников по костюму локальных групп остяков и вогулов. В то же время отсутствуют сведения по традиционной одежде южных и части западных вогулов или отмечается ее полное сходство с русской одеждой [Лукинский, 1872, с. 4; Малиев, 1872, с. 12; Павловский, 1907, с. 22; Инфантьев, 1910, с. 6; Алквист, 1999, с. 36].

Изменения в одежде обских угров, связанные как с притоком привозных товаров, этнокультурными контактами, так и с некоторой переориентацией в хозяйственной деятельности, отразились на костюме в целом. Рассматривая условия жизни остяков и вогулов на севере Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в., А.А. Дунин-Горкавич разделил их на «лошадных» (имеющих лошадей в качестве основного средства передвижения), обитавших по берегам Оби и ее притокам Балыку и Салыму, а также в низовьях Ваха, Юга-

на, Назыма, Северной Сосьвы, Кавинской, Васпукола, Ендыря, и «оленных», занимавших остальные обские притоки и низовья Оби [Дунин-Горкавич, 1995, с. 88]. Он отмечал, что одежда «лошадной» группы делается преимущественно из фабричного материала, отличается своеобразным покроем, а иногда это — одежда «чисто русского типа, с его неизбежными “спинджаками”, “брюками на улицу” и даже “калошами”» [Там же, с. 88–89].

Действительно, «русская одежда» в этот период широко распространяется у обских угров, особенно у групп, которые проживали вдоль основных речных магистралей Западной Сибири — Иртыша и Оби, их притоков — Демьянки, Конды, Северной Сосьвы и др., где русское население увеличивалось за счет мигрантов и велась активная торгово-обменная деятельность с коренными жителями. Несмотря на нивелировку некоторых традиций, локальные особенности культуры в этот период продолжали сохраняться у большинства групп обских угров (исключая южных и части западных вогулов), в том числе и в одежде.

На основе выделения общих элементов в традиционной одежде и их распространения в этот период Е.Г. Федорова разделила обских угров на три группы: 1) южную (иртышские, демьянские, салымские, ниже- и среднекондинские ханты, среднекондинские, нижнепелымские и нижнедозьвинские манси); 2) северную (ханты нижней Оби и ее притоков, манси Северной Сосьвы, верховьев Лозьвы, Пелыма и Конды); 3) восточную (ханты левых и правых притоков Оби в ее среднем течении) [2000г, с. 229–231]. Кроме того, ею определена центральная часть обскоугорского ареала (ханты и манси, проживающие по берегам Оби в ее среднем течении и в низовьях до современного Березовского и Белоярского районов Тюменской области), для которой было характерно сочетание элементов костюма всех групп [Там же, с. 232].

Изучение локальных особенностей одежды обских угров в XIX — начале XX в. позволяет конкретизировать эту схему и выделить четыре локальных костюмных комплекса: северный, среднеобской, восточноостяцкий и южный.

Северный комплекс, представлявший в основном оленеводческий костюм, бытовал у обдорских, шурышкарских, березовских и казымских остяков, ляпинских, северососьвинских и верхнедозьвинских вогулов (Обдорская, Куноватская, Казымская, Подгородняя, Ляпинская и Сосьвинская волости Березовского уезда).

Одежда оленеводов мало изменилась с XVIII в.: у мужчин — малица, наверхница из сукна, меховой и суконный гусь, парка, кожа-

ный или плетенный из ниток пояс, меховые и ровдужные штаны, поршневидная и камусная обувь, чулки, меховой капор, у женщин — суконные халаты, шубы из оленьего меха и птичьих шкурок, пояс-повязка, поршневидная и камусная обувь, чулки, капор из оленьего меха, платок, шейно-нагрудные украшения (съемный отложной воротник, *пальсак*, *сак пал*, *хорам*, *тур лопас*, *сак лопас*), кольца и серьги [Финш, Брэм, 1882, с. 336, 469; Кузнецов, 1887, с. 744–745; Гондатти, 1888, с. 10–17; Глушков, 1900, с. 24–26; Прыткова, 1953, с. 192, 194, 204; Бартенев, 1998, с. 122–123; Алквист, 1999, с. 36–37; Зорина, 1999, с. 203; Белявский, 2004, с. 72–73].

Дополнением к этому комплексу стали рубахи из хлопчатобумажных тканей, которые у женщин в длину доходили до щиколоток и украшались по вороту, подолу и манжетам бисером (и, у зажиточных, — мужские, украшавшиеся только по вороту) [Лукинский, 1872, с. 9; Кузнецов, 1887, с. 745; Гондатти, 1888, с. 11; Павловский, 1907, с. 23; Федорова, 1994, с. 163]. Мужская и женская прическа состояла из двух кос. У женщин они были украшены вплетаемыми ложными косами с бусами и металлическими подвесками, а у мужчин перевернуты шнурками, чаще всего красного цвета, а на затылке имели украшение *ах тас* [Финш, Брэм, 1882, с. 336; Кузнецов, 1887, с. 745; Глушков, 1900, с. 26–27; Прыткова, 1953, с. 161, 206; Дунин-Горкавич, 1995, с. 83; Носилов, 1997, с. 7; Бартенев, 1998, с. 162; Алквист, 1999, с. 37].

В этом комплексе существовали незначительные отличия, выражающиеся в использовании отдельных предметов одежды. Так, к числу охотничьей одежды у вогулов относились суконные лузан и халат, башмаковидная обувь *няра* [Лукинский, 1872, с. 9; Глушков, 1900, с. 26; Федорова, 1994, с. 134–136]. Хантыйским считался хлопчатобумажный халат *шешкан сах*. Ляпинские и северососьвинские манси четко отличали себя по этому признаку от березовских хантов (ПМА, 1991, 2004 гг.), обских и нижнесосьвинских манси.

Среднеобской комплекс бытовал у атлымских, шеркальских и самаровских остяков и переселившихся на эту территорию вогулов с Тапсуя, Малой и Северной Сосьвы (Чемашевская, Естыльская, Шеркальская, Нангакарская, Большеатлымская, Малоатлымская, Ендырская, Васпухольская, Белогорская волости Березовского уезда и Самаровская и Темлячевская волости Тобольского уезда). У мужчин наблюдалось применение как оленеводческой одежды (часто приобретенной у северных соседей) — малицы, наверхницы, мехового и суконного гуся, кожаного или плетеного пояса, башмаковидной, камусной обуви, что сближает этот комплекс с северным, так и

охотничье-рыболовческой — шубы из птичьих шкур и шкур пушных зверей, шабура из холста и хлопчатобумажных тканей, мехового капора [Прыткова, 1953, с. 156; Федорова, 1994, с. 122–125, 153–155; Дунин-Горкавич, 1995, с. 90]. Специфику мужскому костюму придавали вышитые рубахи-косоворотки, которые к началу XX в. сменились хлопчатобумажными рубахами на кокетке с аппликацией [Прыткова, 1953, с. 145, 147; Федорова, 1994, с. 120–121] (ТГИАМЗ, № 7105, 7887). Волосы заплетали в косы [Дунин-Горкавич, 1995, с. 90].

Женский костюм указанных групп остяков и вогулов значительно отличался от северного костюма. Он включал вышитую рубаху из холста, поверх которой в теплое время надевался вышитый холстяной или хлопчатобумажный халат, суконный кафтан с воротником-пелериной, расшитый металлическими бляшками, пояс-повязку, вязаные чулки и чирки, украшенные бисерной вышивкой, платок, нагрудные бисерные украшения (*пальсак*), кольца, серьги, зимой — шубу из птичьих шкур, а поверх ее халат из ткани, вязаные рукавицы [Прыткова, 1953, с. 170–172, 195–196; Федорова, 1994, с. 160, 177, 179, 182; Дунин-Горкавич, 1995, с. 90]. В начале XX в. на смену одежде из холста пришли хлопчатобумажные рубахи и халаты, украшенные аппликацией и вышивкой бисером [Прыткова, 1953, с. 175; Федорова, 1994, с. 160] (ТГИАМЗ, № 7883, 7101, 7845).

Специфика среднеобского костюмного комплекса заключается в смешении элементов южного и северного комплексов и связана с миграционными процессами в рассматриваемый период внутри обскоугорского ареала. В течение XIX в. на этой территории наблюдается приток остяцкого населения из Прииртышья, вогулов — из западных районов, а в конце периода — остяков с Казыма [Мартынова, 1998, с. 63, 79].

Восточноостяцкий комплекс представлен одеждой остяков Сургутского уезда, за исключением салымских. От остальных комплексов рассматриваемого периода его отличает ряд признаков, в числе которых выделяются сформировавшиеся на данной территории, а именно: вариабельность материалов для одежды и их сочетание; широкое использование птичьих шкур; разнообразие типов нательной поясной одежды; несовпадение покроев нательной рубахи и верха распашной одежды по месту плечевого шва; преобладание покроя с плечевыми и боковыми швами в верхней распашной и глухой одежде; запах на распашной одежде; широкий отложной воротник на рубахах и халатах; использование длинных матерчатых поясов в качестве бытовых; разнообразие типов обуви; шнуровка без перекре-

щивания у поршневидной обуви; полуовальная у пятки и прямоугольная у носка форма подошвы башмаковидной обуви; усложненное комбинирование голенища в подтипе башмаковидной обуви с низкой головкой; подтяжки для крепления обуви; необязательность кос у женщин и их отсутствие у мужчин [Лукина, 1985, с. 234–236; Федорова, 2000г, с. 231].

Отмечается, что характерной особенностью этого комплекса являлось отсутствие парки [Лукина, 1985, с. 234]. Однако С.П. Швецовым у сургутских хантов была зафиксирована парка — «рубаха, также шерстью наружу, но из шкур оленьих телят, “неплюев”, у богатых же из “выпоротков”» [1998, с. 93].

По отдельным предметам одежды восточноостяцкий комплекс включает в себя несколько вариантов, которые имели свои границы распространения и во многом определялись хозяйственными занятиями отдельных групп остяков. Так, А.А. Дунин-Горкавич выделял ваховских остяков, занимавшихся преимущественно охотой на белку и имевших одежду из покупных оленьих шкур; юганских остяков, промышлявших пушного зверя, лося и оленя и по одежде близких к «лошадным»; звероловов, рыболовов и оленеводов — остяков рек Пим, Тромъеган, Аган, носивших одежду из оленьих шкур [1995, с. 90]. Очевидно, что одежда из оленьих шкур была широко распространена на данной территории. Однако в пределах отдельных групп костюм различался по составу элементов, их покрою и декору. Эти различия позволяют вычленить в восточном комплексе левобережный и правобережный варианты [Лукина, 1985, с. 63].

Особенности мужского костюма левобережных остяков (юганских, балыкских и васюганских) заключались в преобладании одежды распашного типа — шуб и халатов, которые зимой надевали поверх шуб, использовании меховых капоров, суконных круглых шапок с околышем, плетенных из шерсти или сделанных из ткани поясов, рукавиц из шкур, сукна и ровдуги. У женщин основу костюма составляли хлопчатобумажные рубахи или рубахи-платья, халаты из сукна, пояс-повязка, штаны или натазник, широкий длинный пояс из ткани с бисерными и металлическими подвесками, башмаковидная обувь из меха и ровдуги с голенищем из ткани, платок, косники с металлическими подвесками, нагрудные украшения (типа *сак пал*), кольца [Кулэмзин, Лукина, 1977, с. 83–104; Лукина, 1985, с. 64; Мартин, 2001, с. 56–61; Сирелиус, 2001, с. 45–47, 89]. Кроме того, у васюганских хантов зафиксирована присборенная у ворота женская рубаха с поликами, воротник и край подола которой обшивались ракушками, металлическими и фарфоровыми пуговицами и бляшками, а также кафтан

с заплатами и со вставками на спинке от талии [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 94–95; Сирелиус, 2001, с. 45–47, 59, 93].

У правобережных остяков (пимских, тромъеганских, аганских и ваховских) мужской костюм включал туникообразную рубаху, штаны, малицу, меховой и суконный гусь, наверхницу, шубу (*колег*), кожаный пояс, капор — «треух», поршневидную и камусную (с меховыми чулками) обувь, охотничьи очки, женский — туникообразную рубаху, рубаху-платье на кокетке, платье приталенного покроя (ваховские остяки), двойную шубу из оленьего меха (зимой), суконный халат (летом), меховой капор ненецкого типа, пояс-повязку, штаны, шейно-нагрудное украшение (типа *сак пал*), косоплетки, платок [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 83–104; Лукина, 1985, с. 63–64; Швецов, 1998, с. 93–95; Сирелиус, 2001, с. 243–244]. К числу особенностей оформления одежды этой группы остяков можно отнести украшение камусной обуви полосами меховой мозаики [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 83–104; Лукина, 1985, с. 58] (ПМА, 1997, 2000 г.).

Южный комплекс представлен одеждой иртышских, кондинских, демьянских и салымских остяков, кондинских вогулов (Нарымская, Назымская, Верхне-Демьянская, Меньше-Кондинская, Больше-Юкондинская, Тарханская волости Тобольского уезда, Салымская волость Сургутского уезда). У этих групп традиционные предметы одежды постепенно выходят из бытования, сменяясь русскими. В большей степени это было характерно для мужского костюма. К числу традиционных его элементов относились вышитая рубаха-косоворотка, халат из сукна, меховые шуба и гусь (зимой), иногда — малица, штаны из ткани (в том числе вышитые), кожаный или плетеный пояс, башмаковидная, а иногда — камусная с союзками обувь, суконные и вязаные чулки, платок или круглая шапка [Патканов, 1894, с. 11, 13; Инфантьев, 1909, с. 193–194; Шульц, 1924, с. 178–181; Прыткова, 1953, с. 155, 157; Федорова, 1994, с. 125, 132]. У восточных манси использовался и суконный гусь [Федорова, 1994, с. 132].

В основе женского костюма — вышитая холстяная рубаха и расшитый бисером и металлическими бляхами суконный кафтан, овчинная шуба (зимой), плетеный или сшитый из ткани пояс, расшитая бисером башмаковидная обувь (чирки), платок, головная повязка, бисерные косники, косоплетки, серьги и шейно-нагрудные украшения (съёмный воротник, *пальсак*), суконные или вязаные рукавицы (зимой) [Патканов, 1894, с. 13, 1999, с. 51; Инфантьев, 1910, с. 191; Пигнатти, 1912, с. 13; Шульц, 1924, с. 178–181; Прыткова, 1953, с. 170, 195–196, 204; Алквист, 1999, с. 146; Кастрен, 1999, с. 44] (ТГИАМЗ,

№ 7102, 7805, 7810, 7807, 7879). Мужчины чаще стригли волосы по кругу; женщины заплетали две косы, концы которых соединяли, или одну косу «по примеру русских»; девушки вплетали в косы косники и косоплетки [Шульц, 1924, с. 178, 181; Прыткова, 1953, с. 206–207]. В женском хантыйском костюме платок мог заменяться косынкой [Прыткова, 1953, с. 203].

В целом в XIX — начале XX в. обскоугорский костюмный комплекс характеризует ряд общих элементов. К ним относятся женская рубаха-платье из хлопчатобумажной ткани, распашная одежда из сукна (халат, кафтан), платок, шейно-нагрудные украшения из бисера.

В то же время наблюдается процесс дифференциации костюма по хозяйственно-географическому признаку. На севере (бассейн нижней Оби, Пим, Тромъеган, Аган) все больше распространяется оленеводческий комплекс одежды: малица, наверхница, меховой гусь, камусная обувь с союзками — у мужчин и женщин, шуба из оленьих шкур — у женщин. Вероятно, в этот период происходит формирование женских шуб, украшенных полосами меховой мозаики, суконных халатов (*нуи сахи*) и халатов из хлопчатобумажных тканей (*тор сахи*, *шешкан-сах*).

На юге (бассейн Иртыша с притоками Кондой и Демьянкой, а также р. Салым) до начала XX в. продолжает сохраняться вышитая одежда из холста: туникообразные рубахи, головные повязки и вышитые платки у женщин и вышитые рубахи у мужчин. Постепенно происходит вытеснение традиционной одежды привозной. Своеобразным буфером между югом и севером стал район Среднего Приобья, где на основе смешения северных и южных, охотничье-рыболовческих и оленеводческих традиций и покупной одежды складывается среднеобской комплекс. На периферии — востоке (реки Вах, Юган, Балык, Васюган) и западе (реки Пельым, Тапсуй, Лозьва, Малая Сосьва) — сохраняется охотничий костюм из шубы, халата, башмаковидной обуви.

Третий период (XX в.). В этот период традиционный костюм сохраняется у восточных и северных хантов, северных и части западных манси. В одежде этих групп наблюдается много общего, а различия, заключающиеся в использовании разных видов одежды, особенностях покроя и способах ношения отдельных элементов костюма, способах и архитектонике декора, позволяют выделить три локальных комплекса: северный, среднеобской и восточнохантыйский, которые продолжают одноименные комплексы предыдущего периода.

Северный комплекс включает одежду хантов бассейна нижней Оби и ее притоков, манси Северной Сосьвы с притоками и верховьев Лозьвы (Шурышкарский, Приуральский, Березовский и Белоярский р-ны Тюменской области) — оленеводов и охотников-рыболовов.

С предыдущего периода этот комплекс мало изменился. Специфика мужского костюма заключается в том, что и оленеводы, и охотники-рыболовы носили преимущественно оленеводческую одежду — малицу (летом — поношенную, старую), наверхницу, суконный, хлопчатобумажный, меховой гусь, поршневидную и камусную с союзками обувь с меховыми чулками из шерстяных ниток, подвязки, кожаный пояс с ножнами [Соколова, 1972, с. 39–45, 1982, с. 68–69; Федорова, 1986, с. 154; Сязи, 2000, с. 19–30] (ПМА, 1991, 2004 гг.). В этом перечне парка занимает особое место: она является одеждой оленевода, а в некоторых районах — богатого оленевода. Нижняя одежда (рубахи, штаны) в большинстве случаев уже покупная, однако в праздничные дни надевали рубаху на кокетке, декорированную аппликацией.

Женский костюм состоял из рубахи-платья, шубы из оленьего меха, часто — с подкладкой из птичьих шкурок, суконного халата, поршневидной или камусной обуви с меховыми чулками, платка и шейно-нагрудных украшений (*пальсак, сак пал, хорам, тур лопас, сак лопас*) [Соколова, 1972, с. 39–45, 1982, с. 65–66; Федорова, 1994, с. 119, 122, 163, 178; Сязи, 2000, с. 30–39] (ПМА, 1991, 2004 гг.) (см. цв. вкл., рис. 18, 19).

В пределах этого комплекса имеются узколокальные различия, проявляющиеся в применении других элементов костюма, а также в покрое и декоративном оформлении предметов одежды. Так, у куноватских хантов встречаются шубы из беличьих шкурок [Соколова, 1972, с. 42; Сязи, 2000, с. 53]. У питлярских хантов в мужском костюме отсутствуют парка и меховой гусь [Сязи, 2000, с. 81]. Женский костюм хантов включает меховой капор ненецкого типа, у манси этот тип головного убора не отмечен [Прыткова, 1953, с. 204; Федорова, 1994, с. 194; Сязи, 2000, с. 92]. Кроме того, мансийские охотники продолжают использовать лузан и распашную одежду из сукна [Федорова, 1986, с. 144].

Некоторые предметы одежды и элементы декора этого комплекса связываются с влиянием коми-зырян. Так, камусная обувь *тоборы, тупор*, используемая мужчинами, считается коми-зырянской [Соколова, 1972, с. 45]. Причину изготовления кокетки, манжет и рукавов рубахи-платья из ткани другого цвета, а также удлинение ко-

кетки до талии видят в подражании коми-зырянскому костюму, состоящему из рубахи с сарафаном [Там же, с. 40].

Среднеобской комплекс объединяет одежду среднеобских хантов, обских и нижнесосьвинских манси (Октябрьский и Ханты-Мансийский р-ны и часть Белоярского и Березовского р-нов Тюменской области). С начала XX в. в ней произошли значительные перемены, которые проявились в исчезновении вышитой одежды и постепенном выходе из бытования суконных халатов с металлическими бляшками.

Мужской костюм этих групп включает рубаху на кокетке, малицу с наверхницей, парку, меховой и суконный гусь, шубу и халат — в качестве промысловой одежды, капор из пыжика с длинными ушами, шапку от комаров или платок, кожаный или плетеный пояс [Прыткова, 1953, с. 147; Федорова, 1994, с. 122–124, 129–134, 141–142] (ПМА, 1991 г.). Женский костюмный комплекс в зимнем варианте состоит из шубы из меха или птичьих шкурок, вязаных рукавиц, в летнем — из рубахи-платья с кокеткой, вязаных чулок с чирками, платка; летом и в межсезонье поверх рубахи-платья надевали суконный халат [Прыткова, 1953, с. 172, 197; Соколова, 1982, с. 30; Федорова, 1994, с. 182, 186; Молданова, 1999, с. 19, 25; Сязи, 2000, с. 52, 60, 67] (ПМА, 1991 г.). Костюм дополняют нагрудные украшения *сак пал, тур лопас (ХС), пальсак, мальсоупс, магисунт (МС)* [Прыткова, 1953, с. 208].

Праздничной одеждой у этих групп считаются мужская рубаха с кокеткой, парка и женский хлопчатобумажный халат, который надевается поверх рубахи-платья [Соколова, 1982, с. 66]. Женщины в праздники надевают бисерные шейно-нагрудные украшения, а на голову накидывают платок.

Восточный комплекс представляет одежда пимских, тромъеганских, аганских, ваховских, васюганских, юганско-балыкских хантов, а также юганских групп, переселившихся в XX в. на реки Демьянка и Салым (Нефтеюганский, Сургутский, Нижневартовский и Уватский р-ны Тюменской области, Александровский р-н Томской области). В рассматриваемое время в этом комплексе сохранились признаки, которые были характерны для него в предшествующий период [Лукина, 1985, с. 234–236; Федорова, 2000г, с. 231]. В числе вновь появившихся особенностей можно назвать украшение рубах-платьев и женских халатов преимущественно бисером, применение в качестве украшений пластмассовых пуговиц и цветной проволоочной изоляции.

Так же как и в XIX — начале XX в., в восточном комплексе выделяются правобережный и левобережный варианты, что во многом обусловлено хозяйственной деятельностью хантов, проживающих на

правых и левых притоках Оби. Основу жизненного уклада первых в большей степени определяет оленеводство, вторых — охота и рыболовство.

Правобережный вариант представлен одеждой пимских, трюмганских, аганских и ваховских хантов, особенности которой проявляются в широком применении оленьих шкур для изготовления основных типов плечевой одежды и обуви, птичьих шкурок для шитья детских малиц и кумышей, украшении женских шуб и камусной обуви с союзками полосами меховой мозаики.

Мужской костюм этих групп состоит из рубахи на кокетке или рубахи-косоворотки, штанов, малицы с наверхницей, мехового, суконного или хлопчатобумажного гуся, кожаного пояса с ножнами, башмаковидной, поршневидной и камусной с союзками обуви [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 83–104; Лукина, 1985, с. 37–60] (КГКМ, № 014/8, 477, 052, 006/1, 520, 016/5) (ПМА, 1997, 2000 гг.). Используются меховые мужские капоры, кожаные длинные и короткие из ткани пояса [Лукина, 1985, с. 48, 60].

В основе женского костюма — рубаха-платье на кокетке (нередко с кармашком, пришитым с изнанки у кокетки или под мышкой), суконный запахивающийся халат, двойная шуба из оленьих шкур или с тканевым покрытием, короткий расшитый бисером пояс или длинный пояс из ткани, кожаный пояс, штаны или пояс-повязка, платок, камусная обувь с союзками и меховыми чулками, поршневидная обувь, шейно-нагрудные украшения (*тур лопас, хорам*) [Лукина, 1985, с. 38–60] (КГКМ, № 181, 551, 001/4, 012/2, 011/3, 013/16, 013/17, 024/1, 041/1, 254, 265, 308, 517) (ПМА, 1997, 2000 гг.) (см. цв. вкл., рис. 20).

Локальные особенности одежды пимских хантов проявлялись в использовании женских хлопчатобумажных халатов на туникообразной кокетке [Там же, с. 45]. У аганских хантов мужчины и женщины носили обувь поршневидного типа из ровдуги и женские капоры с металлическими подвесками [Там же, с. 52, 60] (ПМА, 1997 г.).

В левобережном варианте мужской костюм состоит из рубахи, штанов, короткого промыслового халата, надеваемого в зимнее время поверх шубы из заячьего меха или овчины, широкого суконного пояса, башмаковидной обуви из камусов или ровдуги, рукавиц из шкур, сукна и ровдуги [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 83–104; Лукина, 1985, с. 41, 46; Тахтуева, 1993, с. 15] (ПМА, 1999, 2000 гг.). Женский костюм включает хлопчатобумажный или суконный халат с широким отложным воротником, запахом налево и декорированной правой полочкой, пояс-повязку, штаны или натазник, нательный пояс

для крепления обуви, широкий длинный пояс из сукна, платок, башмаковидную обувь с головкой из шкур и голенищем из ткани, зимой дополняется сшитой мехом внутрь шубой, поверх которой надевается халат, и башмаковидной обувью из камусов [Лукина, 1985, с. 37–64; Тахтуева, 1993, с. 8–14] (ПМА, 1999, 2000 гг.). Женщины носят кольца, серьги. Таким же образом выглядит костюм у переселившихся в середине XX в. на реки Демьянка и Салым юганских хантов [Федорова, 2000б, с. 165–183] (см. цв. вкл., рис. 21).

Для одежды обских угров этого периода характерен ряд общих признаков: сохранение мужского промыслового и женского костюма, повсеместное применение покупной одежды — штанов, рубах, юбок, курток, головных уборов, резиновых сапог и другой обуви фабричного производства и т. п. Отмечается увеличение количественного состава декора традиционной одежды, особенно праздничной.

Из общих элементов мужского костюма можно выделить рубаху — в качестве нижней одежды, меховой гусь (кумыш, совик) — в качестве дорожной, кожаный пояс, нижний пояс для подвязывания обуви и обувь, сшитую из камусов. Мужчины носили привозные головные уборы: фуражки, шапки-ушанки, иногда платки. У всех групп в состав женского костюма входили различающиеся в покрое рубахи-платья на кокетке, суконный халат и платок. Для декоративного оформления костюма этого периода характерны аппликация на рубахах, рубахах-платьях и халатах, плетение из бисера разнообразных украшений, раскрашивание поршневидной и башмаковидной обуви, вставка суконного канта в швы шубы и камусной обуви.

Отличия между мансийской и хантыйской одеждой незначительны и проявляются в применении специфических элементов костюма (суконного лузана и башмаковидной обуви с коротким голенищем у манси), в способах декорирования одежды из ткани (у манси — большей частью аппликация, у хантов — аппликация и бисер) и обуви (ханты полосами меховой мозаики украшают камусную обувь с союзками, а орнаментами, нанесенными краской, — поршневидную и башмаковидную обувь) [Прыткова, 1953, с. 198; Соколова, 1972, с. 45; Молданова, 1999, с. 18].

* * *

Динамика изменений в костюме обских угров с XVIII по XX в. показывает, что достаточно единообразный вначале он значительно трансформировался к концу рассматриваемого периода. Выявление общего комплекса свидетельствует о том, что некогда костюм обских угров был единым, а его основа (плечевая и поясная

одежда, головные уборы и обувь), как показывает исследование покроя, связана своим происхождением с культурой скотоводов лесостепи.

К заключению о былом единстве хантыйского костюма пришла Н.Ф. Прыткова, сравнивая одежду их южной, восточной и северной групп: «Несомненно, что ханты в прошлом представляли одну монолитную группу, которая в силу каких-то исторических причин была расчленена и дальнейшее ее продвижение пошло по двум направлениям: одна из групп продвигалась на север и, сохраняя частично свою... одежду, подверглась в то же время татарскому и ненецкому влиянию; другая группа двинулась на восток и, сохраняя старые формы одежды, имевшие общность с одеждой шорцев и северных алтайцев, восприняла южноненецкие элементы одежды» [1953, с. 228–229]. В южнохантыйском комплексе ею выделены три слоя: первый, наиболее старый, прослеживается по названиям прямоспинной распашной одежды, пояса-повязки и др.; второй, сохранившийся до начала XX в., имеет общие элементы с одеждой народов Поволжья; третий, частично сосуществовавший со вторым, отражает связи с татарами (головная повязка, косынка, рубаха с воланом и др.) [Там же].

Как показали наши исследования, в южнохантыйском (южноостяцком) комплексе обнаруживается ряд параллелей с вогульской одеждой, что расширяет его рамки и делает его общеугорским, а отмеченное в нем сходство с одеждой народов Поволжья и сибирских татар следует рассматривать в рамках культурно-генетических связей. Формирование особенностей костюма северной группы хантов, вероятно, началось ранее XVIII в., поскольку уже в это время в нем наблюдаются значительные отличия, заключавшиеся в употреблении одежды оленеводов-самоедов. Возможно, в течение XVIII–XIX вв. складывается и специфика восточноостяцкого комплекса, а также вошедшей в состав северного и среднеобского комплексов одежды северных и западных вогулов. Костюм этих групп характеризуется наличием предметов, генезис которых связывается с населением таежно-тундровых районов.

Своеобразие локальных комплексов определяется направлениями хозяйственной деятельности (оленеводством, охотой и рыболовством, земледелием и скотоводством) и этнокультурными связями: в целом — с русскими, для северных групп — с ненцами и коми-зырянами, для восточных — с лесными ненцами, селькупами, эвенками, кетами и татарами, для южных — с татарами и народами Поволжья. Основные перемены в костюме, фиксирующиеся в XIX — начале

XX в., были вызваны переориентацией традиционного хозяйства, распространением тканей фабричного производства, покупной «русской одежды».

Немаловажное значение для процесса сложения костюмного комплекса имела социальная и обрядовая специфика костюма, позволяющая обозначить круг универсальных и специальных видов одежды.

Глава III | КЛАССИФИКАЦИЯ ОДЕЖДЫ ПО ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ

Костюмный комплекс обских угров по своему составу был достаточно устойчив. Новшества, проявляющиеся в нем, были связаны с новыми материалами для изготовления одежды и с заимствованиями. При этом новации в покрое, обусловленные применением новых материалов, происходили в пределах одного предмета одежды, выполняющего определенные функции. Выделяются ли общие, характерные для всех групп обских угров функции одежды, если да, то для каких предметов они характерны и в чем проявляются? Решение этого вопроса также дает возможность сопоставить одежду определенного вида с конкретной функцией и на основе этого идентифицировать те элементы костюма, которые упоминаются в письменных источниках XVIII–XIX вв.

В одежде хантов и манси выделяются мужской, женский, детский костюмы, сезонная, праздничная, дорожная и домашняя одежда, обрядовый комплекс, а в мужской одежде — производственный и шаманский костюмы. Всю эту одежду в соответствии со структурой функций условно можно разделить на две группы: повседневную и празднично-обрядовую. (Классификация по функциям носит формальный характер, определенный рамками исследования.)

В этнографических описаниях XVIII — конца XIX в. основное внимание уделялось женскому и мужскому костюмным комплексам обских угров, отмечались и некоторые особенности девичьего костюма. Детская, производственная и обрядовая одежда в этот период не рассматривалась. Не сохранилось сведений о детской одежде XVIII — конца XIX в. восточных и западных манси, южных хантов. Однако определение общих половозрастных дифференцирующих тенденций в одежде северных и восточных хантов, северных манси конца XIX–XX в. позволяет перенести эти данные и на одежду южных групп хантов и манси, а также западных и восточных манси с учетом особенностей их костюмного комплекса.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ КОМПЛЕКС

Повседневный костюм обских угров характеризовался половозрастными, производственными и сезонными признаками, которые большей частью были связаны с хозяйственной деятельностью и отражали его практическое назначение.

Половозрастные признаки. К мужской одежде относились: шуба, малица, парка, гусь, лузан, наверхница (маличная рубаха), рубаха, халат, штаны, кожаный пояс, налобник из шкур, капор I типа, все виды шапок и обуви, чулки, рукавицы, из украшений — кольца и затылочное украшение. В число предметов женской одежды входили: шуба, рубаха, халат, кафтан, штаны, пояс-повязка, пояс, платок с бахромой или косынка с подвесками, капор II типа, обувь и чулки, рукавицы, а также украшения (головные, накосные, шейно-нагрудные, наручные).

Из приведенного выше видно, что в мужском и женском комплексах присутствуют одни и те же виды одежды: шубы, халаты, рубахи, штаны, обувь, платки. Однако все они имеют половозрастные признаки в особенностях покроя, архитектонике и количестве украшений. Мужские шубы, как правило, короче женских. Кроме того, по покрою и названию выделяется мужская разновидность шубы — *колег*. Женскими были халаты туникообразного покроя. Мужские и женские халаты восточных хантов, имея одинаковый покрой, отличаются количеством украшений (женские украшались больше, чем мужские). Входящие в состав женского и мужского костюмов рубахи различаются по длине (женские длиннее мужских), покрою (женские, как правило, туникообразного покроя, мужские — с поликами и кокеткой), расположению и количеству украшений (помимо края на женских рубахах украшены рукава, грудь, спинка, бока и т. д.). Мужская и женская обувь отличается количеством украшений (женская украшалась больше) или орнаментом (на мужской обуви делался «мужской» орнамент, на женской — «женский»).

Мужчины и женщины используют платки, повязывая их на голову или на шею [Лукинский, 1872, с. 9; Прыткова, 1953, с. 161; Лукина, 1985, с. 59–60; Федорова, 1994, с. 156]. Но обязательным атрибутом женского платка являются кисти, нашитые по краям. Платок с кистями относится к женским символам и в фольклоре выступает как аллегорический образ женщины: «Красный платок утром встает, огонь зажигает, а черный платок целый день лежит, ничего не делает...»; «Из дерева женщину сделал. Хорошей одеждой одел, платком покрыв, на нары посадил. Наружу выйдет, в дом войдет, смотрит: совсем женщина сидит...» [Мифы..., 1990, с. 255, 326].

У женского костюма нашивных и съемных украшений больше, чем у мужского. Однако кольца и перстни были атрибутом и мужского, и женского костюмов. К числу элементов женского костюма, которые могли носить и мужчины, относятся шуба и халат. Эта одежда использовалась мужчинами в качестве домашней, спальной в конце XIX — начале XX в. у северных манси, северных и восточных хантов [Гондатти, 1888, с. 15; Лукина, 1985, с. 41; Носилов, 1997, с. 52, 86]. В XIX–XX вв. в мужском костюме фиксируются элементы, которые могли надевать женщины и девочки [Малиев, 1872, с. 8; Прыткова, 1953, с. 167; Бартенев, 1998, с. 122]. У северных хантов и западных манси малицу надевают женщины, отправляясь в дальний путь. Она шьется и для девочек в возрасте до 7 лет. У северных манси лузаны, которые являлись преимущественно мужской промысловой одеждой, использовались и женщинами [Федорова, 1986, с. 144].

Таким образом, выделяются пары одного вида одежды, которые состоят из двух подтипов или вариантов. Они различаются покроем и количеством украшений. Это мужские и женские рубахи, халаты, шубы, обувь, платки, пояса. Отдельные группы составляют элементы одежды, не имеющие аналогий в костюме противоположного пола. В женском костюме это кафтаны, туникообразные халаты, пояса-повязки, капоры II типа, в мужском — малицы, лузаны, гуси, парки, наверхницы, штаны и натазники, кожаный пояс, шапки. Как можно видеть, для женского костюма более характерна верхняя плечевая одежда распашного типа — халаты, кафтаны, шубы.

Архаичными признаками обладает детская одежда, поскольку в ней часто используются элементы, которые вышли из употребления у взрослых. Материалы по детской одежде северных и восточных хантов и северных манси конца XIX–XX в. представляют следующую картину. Первой одеждой младенца являлась рубашка, которая по мере взросления дополнялась другими деталями костюма [Богордаева, 2002, с. 184–186]. Это еще раз подчеркивает степень традиционности рубахи для обских угров.

У северных хантов зафиксированы дополнительные элементы одежды грудного ребенка: нагрудники из кожи, ровдуги, ткани, а иногда и бересты с пришитыми колокольчиками по краю, берестяные наколенники *шаш йирып тонты* ‘колени завязывающая береста’ [Прыткова, 1953, с. 220–225].

После того как ребенок начинает ходить, ему шьют одежду, соответствующую по покрою взрослой, с учетом локальных особенностей и с элементами половой дифференциации: рубашки, халаты и обувь женского покроя — для девочек, рубашки, штаны, обувь

мужского покроя, гуси, малицы и т. п. — для мальчиков [Прыткова, 1953, с. 212–219; Лукина, 1985, с. 37–39; Федорова, 1994, с. 202; Дунин-Горкавич, 1996, с. 76–77; Лапина, 1998, с. 58; Попова, 2003, с. 100, 103]. Детская плечевая одежда (рубашки, гуси) часто имеет на спинке завязки, при помощи которых регулируется ее ширина [Прыткова, 1953, с. 212; Лукина, 1985, с. 49].

Верхняя одежда ребенка снабжалась дополнительными украшениями — бубенчиками и колокольчиками, пришитыми к рукавам, ластовицам и спинке плечевой одежды, а также орнаментом по вороту, рукавам и подолу одежды, которые выполняли функцию оберегов [Прыткова, 1953, с. 214; Лукина, 1985, с. 43–44; Федорова, 19886, с. 85; Попова, 2003, с. 106]. У восточных хантов украшение-оберег из бисера пришивался на ворот *сак*'а детям в возрасте полугода. У этой же группы фиксируется обычай делать отверстие в ластовице у рубашек детей до появления у них зубов, а после появления зубов — нашивать на халаты девочек аппликативные или бисерные полосы, а также полосы из ряда бляшек или пуговиц [Лукина, 1985, с. 38, 42].

Одежда девушки повсеместно была более яркой, шилась из лучших материалов и имела больше украшений. К числу наиболее распространенных признаков девичьего костюма у обских угров можно отнести украшение волос (кос) и груди. По-видимому, с переходом к этой возрастной категории связано использование головных, наконных и шейно-нагрудных украшений. У северных хантов костюм девушки дополнялся венцом *веш кел*', *веш кет* — 'веревочка лица' (ХКз), у северных манси — ложными косами и нагрудными украшениями *турлопс* и *пальсак* [Прыткова, 1953, с. 166; Лапина, 1998, с. 54; Попова, 2003, с. 144–145]. Предполагается, что такие украшения выполняли охранительные функции [Попова, 2003, с. 146]. Наблюдается прямая связь эстетической функции с эротической, что явственно проявляется при определении одежды девушки как наиболее нарядной, красивой, яркой и т. п.

Локальные особенности девичьего костюма наблюдались в употреблении отдельных предметов одежды. У северных манси, северных и восточных хантов с наступлением периода половой зрелости девочки начинали носить специальный пояс-повязку [Старцев, 1928, с. 29–31; Прыткова, 1953, с. 167–168; Лукина, 1985, с. 37; Федорова, 1994, с. 159; Алквист, 1999, с. 156].

В том, какие изменения происходили в одежде ребенка по мере его взросления, прослеживается половозрастная дифференцирующая функция, а также социально-маркирующее значение одежды.

Мужской и женский костюмы имели локальные различия, свойственные и для детской одежды. Однако данная классификация позволяет определить основной, т. е. входящий в мужской, женский и детский костюмы, общий для всех групп обских угров элемент одежды — рубаху. Проведенный анализ с учетом локальных особенностей одежды восточных и южных манси, южных хантов позволяет предположить, что основу детской одежды этих групп составляла рубаха туникообразного покроя, которая украшалась обереговой вышивкой по вороту, нагрудному разрезу, краям подола и рукавов.

В мужском костюме присутствует одежда глухого покроя, не находящая аналогов в женском костюме, что связано с ее производственным характером. Наиболее четко выделяются элементы охотничьего и оленеводческого костюмов, а также одежда и обувь, выполняющие функции дорожной и спальняной.

Производственная одежда. Костюм охотника включал плечевую одежду, обувь, головной убор, пояс, рукавицы. У некоторых групп обских угров он дополнялся специальным головным убором, налобником и очками.

Плечевая одежда охотника должна была быть легкой, короткой, не сковывать движения и иметь разного рода вместилища или приспособления для переноса орудий и продуктов промысла, а также запасов пищи. У всех групп обских угров в качестве охотничьей, как правило, применялась одежда распашного типа из ткани или сукна — халаты, шабуры и т. п. Доминирование такой одежды в качестве охотничьей отмечается исследователями XIX–XX вв. [Шульц, 1924, с. 178; Васильев, 1929, с. 28; Федорова, 1986, с. 144, 1994, с. 134, 2002, с. 243; Дунин-Горкавич, 1996, с. 80; Шатилов, 2000, с. 114]. У восточных хантов промысловые зимние халаты, надеваемые поверх шубы, шили из белой ткани. У этой же группы в XIX–XX вв. охотничью одежду представляли сшитые из оленьих шкур шубы [Дунин-Горкавич, 1996, с. 80; Шатилов, 2000, с. 114]. В конце XX в. ханты р. Демьянка в зимний период использовали *колег* из заячьих шкур или овчины, поверх которого надевали халат белого цвета (ПМА, 1999 г.). Подпоясывая одежду, делали напуск для хранения в нем различных вещей.

Локальные особенности охотничьего костюма проявлялись в использовании других видов плечевой одежды. К числу охотничьей одежды северных и западных манси в конце XIX–XX в. относились лузаны из ткани или сукна [Глушков, 1900, с. 26; Федорова, 1994, с. 138, 2002, с. 243]. Они имели специальные карманы для хранения пищи и добычи, а также петли для топора и т. п. Глухая одежда (су-

конные гуси и короткие старые малицы) в конце XIX — начале XX в. описана как охотничья у северных и западных манси [Федорова, 1994, с. 127, 2002, с. 243; Носилов, 1997, с. 78].

Среди локальных групп наблюдается использование самых разнообразных поясов, составлявших неотъемлемую часть мужского охотничьего костюма. Наибольшей функциональной приспособленностью обладал широко бытовавший кожаный пояс с ножнами, футляром для оселка и т. п. Повсеместно костюм охотника дополнялся платком, который в развернутом виде накидывали на голову и подвязывали под подбородком [Дунин-Горкавич, 1996, с. 80; Шатилов, 2000, с. 114]. К охотничьему быту были приспособлены рукавицы из оленьего или лосиного меха с разрезом по середине ладони [Дунин-Горкавич, 1996, с. 78–79; Шатилов, 2000, с. 225].

Специфические защитные функции (от гнуса, яркого света) выполняли такие элементы промыслового костюма, как применяемый у всех групп обских угров накомарник и локально распространенные — налобник или нашейник (боа) из беличьих/заячьих хвостиков (ханты), охотничьи очки (северные манси, северные и восточные ханты). Охотничьи принадлежности костюма обских угров являются также костяные (иногда металлические) овальные щитки, надеваемые на запястье руки или большой палец при стрельбе из лука. Их относят к наиболее древним элементам охотничьего снаряжения [Шухов, 1916а, с. 104, 109; Руденко, 1929, с. 33; Федорова, 2002, с. 245].

Костюм оленевода состоял из плечевой одежды глухого покроя, пояса, обуви. Основная одежда — малица, конструктивные особенности которой соответствовали природно-климатическим условиям и образу жизни тундрового оленевода [Федорова, 1994, с. 127; Козьмин, 2000, с. 151]. Специфичным предметом оленеводческого костюма обских угров следует признать парку, надеваемую поверх малицы. Ареал ее распространения (у северных и части западных манси, у некоторых групп северных и восточных хантов) позволяет предположить, что формирование этой одежды происходило на достаточно узкой территории.

В комплекс одежды оленевода входила также наверхница, защищавшая поверхность малицы от сырости и использовавшаяся преимущественно с малицей. В XVIII в. у хантов такую функцию выполняли «кажаны» из рыбьей кожи [Прыткова, 1953, с. 143]. Информация о бытовавшей некогда одежде из рыбьей кожи, надеваемой поверх малицы для защиты ее от дождя и мокрого снега, была записана в 2000 г. у среднеобских хантов (ПМА). Из этого можно заключить, что «кажа-

ны» представляли одежду, надеваемую поверх другой. Однако способы использования «кажанов» включают также их ношение поверх «шуб и кавтанов суконных» (цит. по: [Прыткова, 1953, с. 143]). Это значительно расширяет сферу применения «кажанов» и позволяет обратить внимание на охотничью одежду глухого покроя — суконные гуси и лузаны, которые функционально близки этому виду одежды.

Важной деталью оленеводческого костюма северных и части западных манси, северных и восточных (правобережных) хантов являлся пояс. В конце XIX–XX в. его делали из кожи, крепили к нему пару ножен, амулеты и украшения в виде металлических, костяных (а во второй половине XX в. и пластмассовых) блях и цепочек.

В качестве дорожной одежды у восточных хантов в начале XX в. применялась и малица, что сближает ее с другой одеждой глухого покроя — меховым гусем, который выполнял функцию дорожной одежды, надеваемой в сильные морозы и во время метелей у южных, восточных, северных хантов, северных и западных манси, а также употреблялся в качестве своеобразного спального мешка [Прыткова, 1953, с. 156; Федорова, 1994, с. 132; Шатилов, 2000, с. 113]. Н.Л. Скалзубов приводит описание использования мехового гуся восточными хантами: «Они... догола раздеваются, из гуся делают род мешка, затягивают шнурком отверстие чепчика, кладут гуся на землю и залезают в него с ногами вперед так, чтобы подолом можно было с головой закрываться... Так как длина гуся меньше роста человека, то приходится лежать в нем скорчившись...» [1998, с. 370]. Бытование мехового гуся в качестве дорожной одежды, по мнению В.А. Козьмина, соотносится с начальной стадией формирования транспортного оленеводства в недрах культуры охотников на дикого оленя, а возможно, и с упряжным собаководством у речных рыбаков [2000, с. 151].

У западных манси была распространена специальная дорожная обувь. Это — камусная обувь с союзками *йор вей* 'ненецкая обувь' для езды на нартах [Глушков, 1900, с. 26; Федорова, 1994, с. 148, 2002, с. 244]. В конце XIX — начале XX в., отправляясь на рыбалку, ханты надевали обувь русского образца, так называемые бродни [Прыткова, 1953, с. 165].

Специфическую функцию домашней одежды выполняли шубы из оленьего меха или шкурки птиц и зверей. Такие шубы мужчины надевали дома и часто использовали как спальную одежду. Применение шуб в этом качестве фиксируется на той территории, где обычная мужская одежда была глухого типа (малицы, парки и т. п.) — у северных и западных манси, северных хантов [Прыткова,

1953, с. 186; Федорова, 1994, с. 135–136; Носилов, 1997, с. 86]. Употребление мужчинами северных групп обских угров распахнутой одежды в домашних условиях является архаизмом. Это свидетельствует о ее первичности по отношению к одежде глухого покроя.

Сезонные признаки. Для мужской, женской и детской одежды обских угров были характерны сезонные отличия. Выделяются зимний и летний комплексы верхней плечевой одежды, у некоторых групп — зимняя и летняя обувь, головные уборы. Нижняя одежда — рубахи, штаны, женский пояс-повязка, а также пояса, платки и украшения — была повседневной.

Общий признак сезонных отличий заключался в характере используемого для изготовления летней и зимней одежды материала, что во многом определялось хозяйственной деятельностью. При этом все группы изготавливали летнюю одежду из сукна и тканей. Кроме того, плечевая одежда из ткани и сукна являлась также и частью зимней одежды. Эта функция характерна для халатов туникообразного покроя — *сак* (X), *сяшкан-сак* (XC), *тёр сахи* (M), что сближает их и подтверждает единство происхождения. Так, в конце XIX — начале XX в. у северных групп хантов и манси женский *сяшкан-сак* (XC), *тёр сахи* (MC) из хлопчатобумажных тканей, бытовавший в качестве верхней летней одежды, в зимний период надевался поверх меховой [Прыткова, 1953, с. 175; Федорова, 1994, с. 181]. У восточных и южных хантов таким же образом использовались мужские халаты с запахом [Патканов, 1894, с. 11; Шульц, 1924, с. 178]. У восточных хантов отмечено применение в качестве зимней одежды суконных халатов, которые надевали один на другой поверх меховой подкладки [Лукина, 1985, с. 41]. Универсальной, используемой в теплое и холодное время года мужской одеждой была малица. Это качество малицы отмечается с XVIII в. у северных хантов и с XIX в. у восточных хантов, северных и западных манси, которые нередко носили летом старую поношенную малицу [Прыткова, 1953, с. 128, 144; Лукина, 1985, с. 36].

К числу особенностей зимней одежды обских угров, видимо, следует отнести ее многослойность, предполагавшую надевание сразу нескольких экземпляров плечевой одежды, а также обуви с чулками. К зимним элементам костюма обских угров относятся меховые гуси, парки, шубы, капоры, меховые рукавицы, камусная обувь.

Летний костюм помимо уже упомянутых халатов, а также кафтанов включал суконный гусь, одна из функций которого заключалась в защите от гнуса, и поршневидную обувь из ровдути, влагоустойчивую и легкую.

* * *

Анализ повседневной одежды обских угров позволяет определить функцию мужской меховой одежды глухого покроя (малица, гусь, парка, лузан), а также кожаного пояса с ножнами в большей степени как производственную. Повсеместно роль половозрастных дифференцирующих признаков играли длина одежды, количество и топография украшений. Сезонные отличия заключались в характере используемых для шитья одежды материалов.

ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС

На основе повседневного (будничного) костюма формируется празднично-обрядовый комплекс. У обских угров он помимо праздничной включает одежду родильного, свадебного и погребального обрядов, шаманский костюм, одежду, используемую во время медвежьих праздников. Под праздничной в данном случае следует понимать одежду, надеваемую во время христианских праздников, поскольку как таковых праздников у обских угров не отмечалось.

Общими для всех групп обских угров являлись такие признаки праздничного костюма, как наличие большого количества съемных и нашивных украшений, красный цвет рубах и халатов, а также орнаментация одежды, что отмечалось еще в источниках XVIII в. [Новицкий, 1999, с. 40]. В XX в. повсеместно к нарядной, праздничной одежде относились рубахи, халаты и рубахи-платья, сшитые из шелковых тканей ярких расцветок. В рамках локальных групп в праздничной одежде существовали некоторые отличия. Так, в XIX в. у северных манси мужской праздничной одеждой считались суконные халаты, у северных хантов праздничность выражалась в надевании нескольких одежд сразу [Прыткова, 1953, с. 167; Носилов, 1997, с. 37; Гондатти, 2000а, с. 111].

Комплекс обрядовой одежды можно подразделить на одежду непосредственных участников обряда и наблюдателей. При этом, как правило, одежда наблюдателей или пассивных участников обряда, например зрителей на медвежьем празднике, была также праздничной. Наиболее полными следует признать комплексы одежды родильной и похоронной обрядности, медвежьего праздника.

Одежда родильного обряда. Это одежда матери и новорожденного, которая не представляет собой единого комплекса. Объединяющим фактором в данном случае выступал сам процесс переодевания: матери перед родами и после них и условное переодевание новорожденного — освобождение от последа или так называемой рубашки

[Богордаева, 2002, с. 184–185]. Женщина готовила и надевала перед родами изношенную одежду, а родившегося младенца закутывали в сшитое из звериных или птичьих шкурок одеяльце, покрывали платком и т. п. [Прыткова, 1953, с. 208; Соколова, 1971, с. 211; Федорова, 1988а, с. 84; Ромбандеева, 1993, с. 92–93]. Северные манси для младенца использовали и старую родительскую одежду, которая, как считает С.А. Попова, в силу своей сакральности выполняла обереговую функцию [2003, с. 87].

Своеобразной символикой при родах наделялась женская плечевая одежда — халат. При этом изначально это была рубаха или рубаха-платье. По свидетельству Е.И. Ромбандеевой, у сыгвинских манси платье, в котором рожали, после родов сверху донизу разрывалось спереди, в результате чего получался халат [1993, с. 96]. Про такую одежду говорили, что она образовалась из-за того, что ребенок выпал через живот. По информации С.А. Поповой, рубаху-платье разрывали перед родами, что было связано с тем, что женщинам в этот период запрещалось снимать и надевать одежду через голову [2003, с. 84]. Эту одежду затем уносили в лес [Ромбандеева, 1993, с. 97; Попова, 2003, с. 89].

Одежда в свадебной обрядности. Специальной свадебной одежды у обских угров не было, тем не менее отдельные элементы костюма были для свадебного обряда обязательными. Одежда входила в состав калыма, приданого, подарков для невесты, ее матери, отца, ею накрывали невесту и т. п.

Одежда невесты в день свадьбы или отъезда в семью жениха должна была отвечать особым требованиям, которые фиксировались в рамках определенных хронологических периодов. По-видимому, к числу наиболее древних относится традиция надевания невестой нескольких одежд сразу, что отражено в фольклоре хантов [Прыткова, 1953, с. 167] и подтверждается мансийскими обрядами. Так, у сыгвинских манси в конце свадьбы на невесту надевали три платья, три или пять платков, а зимой шубу и меховую обувь [Ромбандеева, 1993, с. 86]. В XVIII в. ханты невесту наряжали в красный кафтан или другую одежду этого цвета, в шубу, в XIX в. — в лучшую одежду [Миненко, 1975, с. 188; Новицкий, 1999, с. 43; Патканов, 1999, с. 176]. У восточных и южных хантов в конце XIX — начале XX в. невеста должна была быть одета в специально сшитое длинное платье или в новую (надеваемую впервые) одежду [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 202; Лукина, 1985, с. 36].

Особая роль в свадебном обряде отводилась платку, который преподносили в качестве подарка невесте и ее матери [Ромбандеева,

1993, с. 86; Дунин-Горкавич, 1996, с. 63; Патканов, 1999, с. 176; Шатилов, 2000, с. 150]. Платком покрывали невесту, а также соединяли жениха и невесту в день условной свадьбы [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 202; Соколова, 1980б, с. 39]. Повсеместно со дня сватанья девушка обязана была носить платок и закрывать лицо в присутствии мужчин — старших родственников мужа [Описание..., 1982, с. 32; Ромбандеева, 1993, с. 84–85; Шатилов, 2000, с. 152].

Одежда похоронного обряда. Ее можно разделить на два комплекса: 1) одежда умершего (погребальная); 2) одежда родственников умершего и участников погребального обряда (траурная). Действия во время обряда были нацелены, с одной стороны, на соблюдение мер предосторожности по отношению к живым, а с другой — на сборы и проводы умершего в «мир предков» [Соколова, 1980в, с. 127; Кулемзин, 1994, с. 365].

В погребальной обрядности обских угров, в частности в тех действиях, которым подвергалась одежда умершего, его родственников и соплеменников, прослеживается локальная специфика, причем в некоторых случаях достаточно противоречивая (табл. 16, 17). Однако существует и много общего.

Одним из важных моментов погребальной обрядности обских угров являлось отделение умершего от мира живых. К числу действий, направленных на это, относилось нанесение специальных знаков-меток на одежду. У всех групп завязки на одежде скреплялись «узлом мертвых» [Соколова, 1980в, с. 128; Ромбандеева, 1993, с. 102; Карьялайнен, 1994, с. 77, 112; Кулемзин, 1994, с. 365; Федорова, 1994, с. 210; Зенько, 1997, с. 100; Попова, 2003, с. 56]. Помимо этого у хантов применялась еще одна метка. Это — отрезание кусочков от одежды, нанесение разрезов, распарывание и т. п. [Росляков, 1896, с. 3; Соколова, 1980в, с. 128; Карьялайнен, 1994, с. 112]. Ханты, проживавшие в конце XX в. на р. Демьянка, отрезали уголок только от новой одежды, надеваемой на покойного, и хранили затем эти лоскутки в доме или амбаре (ПИМА, 1999 г.). Общим для всех групп обских угров было связанное с необходимостью изолировать умершего от живых покрытие лица покойного специальной маской из шкуры или ткани с пришитыми пуговками или бусинами на месте глаз и рта [Соколова, 1980в, с. 128; Ромбандеева, 1993, с. 104; Карьялайнен, 1994, с. 77; Федорова, 1994, с. 210; Зенько, 1997, с. 100; Попова, 2003, с. 58].

В целом погребальная одежда должна была отвечать определенным требованиям. По мнению целого ряда авторов, это была «лучшая» одежда умершего [Георги, 1799, с. 74; Соколова, 1971, с. 229, 1972, с. 59; Карьялайнен, 1994, с. 77; Зенько, 1997, с. 99; Попова,

Таблица 16

Одежда погребального обряда у манси в XVIII–XX вв.

Этнографическая группа	Погребальная одежда	Запреты и обряды, связанные с погребальной одеждой	Траурная одежда и знаки траура
Южная	Погребальная маска (?) Лучшая одежда Надевание колец и перстней	«Узел мертвых» на одежде (?) Отдача умершему украшений и одежды	?
Западная	Погребальная маска Лучшая одежда Надевание колец и перстней	«Узел мертвых» на одежде	?
Восточная	Погребальная маска Лучшая одежда Надевание колец и перстней	То же	?
Северная	Погребальная маска Лучшая одежда (зимний комплект меховой одежды) Многослойность одежды Мужская/женская шуба или разрезанная спереди малица (реки Северная Сосьва, Ляпин) Надевание колец и перстней Надевание на руки специальных рукавиц-мешочков	»	Ношение нитки с бусинами на шиколотке или на запястье Расплетение кос и распускание волос по спине Ношение женщинами платков и халатов наизнанку

2003, с. 56]. О том, что действительно такая одежда должна была соответствовать определенным нормам, свидетельствует то, что в некоторых случаях, если у покойного не было хорошей одежды, использовали одежду, пожертвованную духам, т. е. принесенную со священных мест [Соколова, 1980в, с. 128; Карьялайнен, 1994, с. 77]. В то же время покойного могли похоронить и в одежде, которая была на нем в момент смерти или которую он носил при жизни [Карьялайнен, 1994, с. 77]. У северных хантов и манси фиксируется использование в качестве погребальной новой одежды [Старцев, 1928, с. 127–128; Попова, 2003, с. 56]. У северных манси старались надевать любимую одежду умершего [Ромбандеева, 1993, с. 102].

Возможно, имело значение, в какой одежде человек умер, насколько она соответствовала его новому состоянию, статусу и тому «миру», в который он должен попасть после смерти, т. е. она должна была обладать определенным набором идентификационных признаков, в том числе родовых и этнических. Это должна была быть преж-

Таблица 17

Одежда погребального обряда у хантов в XVIII–XX вв.

Этнографическая группа	Погребальная одежда	Запреты и обряды, связанные с погребальной одеждой	Траурная одежда и знаки траура
Южная	Погребальная маска Лучшая одежда Многослойность одежды Использование меховой одежды Женская — праздничный кафтан, украшенные бисером рубашки	«Узел мертвых» на одежде Отрезание кусочка от одежды, нанесение разрезов и т. п. Завертывание умершего в шкуру Запрет надевать промысловую одежду из шкур лося и дикого оленя, обувь — без шерсти и подметок Распарывание носовой части обуви Запрет класть рукавицы	Ношение нитки с бусинами на шиколотке или на запястье Ношение женщинами платков наизнанку, платка с траурной каймой и бисерных украшений, а также распускание пояса Мужчины не надевали пояса, не подвязывали обувь
Восточная	Погребальная маска Лучшая одежда Зимний комплект меховой одежды Многослойность одежды Рукавицы (сургутские ханты) Мужская — разрезанная спереди рубака (р. Васюган) Женская — вышитые рубахи (р. Салым)	«Узел мертвых» на одежде Отрезание кусочка от одежды, нанесение разрезов и т. п. Завертывание умершего в шкуру Распарывание носовой части обуви Запрет надевать и класть в могилу меховую шубу (?) Запрет класть рукавицы (?) Запрет класть в могилу бисер и бусы (р. Тромьеган), вместо чулок в обувь клали паклю (р. Тромьеган) «Узел мертвых» на одежде Отрезание кусочка от одежды, нанесение разрезов и т. п. Завертывание умершего в шкуру Распарывание носовой части обуви Запрет надевать и класть в могилу меховую шубу (?) Запрет класть рукавицы	Ношение нитки с бусинами на шиколотке или на запястье Женщины распускали пояса Мужчины не надевали пояса, не подвязывали обувь Ношение нитки с бусинами на шиколотке или на запястье Женщины распускали пояса Мужчины не надевали пояса, не подвязывали обувь Ношение особых головных повязок (р. Юган)
Северная	Погребальная маска Лучшая одежда (зимний комплект меховой одежды), бисерные украшения, бусы Женская шуба или разрезанная спереди малица — для мужчин	«Узел мертвых» на одежде Отрезание кусочка от одежды, нанесение разрезов и т. п. Завертывание умершего в шкуру Распарывание носовой части обуви Запрет надевать и класть в могилу меховую шубу (?) Запрет класть рукавицы	Ношение нитки с бусинами на шиколотке или на запястье Ношение женщинами платков и халатов наизнанку, распускание пояса Мужчины не надевали пояса, не подвязывали обувь

де всего «своя» одежда [Богатырев, 1971, с. 357–358]. Очень хорошо это иллюстрируют примеры по южным хантам, у которых в конце XIX — начале XX в. традиционная одежда постепенно выходит из повседневного употребления, но при этом продолжает использоваться в качестве погребальной. Так, на Иртыше на умершую женщину надевали праздничный кафтан, расшитый бисером, на нижней Конде и на Салыме для этих целей использовалась просто рубашка, вышитая нитками и бисером [Шульц, 1924, с. 179; Соколова, 1980в, с. 128; Карьялайнен, 1994, с. 77].

«Лучшая» одежда существенным образом различалась по группам. Так, у северных хантов в XVIII в. под «лучшей» одеждой подразумевалась зимняя меховая одежда [Зуев, 1999, с. 194]. По сведениям С.К. Патканова, в конце XIX в. южные ханты хоронили умершего в его лучшей одежде, при этом чем богаче он был, тем больше рубах на него надевали [1999, с. 178]. Северные манси в конце XX в. также надевали на умершего его «лучшее» платье — зимнюю меховую одежду (ПМА, 1991 г.). В зимний комплект одежды, включавший шубу и меховую башмаковидную обувь, облачали умершего ханты р. Демьянка в конце XX в. (ПМА, 1999 г.).

Итак, у северных и восточных хантов, северных манси погребальное облачение представлено зимним вариантом традиционного костюма, включающего верхнюю плечевую одежду из меха, обувь, головной убор.

Традиция завертывать умершего в шкуру фиксировалась у восточных, северных и южных хантов; у северных манси умершего клали на шкуру в гроб [Соколова, 1971, с. 232; Кулемзин, 1990, с. 90, 1994, с. 366; Ромбандеева, 1993, с. 103; Карьялайнен, 1994, с. 77; Патканов, 1999, с. 178; Попова, 2003, с. 69]. Предполагается, что такое использование шкуры в погребальном обряде отражает некогда бытовавший среди обских угров способ захоронения без гроба [Кулемзин, 1994, с. 366; Попова, 2003, с. 69].

В то же время у некоторых групп обских угров существовали запреты на использование шкур и меховой одежды для умершего. В конце XIX в. на нижней Конде А. Каннисто зафиксировал запрет надевать на умершего промысловую одежду из шкур лося и дикого оленя [Соколова, 1980в, с. 128]. Г. Старцев отмечал в начале XX в. у хантов запрет класть в могилу и надевать на умершего меховую шубу в связи с тем, что покойника на том свете могут заставить пересчитывать ворсинки [1928, с. 127]. Имело значение и количество погребальной одежды. Отмечается тенденция многослойности погребального костюма, при которой на умершего надевалось не-

сколько экземпляров плечевой одежды. Это практиковалось в конце XIX — начале XX в. у южных и восточных хантов [Карьялайнен, 1994, с. 77; Патканов, 1999, с. 178; Шатилов, 2000, с. 186]. Такая традиция существовала в конце XX в. и у северных манси (ПМА, 1991 г.).

Помимо этих требований, предъявляемых к одежде покойного и широко распространенных на территории обских угров, существовали и другие. К их числу относится надевание на мужчину женской шубы или разрезанной спереди малицы у северных хантов, сосвинских и ляпинских манси [Прыткова, 1953, с. 143; Соколова, 1980в, с. 127; Федорова, 1994, с. 210; Попова, 2003, с. 56]. На Васюгане и у северных хантов спереди также разрезали надетую на умершего рубаху, края которой накладывали один на другой [Карьялайнен, 1994, с. 77].

Данные действия, по сути, были направлены на придание этой одежде характера распашной. З.П. Соколова связывает обычай использования такой одежды, употребляемой у северных хантов в качестве одеял, с представлениями о смерти как о временном состоянии — обморока или сна [1975б, с. 166]. Другой точки зрения придерживается С.А. Попова, которая считает, что таким образом пытались облегчить переход умершего в иное состояние [2003, с. 57].

Противоречивы сведения, касающиеся других элементов костюма. Так, у тромьеганских хантов нельзя было класть в могилу бисер и бусы (бисерные украшения спарывали с одежды), а у северных хантов и манси бусы клали в могилу, считая их защитой от мышей [Соколова, 1980в, с. 128; Карьялайнен, 1994, с. 82]. Сургутские ханты надевали на руки умершего рукавицы [Карьялайнен, 1994, с. 77]. У северных манси такие рукавицы делали из белой ткани [Попова, 2003, с. 57]. В то же время Г. Старцев приводит сведения о том, что у хантов запрещалось класть рукавицы, иначе умершего ждала «вечная темнота в загробном мире» [1928, с. 127–128]. Северные манси на руки умершего надевали специально сшитые из ткани рукавицы-мешочки без большого пальца, перевязывающиеся на запястье лентой [Соколова, 1980в, с. 128; Федорова, 1994, с. 210]. У манси было распространено также надевание на пальцы умершего колец и перстней [Соколова, 1980в, с. 128]. По-видимому, значение у манси имели также платки, которые наматывали на шею умершего либо клали в гроб [Там же; Федорова, 1994, с. 210].

Комплекс погребального костюма включал в себя и обувь, в отношении которой существовали определенные требования. В начале XX в. у хантов отмечено распарывание носовой части обуви умерше-

го, что объяснялось представлением о том, что ноги покойника растут [Старцев, 1928, с. 127–128]. По сведениям А. Каннисто, на нижней Конде в конце XIX в. использовали обувь без шерсти и подметок [Соколова, 1980в, с. 128]. На Тромъегане вместо чулок в обувь клали паклю, а не расчесанную траву, как у живых [Карьялайнен, 1994, с. 77]. Распарывание подошвы меховой обуви отмечается и у северных манси [Попова, 2003, с. 56].

Особые действия проводили с одеждой умершего. При этом в принципах обращения с ней прослеживаются локальные различия. Так, северные ханты и манси часть одежды надевали на умершего, оставшуюся вешали на кладбище рядом с могилой на дерево [Чернецов, 1959, с. 145; Соколова, 1971, с. 235–238; Талигина, 1995, с. 135]. Кроме того, у северных манси оставшуюся от покойного одежду, завернув в кусок ткани, закапывали в землю [Федорова, 1994, с. 210]. Сыгвинские манси клали сумку с одеждой вместе с покойным, а оставшуюся одежду — в специально сделанный сруб рядом с могилой [Ромбандеева, 1980, с. 234]. Восточные ханты клали одежду под голову умершего вместо подушки [Карьялайнен, 1994, с. 80]. Сынские и куноватские ханты часть одежды клали в специальной сумке под голову покойного, оставшуюся одежду складывали на гроб в могилу [Соколова, 1972, с. 61]. У ляпинских манси зафиксирована традиция, согласно которой часть одежды складывали в могилу, а оставшуюся (забытую) связывали в тюки и вешали на дерево около могилы (ПМА, 1991 г.). Западные манси одежду сжигали (р. Лозьва) или отдавали соседям [Соколова, 1980в, с. 138]. Ханты, проживавшие в конце XX в. на р. Демьянка, часть одежды (халат, чирки, фуражку и для женщин — бисерные украшения) клали в гроб вместе с умершим, а оставшуюся одежду уносили в лес, раздавали родственникам (ПМА, 1999 г.).

После смерти человека его родственники соблюдали траур, который включал в себя ряд защитных мер, связанных с изменением внешности и разными способами магического использования элементов костюма. К наиболее распространенным знакам траура относилось ношение мужчинами и женщинами на запястье или щиколотке нитки, часто с нанизанными бусинами [Прыткова, 1953, с. 210; Карьялайнен, 1994, с. 101].

Знаками траура локального характера можно считать изменение прически на определенный срок, ношение одежды наизнанку, использование женщинами платка с траурной меткой, развязывание и распускание разнообразных завязок и поясов на одежде (см. табл. 16, 17). Расплетение кос и распускание волос по спине практиковали се-

верные манси: женщины — на четыре дня, мужчины — на пять. По прошествии этого срока заплетали косы и перекидывали их на грудь [Федорова, 1994, с. 211; Гондатти, 2000б, с. 143].

В XVIII–XX вв. у хантов по случаю траура женщины распускали пояса, мужчины не подвязывали обувь и не носили пояса [Росляков, 1896, с. 3; Соколова, 1972, с. 60; Миненко, 1975, с. 199; Зуев, 1999, с. 196]. Женщины у южных и северных хантов, северных манси надевали платки наизнанку [Прыткова, 1953, с. 209; Карьялайнен, 1994, с. 102; Патканов, 1999, с. 180]. У северных хантов и манси, кроме того, соблюдая траур, женщины носили вывернутые наизнанку халаты: по мужчине — пять месяцев (или 50 дней), по женщине — четыре месяца (или 40 дней), по ребенку — более короткое время [Карьялайнен, 1994, с. 102; Федорова, 1994, с. 211].

У южных хантов в конце XIX в. отмечено бытование специального женского «траурного платка», представлявшего собой пестрый платок с черной каймой или льняной платок с ситцевой каймой. Есть данные об особом «черном чепчике» — пестром головном уборе с черной каймой. Траурный платок жена умершего носила в течение года. По истечении этого срока кайму отделяли и закапывали в могилу, а платок дарили бедным [Карьялайнен, 1994, с. 102; Патканов, 1999, с. 179–180]. Помимо этого у южных хантов, по сведениям С.К. Патканова, женщины как в праздники, так и в дни траура носили бисерные украшения [1999, с. 178]. В XX в. у юганских хантов зафиксирован обычай носить в знак траура специальную головную повязку: у женщин — из белого платка, у мужчин — из сарги [Федорова, 2000в, с. 236]. Такие повязки носили только в дневное время и по прошествии траура выбрасывали.

Одежда медвежьего праздника. Процесс переодевания являлся одним из постоянных действий, сопровождавших медвежий праздник. Собравшиеся на празднике должны были быть в нарядной, праздничной одежде [Изделия..., 1911, с. 61; Прыткова, 1953, с. 210; Соколова, 1971, с. 227; Ромбандеева, 1993, с. 120; Патканов, 1999, с. 165]. Кроме того, для присутствующих и участвующих в празднестве существовал ряд запретов, связанных с одеждой. Так, например, женщины и девочки должны были закрывать лицо платком, накинутым на голову, и кисти рук, пряча их в рукава одежды, под платок или надевая рукавицы [Соколова, 1971, с. 225; Ромбандеева, 1993, с. 122; Федорова, 1994, с. 204; Карьялайнен, 1996, с. 165; Патканов, 1999, с. 164]. У северных хантов (р. Казым) во время медвежьего праздника и 3–4 недели после него нельзя было ходить босыми [Карьялайнен, 1996, с. 174].

Выступавшие участники праздника (как правило, мужчины) переодевались в специальную одежду — суконные гуси, халаты, шапки, рукавицы, обувь, берестяные или деревянные маски, которые хранились в определенном месте или брались на время праздника из прикладов духов. Мужчины, изображавшие женщин, надевали женскую одежду и закрывали лицо платками [Соколова, 1971, с. 225; Ромбандеева, 1993, с. 121; Дунин-Горкавич, 1996, с. 53–54; Алквист, 1999, с. 54; Молданов, 1999, с. 13; Патканов, 1999, с. 164]. С помощью этих элементов костюма участники праздника преображались в персонажей фольклора, бытовых сценок и т. п.

В одежде участников медвежьего праздника выделяются три комплекса [Федорова, 1994, с. 204–208]. К первому относится повседневная одежда участников интермедий, танцоров. Для женского костюма было обязательным наличие рукавиц и платков. Второй комплекс составляла одежда исполнителей танцев животных — суконный или меховой гусь, вывернутая наизнанку малица (у северных хантов и манси), маски, а также различного рода куски ткани, пологи. Третий комплекс представляли костюмы исполнителей танцев в честь богов: халаты, шапки, платки, налобные повязки, обувь, рукавицы. В отличие от первых двух комплексов в третий входила одежда, которая использовалась лишь в качестве ритуальной, обрядовой, жертвенной, — халаты, пояса, шапки, рукавицы.

Северные ханты и манси, основу костюма которых составляла одежда глухого покроя, халаты и шапки могли брать на время праздника из прикладов духов [Ромбандеева, 1993, с. 121; Молданова, 1999, с. 23]. У северных манси и северных хантов костюм дополнялся налобными повязками в виде серебряных или медных пластин [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 90; Федорова, 1994, с. 208; Бауло, 2004а, с. 48, 61].

Сведения о покрое обрядовых халатов мужчин немногочисленны. Известно, что их шили из сукна, шелковых и хлопчатобумажных тканей и с подкладкой. Некоторые из них украшали по краям позументом. К плечам, рукавам и спинке иногда пришивались шкурки пушных зверей [Федорова, 1994, с. 206–207]. В конце XIX в. у северных манси такие халаты имели отложные воротники, застежку и обшивались по краям бисером, бусами, свинцовыми или оловянными бляшками, а также бубенчиками и пуговицами [Гондатти, 2000а, с. 109]. Больше данных о покрое халатов северных манси, используемых на медвежьем празднике в XX в. Так, из пяти описанных И.Н. Гемуевым халатов два сшиты из шелка, края четырех обшиты золотым галуном, два имели прорези под мышками [1990, с. 80–85, 92–93].

Нередко на медвежьем празднике использовали русские камзолы и кафтаны служилых людей [Там же, с. 82]. У казымских хантов зафиксированы также халаты (сюртуки) из сукна с медными пуговицами [Дунин-Горкавич, 1996, с. 53–54]. Иногда применялись повседневные женские халаты, как, например, у хантов р. Демьянка в конце XX в. (ПМА, 1999 г.).

У северных хантов изображаемой персоне пантеона соответствовал халат определенного цвета [Молданов, 1999, с. 35, 41, 51]. По-видимому, от этого зависело и наличие поясов: для одних персонажей они были обязательными атрибутами костюма, для других — нет [Федорова, 1994, с. 207; Молданов, 1999, с. 41, 52; Молданова, 1999, с. 23].

Мужские шапки участников медвежьего праздника различались по материалу и покрою. Выделяются шапки из меха пушных зверей (соболя, белки, лисы и др.) и из сукна [Федорова, 1994, с. 207; Молданов, 1999, с. 51]. Роль меховой шапки могла выполнять шкура пушного зверя (лисы, соболя, песца), обернутая вокруг головы и закрепленная таким образом, что хвост спускался на спину [Источники..., 1987, с. 216; Федорова, 1994, с. 209; Молданов, 1999, с. 33]. Суконные шапки, надеваемые на медвежий праздник, чаще всего имели конусообразную форму и шились из нескольких (трех – четырех) вертикально расположенных клиньев или семи полос. Шапки украшали опушкой из меха, а к макушке пришивали кисточку из цветных полосок сукна или кусочков меха. Некоторые из них орнаментировали.

Часто персонажам пантеона, которых изображали на медвежьем празднике, соответствовали определенная форма и покрой шапки. Так, у северных манси шапка из беличьего меха является неизменным элементом костюма *Полум-Торум'*а, шапка из красной лисы (а по некоторым данным, и соболя) — *Мир сусне хум'*а [Источники..., 1987, с. 216; Федорова, 1994, с. 207]. Шапки из трех разноцветных клиньев с узором *доваң хэ* 'человек на лошади', по представлениям северных хантов, носят духи *Лев кутуп ики* 'Сосьвы середины мужчина' и *Вэйт ики* 'Вэйт (протоки) мужчина', шапку из семи суконных клиньев — *Ас тый ики* у северных хантов и *менкв'ы* (человекоподобные лесные существа, духи-предки) у северных манси [Молданова, 1999, с. 23; Попова, 2003, с. 34].

В число атрибутов мужского костюма на медвежьем празднике входили маски. Их делали из бересты и дерева, иногда окрашивали сажей и красной краской [Соколова, 1971, рис. 4, 12; Карьялайнен, 1996, с. 159; Чернецов, 2001, с. 12; Бауло, 2004б, с. 89–101]. Маски из бересты были двух видов: в виде личины или в виде конуса или цилиндра. У берестяных масок к отверстию посередине пришивался

кусочек бересты, обозначающий нос (в ряде случаев нос мог имитироваться копытцем оленя). У деревянных масок на месте глаз, носа и рта вырезались отверстия, «бороду» масок делали из куска оленьей шкуры. В.Н. Чернецов считал, что «сцены с маскировкой (пляски в масках) могут быть связаны в генетическом отношении с производственно-магическими коллективными действиями, исполнители которых уподобляются тотему-медведю своей одеждой» [2001, с. 42].

У отдельных групп фиксировались и другие виды масок. Так, у северных хантов при исполнении «пляски медведя» использовалась маска из кожи, снятой с головы медведя, — *мой-бер-ох*. На ней сохранялись уши, нос, глазные отверстия [Народы Севера..., 1986, с. 124]. В Тобольском музее хранится маска *мэнкв'*а в виде берестяного конуса, к верхушке которого прикреплен конский хвост [Соколова, 1971, рис. 4]; изображения масок *менкв'*ов с конскими хвостами опубликованы В.Н. Чернецовым [1968, S. 107].

Рукавицы, используемые на медвежьих праздниках и мужчинами, и женщинами, были сшиты, как правило, из ровдуги, сукна, хлопчатобумажных тканей и специальным образом орнаментировались [Шухов, 19166, с. 33; Руденко, 1929, с. 36; Соколова, 1971, с. 225, 1972, с. 58; Федорова, 1994, с. 204; Чернецов, 2001, с. 10]. Орнамент на них выполнялся в технике вышивки подшейным волосом, аппликации и мозаики и, видимо, был четко определен. У северных хантов, например, это были узоры *лэнх хур* 'духа изображение', *пупи хур* 'медведя изображение' или *шуняу тыхал* 'счастливое гнездо' [Молданава, 1999, с. 23].

В конце XIX — начале XX в. у восточных хантов зафиксировано использование во время медвежьего праздника обуви *сураман нир*, башмаковидной со вставкой между голенищем и низкой головкой, украшенной орнаментом, нанесенным краской и обшитым по контуру подшейным волосом оленя [Лукина, 1985, с. 56]. Ваховские ханты во время праздника надевали обувь из камусов медведя с когтями, употребляемую также и в качестве промысловой (для имитации следов медведя) [Там же, с. 207]. В конце XX в. бытование специальной обуви, надеваемой на медвежий праздник, было зафиксировано и на р. Демьянка. Это — ровдужная обувь башмаковидного типа с длинным голенищем. Головка, голенище и вставка между ними украшены криволинейным орнаментом, выполненным коричневой краской и вышитым по контуру сухожильными нитками (ПМА, 1999 г.).

В целом в одежде, используемой в обрядах, выделяются два комплекса. К первому относится одежда с характерными для локальной группы чертами. Второй комплекс составляет мужская ритуальная

одежда, единая для всех групп и представленная халатами и конусообразными шапками.

Элементы, входящие во второй комплекс, являлись составными частями и шаманского костюма. Он также включал в себя халат и шапку и был наиболее типичным облачением шамана у обских угров. С небольшими различиями этот костюм фиксировался как у хантов, так и у манси [Прокофьева, 1971, с. 10; Соколова, 19916, с. 225–241; Федорова, 1994, с. 209; Карьялайнен, 1996, с. 190–192; Шатилов, 2000, с. 192–193]. Дополнением к халату и шапке служили имевшие локальное распространение рукавицы, обувь, нагрудник, металлический венец, головное (затылочное) украшение.

Наиболее полные костюмные комплексы восточных хантов известны по описаниям конца XIX — начала XX в., а также по музейным коллекциям [Кулемзин, 1976, с. 8; Карьялайнен, 1996, с. 190–191; Шатилов, 2000, с. 193]. Описания чаще встречаемых элементов шаманского костюма (шапки и халата) указывают на то, что для их изготовления использовалась прежде всего ткань. Судя по имеющимся данным, для шаманских халатов был характерен белый цвет [Прокофьева, 1971, с. 10; Соколова, 1971, с. 224; Кулемзин, 1976, с. 56–57; Карьялайнен, 1996, с. 193].

Кроме того, у некоторых групп в качестве шаманской применялись и другие виды одежды. Например, у восточных хантов шаманы носили халат из ровдуги с металлическими подвесками, шубу из овчины, обшитую медвежьим мехом, с подвесками из оленьих, лосиных рогов, медвежьих клыков, беличьих и бурундучьих зубов, у северных хантов — меховую одежду, в том числе малицу [Соколова, 1971, с. 224; Кулемзин, 1976, с. 55, 79; Карьялайнен, 1996, с. 190–191]. Металлические венцы с рогами *вах-мюль* (ХВх) надевали во время камлания шаманы у северных и восточных хантов [Кулемзин, 1976, с. 78; Карьялайнен, 1996, с. 190]. К числу специфических элементов шаманского облачения восточных хантов, по-видимому, следует отнести шапку *ёлта-мюль* (ХВх), обшитую мехом и бисером [Кулемзин, 1976, с. 76–78; Шатилов, 2000, с. 193]. В середине XX в. с повседневной одеждой в качестве знаков шамана у северных хантов использовалась меховая нагрудная повязка [Соколова, 1971, с. 224].

Часто в совокупности с повседневной одеждой как знаки шамана употреблялись лишь отдельные из перечисленных элементов. Из них наиболее распространенным был головной убор — конусообразная шапка, сшитая из клиньев ткани или сукна и фиксировавшаяся в конце XIX — начале XX в. у всех групп обских угров прежде всего в качестве ритуальной [Карьялайнен, 1996, с. 190–192].

Символика шаманского костюма обских угров соотносится с обшесибирской и соответствует изображению птицы-зверя, о чем свидетельствует оформление костюма. Орнитоморфная символика проявляется в пришивании птичьих крыльев к плечевой одежде [Кулемзин, 1976, с. 74], зооморфная, связанная с лосем и оленем, — в использовании металлических венцов с рогами, нашивании оленьих и лосиных рогов на плечевую одежду. С другой стороны, символика, связанная с медведем, прослеживается в изготовлении рукавиц и обуви из медвежьих камусов с когтями [Там же, с. 55, 78–79]. Кроме того, на шапках *элта-мюль* отмечается наличие подвесок в виде низок бисера, бус и полос ткани, расшитых бисером и, как представляется, соотносящихся в культовой практике народов Сибири со знаком змеи [Прокофьева, 1971, с. 87; Кулемзин, 1976, с. 77–78].

В целом для шаманского облачения обских угров была характерна неразвитость костюмного комплекса. В него чаще включали одежду, вышедшую из повседневного использования, или культовые атрибуты, в том числе с медвежьего праздника [Прокофьева, 1971, с. 10; Кулемзин, 1976, с. 74–75].

* * *

Таким образом, в традиционном костюмном комплексе обских угров выделяются элементы, имеющие многофункциональный характер. К их числу относятся плечевая одежда распашного типа (шубы и халаты) и платки, бытовавшие в качестве повседневной мужской и женской, производственной и обрядовой одежды, что указывает на ее древнюю основу. Халаты и платки из ткани по покрою соотносятся с лесостепным скотоводческим комплексом. Вероятно, к этому же комплексу принадлежат и шубы с суконным верхом, поскольку меховая подкладка в данном случае выступала лишь как дополнение к халату, который могли носить и отдельно от нее. Многофункциональность, прослеживающаяся по обрядовому и производственному комплексам, была присуща и рукавицам.

Конкретные функции, связанные с производственной деятельностью, выполняли такие виды одежды, как малица, парка, лузан, меховой и суконный гусь, налобник из шкур, охотничьи очки, кожаный пояс с ножнами. Помимо этого можно также выделить предметы одежды, имевшие у разных локальных групп обских угров неодинаковое назначение. Так, мужские шубы у восточных и южных хантов, южных и восточных манси являлись зимней охотничьей одеждой, в то время как у северных хантов, северных и западных

манси, для которых была характерна производственная одежда глухого покроя, они использовались в качестве домашней спальной.

Особая роль одежды выражается не только в том, что она была неотъемлемым атрибутом свадебного обряда, но и в том, что одежда обязательно присутствовала в погребальном обряде, входила в число жертвенных предметов. Эта значимость подчеркивается в фольклоре. Одежда нередко фигурирует наряду с пищей как жизненно необходимый, жизненно важный элемент культуры: «Если не было у них одежды, он снабдил их одеждой. Если не было у них пищи, он снабдил их пищей...» [Мифы..., 1990, с. 276]. Одежда и ее части выступали в качестве подарков: «Потом она отрезала рукав от шелкового платья и отдала доброму человеку за то, что он принес весть» [Там же, с. 454]. Одеждой или пищей «расплачивались» с шаманом за спасение души (излечение) [Карьялайнен, 1994, с. 61]. Чужая одежда, «не своя», если она была одета помимо воли человека, символизировала неволю, закабаление: «Братья с нее одежду сняли, обувь меховую сняли, надели русские валенки, русскую юбку. Очнулась, в себя пришла. Одной ногой пошевелила — нога точно чужая, другой пошевелила — нога как костяная...» [Земляной братец..., 1997, с. 65].

По-видимому, зная такое отношение к одежде, русская администрация и пришлое население широко практиковали одаривание остяков (хантов) и вогулов (манси) предметами одежды, украшениями и различного рода тканями. Так, например, в качестве награды в 1740 г. каждому новокрещеному выдавали «по кресту медному, по одной рубахе с портами и по сермяжному кафтану, шапку и рукавицы, чирики, чулки; тому, кто познатнее — серебряный крест, суконный кафтан и по куску ткани... а вместо чириков сапоги», а в первой половине XIX в. эта награда состояла из рубахи и креста [Миненко, 1975, с. 271–272; Мавлютова, 2001, с. 37].

Таким образом, иноэтничная одежда начинает проникать в сферу традиционной культуры, становясь определенным социомаркирующим знаком, признаком привилегированного положения. В первую очередь это коснулось тех районов проживания обских угров, которые находились в непосредственной близости от основных транспортных магистралей — рек Обь, Иртыш, Конда, Демьянка, Тавда и т. д., а также рядом с административными центрами: Самарово, Сургут, Тобольск и др. Привозные ткани и одежда достаточно быстро распространились среди местного населения. И уже во второй половине XIX в. многие исследователи отмечают бытование в этих районах проживания хантов и манси одежды «русского» образца — рубах, юбок и кофт, шапок и т. п. В то же время одежда мехо-

вая, зимняя, связанная в первую очередь с производственной деятельностью, сохраняет свои традиционные формы. Более того, уже в первой половине XIX в. ее изготовление носит товарный характер [Миненко, 1975, с. 162]. Товарность такой одежды способствует, с одной стороны, сохранению ее традиционных форм, с другой — широкому ее распространению как в среде коренного населения, так и пришлого прежде всего как одежды производственной. В это же время появляется и одежда, сочетающая в себе элементы традиционные и инновационные, например привозные ткани и традиционный покрой, традиционные украшения и т. п.

Товарность меховой традиционной одежды, появление спроса на нее способствовали формированию и выделению слоя мастериц, выделявавших шкуры и изготавливавших такую одежду, особенно среди северных групп обских угров. Товарный характер одежды из оленьих шкур обуславливал сохранение у северных и восточных хантов и восточных манси традиционных способов ее изготовления, покроя и т. п. Еще в 70–80-е гг. XX в. в некоторых крупных северных поселках (Березово, Саранпауль, Угут и др.) существовали цеха, где ее шили вручную сухожильными или капроновыми нитками с соблюдением традиционных технологий. В то же время для изготовления одежды из тканей широко применяли швейные машинки, нитки фабричного производства. Кроме того, в этот период получила большое распространение покупная нательная одежда из разнообразных тканей. Подкраивая, моделируя, сочетая с традиционными украшениями покупную одежду, ее приводили в соответствие с традиционными видами одежды и использовали как повседневную, а собственно традиционная одежда постепенно стала переходить в разряд праздничной, нарядной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционный костюм является предметом культуры, способным изменяться и модифицироваться. Вслед за процессами, происходящими внутри этнической общности, меняется и одежда. Фиксируя на определенный момент особенности культуры, костюмный комплекс представляет важный источник, отражающий специфику хозяйственно-культурной адаптации, этнокультурного взаимодействия и эстетического восприятия окружающего мира.

Природно-климатические условия и хозяйственная вариативность, присущая культуре обских угров, предопределили формирование различных костюмных комплексов, в которых тем не менее обнаруживается ряд общих признаков, свидетельствующих об их единой основе. Сравнительно-типологический анализ материалов, применяемых хантами и манси для изготовления одежды, позволил определить материалы, используемые для пошива одежды, соотносимые с культурой таежных охотников-рыболовов, оленеводов и скотоводов лесостепи. Динамика изменений, проявляющаяся при установлении общих и локально распространенных материалов для одежды, позволила выделить три периода по признаку появления одних и исчезновения других видов материала. Первый период (XVIII в.) отличался разнообразием материалов, среди которых преобладали местные. Второй период (XIX — начало XX в.) характеризуется исчезновением одежды из местных материалов: сначала рыбьей кожи, затем и крапивного полотна, а также массовым распространением хлопчатобумажных тканей. Третий период (XX в.) отмечен широким применением покупных тканей, вытеснивших традиционные материалы.

Технология украшения одежды показывает, что определенному материалу одежды соответствовал конкретный способ украшения, а изменение материала приводило к смене приемов декоративного оформления. Наибольшее разнообразие украшений было характерно для XIX — начала XX в., что объясняется, с одной стороны, большим притоком привозных товаров, в том числе тканей и различного

вида украшений, с другой — сохранением традиционных приемов и видов украшений. К числу главных факторов, определивших изменения декоративного убранства костюма обских угров, относится появление новых материалов для одежды и готовых украшений, способных заменить их аналоги, изготавливаемые традиционным способом.

Разнообразие материалов и украшений способствовало формированию многокомпонентного по составу костюма. Состав костюмного комплекса обских угров показывает, что в XVIII–XX вв. он был достаточно устойчив и включал: рубаху, халат, кафтан, шубу, малицу, парку, лузан, гусь, наверхницу, пояса, штаны, женский пояс-повязку, обувь (башмаковидную, поршневидную и с союзками), чулки, платок, шапки и капоры, венец, налобную повязку, накосные украшения, серьги, шейно-нагрудные украшения (бусы, ожерелья и т. п.), кольца, рукавицы, охотничьи очки, налобник и боа. В конце XIX в. в комплекс вошли кофты и юбки, а в начале XX в. — рубаха-платье, что связывается с началом широкого применения хлопчатобумажных тканей. Среди элементов костюма выделяются общераспространенные и локальные предметы одежды, обуви, головных уборов и украшений, а также элементы костюма, для которых характерно использование определенных видов материала. Так, парку и обувь с союзками изготавливали только из оленьего меха, который был также основным материалом для малицы и мехового гуся. Но если обувь четко соотносится с оленеводческим хозяйством, то формирование малицы и мехового гуся могло происходить и в таежных условиях у охотников на крупных копытных, т. е. таким же образом, как и парки. С культурой охотников и рыболовов тайги связано происхождение таких видов одежды, как шуба обертывающего типа, лузан, женский пояс-повязка.

Достаточно четко в одежде обских угров прослеживается традиция использования материалов домашнего производства — тканей для рубах, халатов, кафтанов, штанов, платков, шапок, рукавиц, кожи для поясов и чирков, шерстяных ниток для вязания чулок, рукавиц и плетения поясов. Перечисленные элементы костюма были распространены на всей территории проживания обских угров, что позволяет считать их наиболее древними, сформировавшимися в период культурного и языкового единства хантов и манси.

Однако и в этом комплексе есть предметы, происхождение которых носит неоднозначный характер. Так, помимо тканей для шитья рубах, халатов, кафтанов, штанов, чулок использовались рыбы кожи, для шапок — шкурки птиц и пушных зверей, что свидетельствует об

их принадлежности к таежному охотничье-рыболовческому компоненту. Штаны, поршневидная обувь, чулки, шапки, рукавицы, кроме того, шились из оленьих шкур и ровдуги, что возможно в условиях существования постоянных источников этого материала, т. е. оленеводческого хозяйства.

Устойчивой является традиция изготовления шуб из оленьего меха, шкурок птиц и пушных зверей, т. е. материалов, связанных с хозяйством таежно-тундровой зоны. Применение в качестве материала для шуб продукции скотоводства (овчины, коровьих и лошадиных шкур) ограничено территорией южных и восточных манси, южных и части восточных хантов. В единичных экземплярах одежда из этого материала была известна у северных хантов и манси, что может служить подтверждением существования традиции использования этих материалов у данных групп.

Определенное единство традиции наблюдается в съемных украшениях костюма, которые делали из бисера, бус и металла. Однако и здесь можно выделить разные тенденции. Так, в конце XIX — начале XX в. у восточных манси, южных и салымских хантов больше применялся бисер, у северных манси, северных и восточных хантов — металл. Во второй половине XX в. бисерные украшения постепенно вытесняют металлические, металлические нашивки в ряде случаев замещаются пластмассовыми пуговицами, бляхами и т. п.

Проявляющаяся таким образом у большинства элементов костюма вариативность в выборе материала связана с их формированием, с одной стороны, в среде аборигенного населения таежно-тундровой зоны, а с другой — в хозяйственно-культурном комплексе скотоводов лесостепи. Новации в покрое, обусловленные применением новых материалов, имели место в пределах одного предмета одежды, выполняющего определенные функции. По функциональному назначению в одежде хантов и манси выделяются мужской, женский, детский костюмы, сезонная, праздничная, дорожная и домашняя одежда, обрядовый комплекс, а в мужской одежде — производственный и шаманский костюмы. Все они формально делятся на две группы: повседневную и празднично-обрядовую одежду.

В ходе классификации определены многофункциональные предметы одежды. К их числу относятся плечевая одежда распашного типа (шубы и халаты) и платки, употребляемые в качестве повседневной мужской и женской, производственной и обрядовой одежды. Функции, связанные с производственной деятельностью, выполняли такие виды одежды, как малица, парка, лузан, меховой

и суконный гусь, налобник из шкур, охотничьи очки, кожаный пояс с ножнами.

На основе сочетания различных типов и вариантов одежды у хантов и манси были созданы локальные костюмные комплексы, при сравнительном анализе которых в рамках трех хронологических периодов обнаруживается определенная изменчивость. Динамика этих изменений показывает, что достаточно единообразный в XVIII в. костюм обских угров значительным образом трансформировался к концу XX в. Выявление общего комплекса свидетельствует о том, что некогда костюм обских угров был единым, а его основа (плечевая и поясная одежда, головные уборы и обувь) связана своим происхождением с культурой скотоводов лесостепи.

Туникообразный покрой, соотносимый с этой культурной традицией, являлся ведущим для нижней плечевой и верхней распашной со стыкующимися полами одежды. Этот покрой был характерен прежде всего для одежды из холста, что позволяет идентифицировать вышитые рубахи из домотканины, известные по письменным источникам XVIII в., как туникообразные. На основе туникообразного покроя сформировались такие виды одежды, как рубахи, рубахи с кокеткой, рубахи-платья, халаты и, вероятно, шубы с боковыми вставками из оленьего меха. К комплексу, сложившемуся в условиях лесостепной зоны, относятся такие базовые элементы костюма, как штаны II и III типов, башмаковидная обувь, платки, островерхие шапки. Определение базового комплекса не означает, что формирование других элементов костюма обских угров происходило именно на его основе.

Формирование особенностей костюма северной группы хантов, вероятно, началось ранее XVIII в., поскольку уже в это время в нем наблюдаются значительные отличия, заключавшиеся в употреблении оленеводческо-самоедской одежды. Возможно, в течение XVIII–XIX вв. создается специфика восточноостяцкого комплекса, а также вошедшей в состав северного и среднеобского комплексов одежды северных и западных вогулов. Костюм этих групп характеризуется наличием предметов, генезис которых связывается с населением таежно-тундровых районов. В южноостяцком комплексе обнаруживается ряд параллелей с вогульской одеждой, что расширяет рамки его бытования и делает его общеугорским, а отмеченное в нем сходство с одеждой народов Поволжья и сибирских татар следует рассматривать в рамках культурно-генетических связей. О том же говорят и сравнения вогульской одежды XVIII в. с костюмом народов Поволжья. Рассматривая костюм хантов и манси в отдельно-

сти, можно отметить, что для первых в большей степени характерны элементы местного западносибирского происхождения, для второго — сохранение компонентов, соотносимых с лесостепным скотоводческим комплексом.

Своеобразие локальных комплексов связано с направлениями хозяйственной деятельности (олeneводством, охотой и рыболовством, земледелием и скотоводством) и этнокультурными связями: в целом — с русскими, северных групп — с ненцами и коми-зырянками, восточных — с лесными ненцами, селькупками, эвенками, кетами и татарами, южных — с татарами. Основные перемены в костюме, фиксирующиеся в XIX — начале XX в., соотносятся с переориентацией традиционного хозяйства, распространением тканей фабричного производства, покупной «русской одежды».

Обобщение и анализ материалов по традиционному костюму обских угров XVIII–XX вв. подтверждают существующее в этнографической литературе положение о том, что культура обских угров сочетает в себе элементы, связанные своим происхождением с культурами древних аборигенов западносибирской тайги и скотоводов лесостепной зоны Западной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аджер Б.Ф. Возникновение одежды. — СПб., 1903. — 80 с.
- Алексеев Е.А. Материалы по культуре и быту курейских кетов // ТИЭ. Сибирский этнографический сборник. — М.: АН СССР, 1962. — Т. 4. — С. 30–66.
- Алексеев Е.А. Техника изготовления одежды у кетов // Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970. — С. 122–136.
- Алексеев Е.А. Этнические и культурные взаимодействия кетов и обских угров // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. — Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1986. — С. 106–113.
- Алквиист А. Среди хантов и манси: Путевые записки и этнографические заметки / Пер. с нем. и публ. д-ра наук Н.В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — 179 с.
- Андреев А.И. Описание о «жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» // Сов. этнография. — 1947. — № 1. — С. 84–103.
- Антропова В.В. Культура и быт коряков. — Л.: Наука, 1971. — 216 с.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. — М.: Наука, 1989. — 247 с.
- Бабаков В.Г. Манси // Вопр. истории. — 1973. — № 3. — С. 214–218.
- Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийский язык. — Л., 1957.
- Бартнев В. На крайнем Северо-Западе Сибири: Очерки Обдорского края. — СПб., 1896.
- Бартнев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири: Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — С. 114–217.
- Бауло А.В. Атрибутика и миф: Металл в обрядах обских угров. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004а. — 160 с.
- Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004б. — № 1. — С. 89–101.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. — М.: Наука, 1955. — Т. 3, ч. 2. — С. 86–152.
- Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов // ТИЭ. Новая серия. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — Т. 10. — 141 с.
- Белицер В.Н. Народы Среднего Поволжья и Приуралья // Крестьянская одежда населения европейской России (XIX — начало XX в.): Определитель. — М.: Сов. Россия, 1971. — С. 288–350.
- Белявский Ф.М. Поездка к Ледовитому морю. — Тюмень: Мандр и К°, 2004. — 296 с.
- Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. — М.: Искусство, 1971. — 544 с.
- Богомолов В.Б. Прядение у барабинских татар // История, археология и этнография Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. — С. 104–111.
- Богордаева А.А. Цветовая символика в традиционной одежде обских угров // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 1999. — Вып. 2. — С. 98–104.
- Богордаева А.А. Особенности покроя женских туникообразных рубах обских угров // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Материалы итоговой научной сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2000 г. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — Вып. 2. — С. 58–61.
- Богордаева А.А. Сигнификативные функции одежды в традиционной обрядности обских угров // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2002. — Вып. 4. — С. 184–192.
- Богословская И.В. Одежда народов библейских стран: по древнеегипетским источникам XVI–XI вв. до н. э. — СПб.: МАЭ РАН, 1995. — 144 с.
- Брун В., Тильке М. История костюма от древности до нового времени. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 463 с.
- Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1961. — 218 с.
- Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. — М.: Наука, 1972. — 314 с.
- Василевич Г.М. Типы обуви народов Сибири // СМАЭ. — М.; Л.: АН СССР, 1963. — Т. 21. — С. 5–64.
- Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). — Л.: Наука, 1969. — 304 с.
- Василевич Г.М. Материальная культура среднеамурских эвенков // Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976. — С. 106–122.
- Васильев В.В. Река Демьянка: Экономико-этнографический очерк. — Тобольск, 1929. — 36 с.
- Вейс Г. История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь: Иллюстр. энциклопедия в 3 т. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. — Т. 1 — 752 с.; т. 2 — 600 с.; т. 3 — 768 с.
- Вереш П. Этнокультурное развитие древнененгерского этноса // Проблемы этнографии и этнической антропологии. — М.: Наука, 1978. — С. 39–48.
- Вилков О.И. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. — Новосибирск: Наука, 1990. — 368 с.
- Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. — Л.: Наука, 1969. — 218 с.
- Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века. — Новосибирск: Наука, 1998. — 144 с.
- Гаген-Торн Н.И. Болгарская одежда: (По коллекциям ленинградских музеев) // СМАЭ. — 1958. — Т. 18. — С. 208–278.
- Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья: (Материалы к этногенезу). — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. — 227 с.
- Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана: XIX — начало XX в. — М.: Наука, 1981. — 150 с.

- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. — Новосибирск: Наука, 1990. — 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. — 240 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. — Новосибирск: Наука, 1986. — 192 с.
- Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799. — Ч. 1: О народах финского племени, известных по истории Российской под общим именем руссов. — 76 с.
- Глушков И.Н. Чердынские вогулы. — М.: Поставщик Двора Его Величества т-во Скороп. А.А. Левинсон, Петровка, д. 22, 1900. — 64 с.
- Глушкова Т.Н. Одежда культовых изображений манси // Обские угры: Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. — С. 174–176.
- Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. — Сургут: РИО СурГПИ, 2002. — 206 с.
- Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М., Жорницкая М.Я. Юкагиры (историко-этнографический очерк). — Новосибирск: Наука, 1975. — 244 с.
- Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. — Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1993. — 204 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — 606 с.
- Гондатти Н.Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь. — М.: Тип. А.А. Карцева, 1888. — 125 с.
- Гондатти Н.Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь // Лукич. — 2000а. — № 4 (14). — С. 96–144.
- Гондатти Н.Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь // Лукич. — 2000б. — № 5 (15). — С. 100–146.
- Городков Б. Поездка в Салымский край // ЕТГМ. — 1913. — Вып. 21.
- Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. — М.: Наука, 1980. — 240 с.
- Дмитриев-Садовников Г. Экскурсия по р. Сосьве и др. в 1919 г.: Дневник экспедиции // Лукич. — 2000. — № 4(14). — С. 6–60.
- Доде З.В. Средневековый костюм народов Центрального Предкавказья как источник по истории региона в VII–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1993. — 24 с.
- Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: Очерки истории. — М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 136 с.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. — М.: Наука, 1960. — Т. 55. — 622 с.
- Древняя одежда народов Восточной Европы: (Материалы к историко-этнографическому атласу). — М.: Наука, 1986. — 272 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. — М.: Либерия, 1995. — Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. — 376 с.; 1996. — Т. 3: Этнографические очерки местных инородцев. — 208 с.

- Дьяконова В.П. Посуда народов Южной Сибири // СМАЭ. — Л.: Наука, 1988. — Т. 42: Материальная и духовная культура народов Сибири. — С. 50–70.
- Ерныхова Е.А. Декоративно-прикладное искусство обскоугорских народов: Учеб. пособие. — Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2000. — 138 с.
- Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII — начале XX в. — М.: Наука, 1972. — 128 с.
- Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. — М.: Наука, 1982. — 224 с.
- Земляной Братец: Мансийские сказки, предания, песни, загадки. — Томск: Изд-во Том. ун-та; Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. — 136 с.
- Зенько А.П. Отношение к огню у обских угров // Югра. — 1992. — № 1. — С. 29–32.
- Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность. — Новосибирск: Наука, 1997. — 160 с.
- Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 247 с.
- Зорина Л.И. Манси в описаниях А.Я. Купфера // Этнокультурная история Урала, XVI–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф., г. Екатеринбург. 29 нояб. — 2 дек. 1999 г. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. — С. 202–204.
- Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — С. 137–236.
- Иванов С.В. Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси // СЭ. — 1952. — № 3. — С. 85–99.
- Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. — М.; Л.: АН СССР, 1954. — 840 с.
- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.): Народы Севера и Дальнего Востока. — М.; Л.: АН СССР, 1963. — 494 с.
- Иванов С.В. Старинные трубчатые игольники народов Сибири // Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970. — С. 196–207.
- Иванова Е.В. Одежда и украшения народов Юго-Восточной Азии. — СПб.: МАЭ РАН, 2002. — 173 с.
- Изделия остяков Тобольской губернии: Этнографическая коллекция Тобольского губернского музея на I Западно-Сибирской выставке в г. Омске. — Тобольск, 1911. — 135 с.
- Ильина И.В. Ребенок в традиционной культуре салымских хантов. — Сыктывкар, 1996. — 24 с. — (Науч. докл. / Коми науч. центр УрО РАН; Вып. 384).
- Инфантьев П.П. Этнографические рассказы из жизни татар, вогулов, самоедов. — СПб.: Тип. А. Бенке, 1909. — 262 с.
- Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. — СПб., 1910. — 199 с.
- Инфантьев П.П. На севере диком. — СПб.: Электро-Типография Н.Я. Стойковой, б. г. — 101 с.

- Источники по этнографии Западной Сибири.* — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — 280 с.
- Калашникова Н.М.* Семиотические функции народного костюма // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв.: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию Российского этнографического музея. — СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2002. — С. 222–226.
- Каннисто А.* Статьи по искусству обских угров. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — 52 с.
- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 1. — 152 с.; 1995. — Т. 2. — 284 с.; 1996. — Т. 3. — 264 с.
- Кастрен М.А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1845–1849). — М., 1860. — Ч. 2. — 495 с.
- Кастрен М.А.* Сочинения в двух томах. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). — 352 с.
- Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета.* — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. — Ч. 1: Народы Сибири. — 342 с.
- Киреева Е.В.* История костюма. — М.: Просвещение, 1970. — 165 с.
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А.* Накосные украшения у народов Сибири // СМАЭ. — Л.: Наука, 1988. — Т. 42: Материальная и духовная культура народов Сибири. — С. 105–128.
- Кодолани Я.* Возникновение и распространение нижнего белья у обских угров // Тез. Шестого Международного конгресса финно-угроведов. Сыктывкар 24–30/VII 1985 г. — Сыктывкар, 1985. — Т. 4. — С. 88.
- Козьмин В.А.* Малица в оленеводческой культуре народов Западной Сибири // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею д-ра истор. наук, проф. Зои Петровны Соколовой. — М., 2000. — С. 141–154. — (Сибирский этнографический сборник; Вып. 10).
- Коляков С.* Одежда // Материальная культура. — М.: Наука, 1989. — Вып. 3. — С. 103–107.
- Конькова А.М.* Сказки бабушки Аннэ: Сказки, легенды. — ГИСТЭЛ ДРУК, А-1031 Вена, Мюнцгассе 6, Австрия, 1993. — 117 с.
- Кориков Л.* Сосьвинские и ляпинские вогулы Березовского округа. — Тюмень: Тип. «Сиб. Торг. газ.» (А.А. Крылова), 1898. — 24 с.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. — 240 с.
- Крестьянская одежда населения европейской России (XIX — начало XX в.): Определитель.* — М.: Сов. Россия, 1971. — 366 с.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. — М.: Наука, 1989. — 272 с.
- Крюкова Т.А.* Мордовское народное изобразительное искусство. — Саранск: Морд. кн. изд-во, 1968. — 210 с.
- Крюкова Т.А.* Этнографические параллели в одежде финно-угров Поволжья и Сибири // Вопр. финно-угроведения. — Йошкар-Ола, 1970. — Вып. 5. — С. 261–268.
- Крюкова Т.А.* Удмуртское народное изобразительное искусство. — Ижевск: Удмуртия, 1973. — 160 с.

- Кузнецов И.В.* Одежда армян Понта: Семиотика материальной культуры. — М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 294 с.
- Кузнецов Н.И.* Природа и жители восточного склона Северного Урала: Предварительное сообщение, читано на общем собрании ИРГО 7.10.1887 г. // Изв. ИРГО. — 1887. — Т. 23, вып. 6. — С. 726–749.
- Кулемзин В.М.* Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX — начало XX в.) // Из истории шаманства. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. — С. 154.
- Кулемзин В.М.* Некоторые способы цветообозначения у обских угров // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. — С. 124–128.
- Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — 191 с.
- Кулемзин В.М.* Методические аспекты изучения погребального обряда // Обряды народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. — С. 87–105.
- Кулемзин В.М.* Ханты и манси // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 2: Мир реальный и потусторонний. — С. 363–379.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. — 225 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь: ханты. — Новосибирск: Наука, 1992. — 136 с.
- Куфтин Б.А.* Материальная культура русской Мещеры // Тр. Государственного Музея Центрально-Промышленной Области. — М.: Моск. Гублит, 1926. — Вып. 3, ч. 1: Женская одежда: рубаша, понева, сарафан. — 144 с.
- Кучинский А. (Вроцлав).* Описание Сибири в XVIII в.: (Материалы Л. Сеницкого о сибирских аборигенах и их культуре) // СЭ. — 1972. — № 1. — С. 31–38.
- Лапина М.А.* Этика и этикет хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — 115 с.
- Лашук Л.П.* Очерки этнической истории Печорского края: (Опыт ист.-этногр. исследования). — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. — 200 с.
- Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас. — М.: Наука, 1967. — С. 193–267.
- Лебедева С.Х., Атаманов М.Г.* Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. — Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1987. — С. 112–150.
- Липс Ю.* Происхождение вещей. — Смоленск: Русич, 2001. — 512 с.
- Леви-Строс К.* Путь масок. — М.: Республика, 2000. — 399 с.
- Лепехин И.* Продолжение дневниковых записок путешествия И. Лепехина. — СПб., 1814. — Ч. 3. — 376 с.
- Лобачева Н.П.* О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989. — С. 5–38.
- Лукина Н.В.* Альбом хантыйских орнаментов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. — 239 с.

- Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. — 384 с.
- Лукинский А. Путешествие к вогулам: Из отчета ботаника Н.В. Сорокина. — Казань: Тип. ун-та, 1872. — 15 с.
- Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX — начало XX века). — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. — 180 с.
- Малиев Н. Отчет о вогульской экспедиции Н. Малиева. — Казань, 1872. — 27 с.
- Мартин Ф.Р. Сибирика: Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой под ред. А.Я. Труфанова; коммент. А.С. Сопочиной и А.Я. Труфанова. — Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2001. — 144 с.
- Мартьянова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. — М.: РАН, 1998. — 236 с.
- Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. — М.: Наука, 1984. — 216 с.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. — Новосибирск: Наука, 1993. — 175 с.
- Материальная культура // Свод этнографических понятий и терминов. — М.: Наука, 1989. — Вып. 3.
- Матющенко В.И. Состояние обмена в эпоху раннего железа // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. — Омск: Омск. ун-т, 1995а. — С. 65–83.
- Матющенко В.И. Состояние обмена и начало торговли в эпоху средневековья // Там же. — 1995б. — С. 105–132.
- Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов: В 4 т. — М.: Академия моды, 1993. — Т. 1. — 543 с.
- Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. — Новосибирск: Наука, 1975. — 306 с.
- Мифология манси / Бауло А.В., Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. и др. — Новосибирск, 2001. — 196 с.
- Мифологическое время: Альбом-каталог. — Ханты-Мансийск: Эпифания, 2003. — 216 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. — 568 с.
- Молданов Т. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — 141 с.
- Молданова С.П., Немцова Е.А., Ремезанова В.Н. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. — Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1988. — 272 с.
- Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — 261 с.
- Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. — Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. — 112 с.
- Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. — 228 с.

- Народы Сибири: Этнографические очерки. — М.; Л.: АН СССР, 1956. — 1084 с.
- Никитин Г.А., Крюкова Т.А. Чувашское народное изобразительное искусство. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. — 166 с.
- Новикова Н.И. Новые материалы о духах-«хозяевах» манси // История, археология и этнография Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979.
- Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. // Путешествия по Обскому Северу. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — С. 13–116.
- Носилов К.Д. У Вогулов. — СПб., 1904. — 258 с.
- Носилов К.Д. У Вогулов: Очерки и наброски. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — 304 с.
- Оберталлер П.М. Материалы о хантыйских куклах // СЭ. — 1935. — № 3. — С. 42–49.
- Обские угры: Повествование о культуре народов ханты и манси, о бесценном историческом наследии, бережно сохраненном для грядущих поколений: В очерках, образах и сказаниях о «Кожистой, Шерстистой Земле». — Ханты-Мансийск: Gala Press, 2002. — 64 с.
- Одежда: Программа Советской Трудовой школы 1 ст., II группы, стр. 78, 1928. — М.: Изд-е Гос. Центр. Музея Народоведения, Главнауки Наркомпроса, 1928. — 8 с.
- Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск: Наука, 1982. — 321 с.
- Павловский В. Вогулы. — Казань: Типо-литография Импер. Ун-та, 1907. — 229 с.
- Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1786. — Ч. 2, кн. 1. — 476 с.; 1788. — Ч. 3, 1-я половина. — 624 с.
- Пармон Ф.М. Композиция костюма: Учеб. для вузов. — М.: Легпромбыт-издат, 1997. — 318 с.
- Патканов С.К. По Демьянке: (Бытовой и экономический очерк) // Зап. Западно-сибирского отдела ИРГО. — Омск: Тип. Округ. Штаба, 1894. — Кн. 16, вып. 2, 3. — С. 1–64.
- Патканов С.К. Сочинения в двух томах. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — Т. 1: Остяцкая молитва. — 400 с.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. — 424 с.
- Пигнатти В. Краткое сообщение о поездке на реку Конду летом 1910 года // ЕТГМ. — 1912. — Вып. 20. — С. 1–15.
- Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2002. — 200 с.
- Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и I четв. XX столетия // СМАЭ. — 1955. — Т. 16. — С. 41–146.
- Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — 180 с.
- Потапов А.П. Одежда алтайцев // СМАЭ. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — Вып. 13. — С. 5–59.

- Прокина Т.П. Одежда и украшения // Мордва Заволжья. — Саранск: Морд. кн. изд-во, 1994. — 184 с.
- Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // СМАЭ. — 1971. — Т. 27. — С. 5–100.
- Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // СМАЭ. — 1953. — Вып. 15. — С. 123–233.
- Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // ИЭАС. — М.; Л.: АН СССР, 1961а. — С. 227–328.
- Прыткова Н.Ф. Головные уборы // Там же. — 1961б. — С. 329–386.
- Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970а. — С. 3–99.
- Прыткова Н.Ф. Программа по изучению одежды народов Сибири // Там же. — 1970б. — С. 208–222.
- Прыткова Н.Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири // СМАЭ. — 1971. — Т. 27. — С. 101–112.
- Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков, ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976. — С. 5–88.
- Ратцель Ф. Народоведение. — СПб.: Тип. Товарищества «Просвещение», 7 рота, 20. — 1902. — Т. 1. — 764 с.
- Ромбандеева Е.И. Погребальный обряд сыгвинских манси // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. — М., 1980. — С. 232–238.
- Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). — Сургут: АИИК «Северный дом»; Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. — 208 с.
- Ромбандеева Е.И., Кузакова Е.А. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. — Л.: Просвещение, 1982. — 360 с.
- Росляков И.П. Похоронные обряды остяков // Оттиск из вып. 5. ЕТГМ. — Тобольск: Тип. Тобольского епархиального братства, 3 янв., 1896 г. — С. 1–10.
- Руденко С.И. Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии. — 1929. — Т. 4, вып. 2. — С. 13–39.
- Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — Т. 3. — 640 с.
- Рындина О.М. Камень и бисер: традиция и инновации в окультуренной среде обских угров // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — С. 220–224.
- Садовников Г.С. С реки Ваха Сургутского уезда // ЕТГМ. — 1911. — Вып. 19. — С. 1–21.
- Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX века). — Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние, 1974. — 200 с.
- Селезнев А.Г. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. — Новосибирск: Наука, 1994. — 176 с.
- Сенеев Г.А. Восточные марийцы. — Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. — 248 с.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. — М.: Наука, 1976. — 312 с.

- Сирелиус У.Д. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ. — 1906. — Вып. 15. — С. 1–40; 1907. — Вып. 16. — С. 40–69.
- Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — 344 с.
- Скалозубов Н.Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — С. 359–390.
- Смирнова Е.Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX — первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — С. 201–218.
- Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. — М.: Наука, 1966. — 290 с.
- Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. — М.: Наука, 1984. — 246 с.
- Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. — М.; Л.: АН СССР, 1971. — Т. 37. — С. 211–238.
- Соколова З.П. Ханты рр. Сыня и Куноват // Материалы по этнографии Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. — С. 15–66.
- Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. — М.: Наука, 1975а. — С. 186–210.
- Соколова З.П. Новые данные о погребальном обряде северных хантов // ПИИЭ. — М., 1975б. — С. 165–174.
- Соколова З.П. О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 169–175.
- Соколова З.П. Ляпинско-сосвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. — С. 112–130.
- Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. — М.: Наука, 1980а. — С. 89–117.
- Соколова З.П. Свадебная обрядность: Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири. — М.: Наука, 1980б. — С. 36–42.
- Соколова З.П. Погребальная обрядность: Ханты и манси // Там же. — 1980в. — С. 125–143.
- Соколова З.П. Путешествие в Югру. — М.: Мысль, 1982. — 173 с.
- Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. — М.: Наука, 1983. — 326 с.
- Соколова З.П. Проблемы изучения обско-угорского шаманства // Обские угры (ханты и манси): Материалы к сер. «Народы и культуры». — М., 1991. — Вып. 7. — С. 225–241.
- Соколова З.П. Платок в культуре хантов и манси // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею д-ра истор. наук, проф. Зои Петровны Соколовой. — М.: ИЭА РАН, 2000. — С. 49–86. — (Сибирский этнографический сборник; Вып. 10).
- Старкова Н.К. Ительмены: Материальная культура. XVIII в. — 60-е гг. XX в.: Этнографические очерки. — М.: Наука, 1976. — 165 с.

- Старцев Г. Остяки. — Л.: Прибой, 1928. — 152 с.
- Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX в.) // Историко-этнографический атлас татарского народа. — Казань, 2000. — 312 с.
- Сухарева О.А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. — М.: Наука, 1979. — С. 77–103.
- Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). — М.: Наука, 1982. — 140 с.
- Сычев В.Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии // СЭ. — 1977. — № 3. — С. 32–46.
- Сязи А.М. Декоративно-прикладное искусство хантов Нижней Оби. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. — 176 с.
- Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — 248 с.
- Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX — начало XX в. — Л.: Наука, 1975. — 240 с.
- Талигина Н.М. Описание похоронного обряда сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. — Вып. 2. — С. 130–140.
- Талигина Н.М. Обряды очищения женщин у сынских хантов // Там же. — 1999. — Вып. 8. — С. 97–104.
- Татауров С.Ф. Эволюция торговых отношений в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. — Омск: Омск. ун-т, 1995. — С. 147–151.
- Тахтуева А.М. Материальная культура юганских хантов. — Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. — 80 с.
- Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. — Л.: Наука, 1981. — 544 с.
- Титова З.Д. Дневник Т. Кенигсфельда — этнографический источник первой половины XVIII в. по народам Сибири // СЭ. — 1975. — № 6. — С. 94–100.
- Титова З.Д. Сообщения плененных иностранцев о народах Сибири // Из истории шаманства. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. — С. 172–188.
- Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. — 1970. — № 4. — С. 3–17.
- Томилов Н.А. К истории головных уборов сибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 176–198.
- Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. — 200 с.
- Томилов Н.А. Обряды томских татар при рождении ребенка // Археология и этнография Приобья. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. — С. 143–153.
- Томилов Н.А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. — 222 с.
- Тоцакова Е.М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976. — С. 182–197.

- Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989. — 255 с.
- Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М.: Наука, 1979. — 152 с.
- Тюрки таежного Причудья: Популяция и этнос. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. — 246 с.
- Федорова Е.Г. Одежда манси XIX–XX вв. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. — С. 196–207.
- Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. — Л.: Наука, 1986. — С. 139–156.
- Федорова Е.Г. Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л.: Наука, 1988а. — С. 80–95.
- Федорова Е.Г. Украшения верхней плечевой одежды // СМАЭ. — Л.: Наука, 1988б. — Т. 42: Материальная и духовная культура народов Сибири. — С. 86–104.
- Федорова Е.Г. Взаимодействие культур народов Северо-Западной Сибири: Одежда // Проблемы историко-культурной среды Арктики: Тез. докл. Междунар. симпози. Сыктывкар. Май 1991 г. — Сыктывкар, 1991. — С. 136–137.
- Федорова Е.Г. О значении предмета (на примере плечевой одежды хантов) // Модель в культурологии Сибири и Севера. — Екатеринбург: УрО РАН, 1992а. — С. 98–109.
- Федорова Е.Г. Орнамент на одежде и утвари манси // Орнамент народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992б. — С. 103–114.
- Федорова Е.Г. Адаптивные функции одежды: задачи и программа исследования // Материалы к сер. «Народы Сибири». Народы Сибири. — М., 1993. — Кн. 1, вып. 24. — С. 245–252. — (Сибирский этнографический сборник; Вып. 6).
- Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. — СПб.: МАЭ РАН, 1994. — 284 с.
- Федорова Е.Г. Экологический аспект изучения одежды населения тундровой зоны Сибири // Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. — СПб.: Наука, 1995. — С. 119–165.
- Федорова Е.Г. Женская шуба манси: что стоит за конкретной вещью // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы IV Сибирских чтений. 12–14 октября 1998 г. Санкт-Петербург. — СПб.: МАЭ РАН, 2000а. — С. 144–149.
- Федорова Е.Г. Материальная культура // Салымский край. — Екатеринбург: Тезис, 2000б. — 139–198 с.
- Федорова Е.Г. Похоронная обрядность // Салымский край. — Екатеринбург: Тезис, 2000в. — С. 225–238.
- Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. — СПб.: Европейский Дом, 2000г. — 366 с.
- Федорова Е.Г. Традиционное снаряжение мансийского охотника // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв.: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. — СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2002. — С. 243–247.
- Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. — М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1882. — Т. 1, 2. — 578 с.
- Хайду П. Уральские языки и народы. — М.: Прогресс, 1985. — 430 с.

- Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Приуралья. — Казань: Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. — 198 с.
- Холостых Г.В. Украшения XVI–XVII вв. в археологии Западной Сибири как источник по истории русской торговли // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. — Омск: Омск. ун-т, 1995. — С. 152–165.
- Хомич Л.В. Деревянная и меховая утварь у ненцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976а. — С. 173–181.
- Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. — Л.: Наука, 1976б. — 190 с.
- Хомич Л.В. Ненцы. — СПб.: Русский двор, 1995. — 336 с.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. — М.: Наука, 1985.
- Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских угров // КСИИМК. — М.; Л., 1941. — Вып. 9. — С. 18–28.
- Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. — 1947. — Т. 1. — С. 113–134.
- Чернецов В.Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // СЭ. — 1948. — № 1. — С. 139–152.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. — 1953. — № 35. — С. 7–71.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетие нашей эры // МИА. — 1957. — № 58. — С. 136–245.
- Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // ТИЭ. — 1959. — Т. 51. — С. 114–156.
- Чернецов В.Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // CSIFU. Pars II. Acta ethnologica. — Helsinki, 1968. — S. 102–111.
- Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — 50 с.
- Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. — 288 с.
- Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — С. 35–111.
- Шмелева М.Н., Тазикина Л.В. Украшения русской крестьянской одежды // Русские: Историко-этнографический атлас. — М.: Наука, 1970. — С. 89–123.
- Шульц Л.Р. Салымские остяки // Зап. Тюменского общества научного изучения местного края. — 1924. — Вып. 1. — С. 166–200.
- Шухов И.Н. Из отчета о поездке весной 1914 года к казымским осякам // СМАЭ. — Пг., 1916а. — Т. 3. — С. 103–112.
- Шухов И. Река Казым и ее обитатели // ЕТГМ. — Тобольск, 1916б. — Вып. 26. — С. 1–57.
- Южанинова М.В. Хантыйский сах // Модель в культурологии Сибири и Севера. — Екатеринбург: УрО РАН, 1992. — С. 104–109.
- Kalman B. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. — Budapest, 1961. — 327 S.

- Kannisto A. Über die wogulische Schauspielkunst // Finnisch-ugrische Forschungen. — Helsingfors; Leipzig, 1906. — Bd 6, Hf. 1–3. — S. 213–237.
- Kannisto A. Über die Tatuierungen bei den Ob-ugrischen Völkern // Suomalais-ugrilaisen seuran Toimituksia. — Helsinki, 1933. — 67. — S. 159–185.
- Semayer W. Die Tracht der Ostjaken und ihre Stickereien // Anzeiger der Ethnographischen Abteilung des Ungarischen Nationalmuseums. — 1914, Jg. 6. — S. 167–172.
- Steinitz W. Zu den samojedischen Lehnwörtern im Ob-ugrischen // Ostjakologische Arbeiten. — Вр., 1980. — Bd 4. — S. 158–185.
- Tschernozov V.N. Bärenfest bei den Ob-ugriern // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1974. — T. 23 (2–4). — S. 285–319.
- Vahter T. Ornamentik der Ob-Ugrier. // Société Finno-Ougrienne. Travaux Ethnographiques. — 1953. — 9. — 216 S.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП ОБСКИХ УГРОВ

М	— манси
МВ	— манси восточные
МВл	— манси верхнелозьвинские
МЗ	— манси западные
МКд	— манси кондинские
МЛз	— манси лозьвинские
МЛп	— манси ляпинские
МНс	— манси нижнесосьвинские
МОб	— манси обские
МС	— манси северные
МСС	— манси сосьвинские
МЮ	— манси южные
МЮк	— манси юкондинские
Х	— ханты
ХАг	— ханты аганские
ХВ	— ханты восточные
ХВх	— ханты ваховские
ХВс	— ханты васюганские
ХКд	— ханты кондинские
ХКз	— ханты казымские
ХНо	— ханты нижеобские
ХОб	— ханты обдорские
ХПм	— ханты пимские
ХС	— ханты северные
ХСл	— ханты салымские
ХСн	— ханты сынские
ХСо	— ханты среднеобские
ХТр	— ханты тромьганские
ХЮ	— ханты южные
ХЮг	— ханты юганские

МУЗЕИ. ИСТОЧНИКИ

БИКМ	— Березовский историко-краеведческий музей
ЕТГМ	— Ежегодник Тобольского губернского музея
ИЭАС	— Историко-этнографический атлас Сибири (М.; Л.: АН СССР)
КГКМ	— Когалымский городской краеведческий музей
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии (М.: АН СССР)
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамера)
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПИИЭ	— Полевые исследования Института этнографии
ПМА	— полевые материалы автора
СКМ	— Саранпаульский краеведческий музей
СМАЭ	— Сборник музея антропологии и этнографии (Л.: Наука)
СЭ	— Советская этнография
ТГИАМЗ	— Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТИЭ	— Труды Института этнографии (М.: АН СССР (до 1964); Наука)
ТОКМ	— Тюменский областной краеведческий музей им. И.Я. Словцова
ЭО	— Этнографическое обозрение

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

д.	— деревня
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
р-н	— район
ст.	— стойбище
хант.	— хантыйский
х.-б.	— хлопчатобумажные (ткани)
цв. вкл.	— цветная вклейка

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I	
МАТЕРИАЛ И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОДЕЖДЫ	14
Материал для одежды и технология его обработки	14
Материал для украшения одежды и технология его обработки	45
Предметы для шитья и хранения одежды	86
Глава II	
КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ОДЕЖДЫ	98
Состав костюмного комплекса	99
Типология элементов костюма по покрою (одежда, обувь и головные уборы).	131
Динамика локальных костюмных комплексов.	177
Глава III	
КЛАССИФИКАЦИЯ ОДЕЖДЫ ПО ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ	193
Повседневный комплекс	194
Празднично-обрядовый комплекс	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	217
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	222
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	236

Научное издание

Богордаева Аксана Александровна

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ОБСКИХ УГРОВ

Редактор *Е.В. Егорова*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *Н.А. Горбунова*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *Р.Г. Усова*

ЛР № 020297 от 23.06.97. Сдано в набор 28.11.05. Подписано в печать 20.03.06. Бумага ВХИ. Формат 60 × 90 1/16. Офсетная печать. Гарнитура Times ET. Усл. печ. л. 15,0 + 1,25 вкл. на мел. бум. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 600 экз. Заказ № 584.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН. 630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.
СП «Наука» РАН. 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.